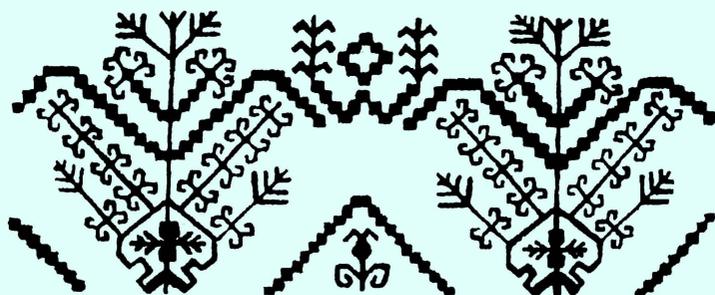

Бубриховские чтения

Петрозаводск
2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**Бубриховские чтения:
Вопросы исторического развития и современное
состояние языков и культуры прибалтийско-
финских народов**

Сборник научных статей

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2011

ББК 81.66
Б901

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доцент *Т. И. Старшова* (отв. редактор),
канд. филол. наук, доцент *Н. М. Гилоева*,
старший преподаватель *О. Э. Горшкова*,
канд. филол. наук, доцент *О. Л. Карлова*

Бубриховские чтения : Вопросы исторического развития
и современное состояние языков и культуры прибалтийско-
финских народов : сб. науч. ст. / отв. ред Т. И. Старшова. —
Б901 Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. — 157 с.

ISBN 978-5-8021-1296-0

Данный сборник содержит материалы научной конференции «Бубриховские чтения: Вопросы исторического развития и современное состояние языков и культуры прибалтийско-финских народов», посвященной 70-летию Петрозаводского госуниверситета.

В статьях преподавателей и аспирантов Петрозаводского госуниверситета, научных сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН на основе разнообразного лексического, грамматического и культурологического материала рассматриваются вопросы контактирования прибалтийско-финских народов, отражающие современное состояние языков. Фольклорный раздел сборника включает статьи о древних мифах, обычаях, традициях народов, расширяющие представление об исторической общности прибалтийско-финских народов.

ББК 81.66

ISBN 978-5-8021-1296-0

© Петрозаводский государственный
университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гилоева Н. М.</i> О преподавании карельского и вепсского языков в Петрозаводском государственном университете	4
<i>Жукова О. Ю.</i> Путь в мир мертвых (на материале вепсских похоронных причитаний)	7
<i>Зайков П. М.</i> Русские заимствования в северно-карельских диалектах. 13	
<i>Иванова Л. И.</i> Культ леса и его отражение в карельском языке	28
<i>Карлова О. Л.</i> «Уличные» фамилии карелов в начале XX века (по экспедиционным материалам Э. В. Ахтия)	36
<i>Ковалева С. В.</i> Традиционные суффиксы карельского языка в современном словообразовании	43
<i>Коробейникова С. В.</i> Уроки домашнего чтения как платформа для формирования представления о взаимодействии культур (финский – русский языки)	58
<i>Логина Е. В.</i> Консистенция дурака, или О формировании образа интеллектуально неполноценного человека в финских народных говорах	68
<i>Лызлова А. С.</i> Жанр сказки в исследовательской работе В. Я. Евсеева. 81	
<i>Миронова В. П.</i> Экспедиционные маршруты В. Я. Евсеева	88
<i>Новак И. П.</i> Чередование ступеней согласных в ливвиковском наречии карельского языка	97
<i>Пашкова Т. В.</i> О некоторых названиях болезней в карельском языке (на примере русских заимствований)	105
<i>Пекшиева М. В.</i> Мифологическое и мистическое как один из аспектов характеристики финнов в повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» 114	
<i>Пеллинен Н. А.</i> Лексика усыпления в карельской колыбельной песне (фоносемантический аспект)	123
<i>Родионова А. П.</i> Семантика времени: грамматический аспект	132
<i>Рудакова С. В.</i> Карельские личные имена в процессе вторичной номинации	142
<i>Терехова О. Е.</i> Современное состояние исполнительства на йоухикко и родственных инструментах	152

***О преподавании карельского и вепсского языков
в Петрозаводском государственном университете***

В 2010 году кафедре карельского и вепсского языков исполнилось 20 лет: она была открыта на филологическом факультете 1 октября 1990 года приказом ректора Петрозаводского государственного университета. Впоследствии кафедра финского языка и литературы и кафедра карельского и вепсского языков образовали факультет прибалтийско-финской филологии и культуры. Первой заведующей кафедрой была В. П. Федотова, старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН. В то время на кафедре, кроме нее, работали 3 преподавателя – доцент Зайков П. М., канд. филол. наук Маркианова Л. Ф., доцент Муллонен М. И., которые внесли большой вклад в преподавание, развитие и возрождение национальных языков, являясь авторами первых базовых грамматик и сборников упражнений. Через два года после начала работы кафедры ее заведующей стала старший преподаватель Горшкова О. Э., читающая в настоящее время лекции по финскому языку и карело-финскому фольклору. В 1997 году кафедру возглавил профессор Зайков П. М. В настоящее время на кафедре работают 8 преподавателей: профессор Зайков П. М., старший преподаватель Горшкова О. Э., доцент Гилоева Н. М., доцент Карлова О. Л., старший преподаватель Жукова О. Ю., старший преподаватель Пашкова Т. В., преподаватель Рудакова С. В., преподаватель Каракин Е. В. Помимо того, спецкурсы по этнографии ведут специалисты ИЯЛИ КарНЦ РАН Винокурова И. Ю. и Конкка А. П. Большой вклад в работу кафедры внесла доцент Богданова Е. В., разработавшая и опубликовавшая не одно учебное пособие для студентов.

Карельскому и вепсскому языкам студентов обучают по следующим курсам: вводный курс, фонетика, морфология имени, морфология глагола, синтаксис, разговорная практика, практика перевода, диалектология и сравнительная грамматика карельского и финского языков. Лекции по грамматике и синтаксису карельского и вепсского языков читаются на соответствующем национальном языке. Курсовые и дипломные работы студенты также выполняют на вепсском или карельском языках, что свидетельствует о достаточно высоком уровне владения языком на старших курсах. К сожалению, не разработан курс лексикологии, на наш взгляд, очень важный для качественного филологического образования. Между тем именно лексика все больше привлекает студентов в качестве объекта исследования и темы дипломного сочинения.

Для студентов разработаны также 2 дистанционных компьютерных курса – «Вводный курс карельского языка» (ливвиковское наречие, авторы Богданова Е. В. и Гилоева Н. М.) и «Морфология карельского языка» (собственно-карельское наречие, автор Карлова О. Л.). Апробирована и тестовая система обучения и проверки знаний.

Для большинства преподавателей кафедры национальный язык (вепсский или карельский) является родным, что в значительной степени улучшает качество его преподавания.

Основной задачей кафедры была и остается подготовка специалистов по национальным языкам. Начальный этап преподавания карельского и вепсского языков был связан со значительными трудностями, обусловленными отсутствием учебно-методических программ, теоретических пособий и сборников упражнений. С течением времени преподавателями кафедры были разработаны названные программы, а также достаточное количество учебных пособий. Только за последние 2 года были опубликованы 3 пособия для студентов. В 2007 году вышли из печати «Opaštukka karjalakši» (автор Карлова О. Л.), «Karjalan kielen livvin murdehen algukursu»

(авторы Гилоева Н. М. и Рудакова С. В.), «Talo eläy tavallah» (со-ставители Зайков П. М. и Тарасюк М. А.). Тем не менее не хватает сборников упражнений для студентов I–II курсов, изучающих вепсский язык (вводный курс и морфология), и для IV курса (син-таксис карельского языка). В связи с этим на одном из последних заседаний кафедры было принято решение подготовить учебные пособия по вышеупомянутым курсам к 2015 году.

Преподаватели кафедры активно исследуют различные про-блемы грамматики и лексики карельского и вепсского языков. В период 2003–2009 годов на кафедре карельского и вепсского языков успешно защитили диссертации на соискание ученой сте-пени кандидата филологических наук Богданова Е. В. (тема «Воз-вратное спряжение в карельском языке»), Гилоева Н. М. (тема «Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определяющие местоимения в диалектах карельского языка»), Карлова О. Л. (тема «L-овая модель в карельской топонимии»), Пашкова Т. В. (тема «Народные названия болезней в карельском языке»), Жукова О. Ю. (тема «Языковые особенности вепсских обрядовых причитаний»). Преподаватель Рудакова С. В. занимает-ся в настоящее время исследованием личных православных имен карел и весьма вероятно обобщит свое исследование в кандидат-скую диссертацию.

Деятельность кафедры направлена в настоящее время также и на пересмотр методики преподавания национальных языков, что связано с изменением контингента студентов. Не для всех посту-пивших карельский или вепсский язык является родным. Еще бо́льшую обеспокоенность вызывает то, что даже на «условно родном» языке молодые люди не говорят, впрочем, пассивный словарный запас все же у некоторых из них имеется. Печально, что национальный язык, несмотря на всевозможные попытки его возрождения и развития, уходит из семьи.

Количество поступающих к нам студентов заметно снизилось. К примеру, в этом учебном году (2010/11) на I курсе обучается 10

студентов (2 вепса, 8 карел), на II курсе – 12 (4 вепса и 8 карел), на III курсе – 13 (2 вепса, 11 карел), на IV курсе – 13 (вепсов нет) и на V курсе – 24 (6 вепсов и 18 карел). Кроме того, в этом году мы получили лишь 10 бюджетных мест, что связано с сокращением общего количества мест на гуманитарных факультетах. Кроме того, нам было настоятельно рекомендовано сформировать группы только вепсов и южных карел, не проводя традиционного разделения на собственно-карел и ливвиков. В итоге две студентки из Северной Карелии были бы вынуждены изучать ливвиковское наречие карельского языка, а не родное собственно-карельское. В связи со сложившейся ситуацией преподавателями кафедры было принято решение повторно обратиться к руководству университета с просьбой разделить группу карел на южную и северную, и в настоящее время преподавание карельского языка ведется как на ливвиковском, так и на собственно-карельском наречии.

Для улучшения ситуации с набором студентов преподавателями кафедры ежегодно проводится профориентационная работа в районах РК. Популяризация национальных языков в различных сферах жизнедеятельности и бóльшая вариантность специализаций на факультете, возможно, изменили бы ситуацию в лучшую сторону.

Будем надеяться, что интерес к специальностям кафедры не угаснет и, что немаловажно, востребованность подготовленных ею специалистов возрастет.

© О. Ю Жукова

Путь в мир мертвых (на материале вепских похоронных причитаний)

В причитаниях, плачах, являющихся вербальными компонентами обрядов перехода, связанных с изменением статуса индивида, важнейшими являются представления, связанные с «дорогой». При помощи этих образов репрезентируется основное противопос-

тавление сфер «своего» и «чужого», сфер «жизни» и «смерти». Деление пространства ритуала на две сферы: «свое» и «чужое» является общим в различных обрядах, где в ходе ритуала устанавливается контакт между представителями этих двух сфер (Байбурин, 1993, с. 183).

Обратившись к текстам вепских похоронных плачей, выделим отдельные мотивы и используемые в них языковые средства, традиционные формулы, относящиеся к данному семантическому полю, описывающему путь в иной мир.

Целью похоронно-поминального обряда было облегчение перехода души умершего в иной мир. Похороны – это снаряжение в «дорогу». Для вепских причитаний характерна форма утверждения: *sinä kerazitoi i kogozitoi* – «ты собрался и сподобился (уходить)». Языковая формула *keratas i kogotas* – «собраться и сподобиться», характерная для средневепской и южновепской плачевой традиции, иносказательно говорит о факте смерти, слова «умереть», «смерть» в причитаниях не употребляются. Обращаясь к умершему, говорят, что он «собрался», имея в виду «уходить из этого мира».

В качестве примера приведем отрывок из плача над гробом умершей сестры, записанного в дер. Немжа Ленинградской обл.:

Setei sinä minun laskou čikuško,

sinä kerazitoi i kogozitoi äjou aigaližuu homencuduu-se (фон. ПГК, № 313/8005).

«Милая ты моя сестрица,

ты собралась (уходить) в очень раннее утро».

Следующий пример из южновепской традиции. Мать плачет по дочери (дер. Радогощь Ленинградской обл.):

Laskāi jo sä tütrīne, *kerazite i kogozite* vestitõmale rönäzele (Väisänen, 1916, № 113).

«Ласковая доченька, собралась (ты) и сподобилась на неизвестную сторонушку».

Рассматриваемое словосочетание *keratas i kogotas* является примером глагольной пары – бинома, ставшего устойчивым сочетанием с закрепленной семантикой. Стремление к образованию подобных синонимических пар можно назвать особенностью употребления глаголов в тексте вепских обрядовых плачей. Глаголы стоят в тексте рядом и соединены сочинительной связью, союзом «и». А. П. Евгеньева, говоря о синонимичных парах, соединенных союзами «и», «да», в различных жанрах русской устной поэзии, отмечала, что роль этих союзов отличается от соединительной и присоединительной роли в литературном языке, «так как основанием для постановки рядом является совпадение значения, а не расхождение» (Евгеньева, 1963, с. 269). Функция союза усилительная, а также повторение семантически близких слов в двучленных конструкциях, формулах необходимо для цели усиления значения. Обратим внимание также, что глаголы в паре *kerazitoi i kogozitoi* созвучны между собой, т. е. поддерживают аллитерацию.

Тема «пути, дороги» связана с представлениями об области смерти, о чем-то отдаленном. «Чужой» – «не свой», «далекий».

Kengteške pit'kha dorogeizhe (ПМА, № 8) – «обуйся в долгую дороженьку» – приплакивали, укладывая покойника в гроб и обувая его утром в день похорон.

Путь этот не только отдаленный, но еще и «неизвестный», его характеризуют следующим образом: *Töndud (sinä) tundmatomid dorogeizidme, tedmatomid tesaroidme* (ПМА, № 8).

«Отправишься (ты) по незнакомым дорожкам, по неизвестным перекресточкам».

Конечной целью этого пути является встреча на том свете с «предками, родителями». В плачах встречаются обращения к умершим родственникам с просьбой принять в свой круг вновь прибывшего:

Levedad hiimokundad vastakateiške,

mii toimei tiile libedan linduižen, otkat armha arteližehe (ПМА, № 8).

«Многочисленная родня, встречайте, мы привели к вам милую пташечку, примите в дорогую арте-люшку».

Исполнительница плача может обратиться к покойному с просьбой, передать «низкие поклоны» ее умершим родственникам:

Ed-ik vasta sinä minun setjan mamoihuden, sanuške alaheižid pokloneižid (ПМА, № 8).

«Может быть, встретишь мою милую мамочку, передай низкие поклоны».

Место, куда умерший уходит навсегда, именуется в похоронных причитаниях **veraz vilu randeine** – «чужой холодный бережок». Атрибутивное словосочетание является традиционной формулой для языка вепсских плачей.

Плач по умершей подружке (дер. Немжа):

Kuna sinä jätid ičeiz libedid linduižid, äjou eigou norid i glupeižid,

sinä lähted hiišpei *verhale vilule randeižele*,

setei laskou minun da podruškeine (фон. ПГК, № 313/8005).

«Как же ты оставила своих милых птичек, очень рано молодых и глупых,

ты уходишь от них на чужой холодный бережок,

милая, ласковая моя подруженька».

В формуле **veraz vilu randeine** – «чужой холодный бережок» два постоянных эпитета, которые аллитерационны между собой. Порой, когда эпитет не созвучен с определяемым словом, к нему может добавляться второй эпитет для соблюдения аллитерации: **veraz vilu randeine** – «чужой холодный бережок». В рассматриваемом сочетании оба прилагательных несут важнейшую семантику, представляющую оппозицию «свое – чужое», «чужое» всегда «холодное».

Слово **gand** «берег» может восприниматься в значении «край, сторона». В фольклорной традиции многих народов «сторона» со-

четається с определением, обладающим семантикой «чужой» (Байбурин, 1979, с. 116). Но в контексте похоронного обряда, возможно, не случаен выбор слова *rand* «берег». Известно, что, по поверьям многих народов, души умерших переправляются в загробный мир по воде. Таковы и древние представления вепсов. Некоторые обряды указывают на то, что иной мир мог находиться в низовьях реки, это подтверждается и древневепсской традицией сооружать курганы в низовьях рек (Винокурова, 2003, с. 419).

В одном вепсском похоронном плаче мы встречаем следующее описание пути в загробный мир (дер. Ладва Ленинградской обл.):

Sötei tatoihudem, vouged peiveihudem, kasardaške sinä leved da doroģeine.

Vessel viikoihudem, minä poprosiiz̄in i umoliiz̄in,
paneške bibučihe da sohuzihe dubovijad da siibheižed,
zakažiške sinä vesel da veneihut, kasardaške rodimi roditel' sötei mamoihud,

ehtataške sinä levedas da merudes.

Sötei tatoihudem, kabardaške sinä ičiiž oiktou käbedou kädudou,
primiške sinä ičiiž armha arteližehe rodimi roditel' sötei mamoihudem (фон. ИЯЛИ, № 1067/1).

«Кормилец-батюшка, белое солнышко, выруби ты широкую дороженьку.

Веселый братец, я попросила бы и умоляла бы,
клади в зыбкие болотца дубовые да колышки,
закажи ты веселую лодочку, переправь родимого родителя милую матушку,

переправься по широкому морю.

Милый батюшка, обними ты своей правой красивой рученькой,
прими ты в свою милую артельюшку родимую родительницу матушку».

Ученые полагают, что плачи зародились прежде в похоронном обряде, позднее появились и другие виды причети. Возможно, первоначальное значение «берег» было важным для похоронного

ритуала, а затем значение расширилось до «края, стороны», что обозначает «удаленное, другое, чужое место», куда уходит индивид в обрядах перехода (в свадебном причитании невеста уходит в замужнюю жизнь также: *verhale vilule randeižele*. В одном вепском похоронном плаче встречается указание, что умерший человек уходит на берег озера: *järverandeižele kerazitoi i kogozitoi-se* – «на бережок озера собрался» (из плача по зятю, Логинова Наталья, дер. Озера, фон. ЭЛМ, № 2983/20).

Таким образом, страна мертвых находится на «далеком», «другом», «чужом» берегу (*verhal vilul randeižel*). И он не только чужой, но еще и холодный: прослеживается противопоставление теплый – холодный, живой – мертвый. Путь туда идет по воде (в текстах встречаются варианты «моря» и «озера»), путь «долгий» (*pit'k dorogeine*) и «неизвестный» (*tundmatoi i tedmatoi*), а там душа умершего вводится в сонм предков, они принимают его в свою *armha arteližehe* – «милую артелюшку».

Список литературы

Байбури А. К. Проблема пространства в русских и карельских причитаниях // Симпозиум–79 по прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 1979. С. 113–117.

Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Винокурова И. Ю. Похоронно-поминальная обрядность // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 419–425.

Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 348 с.

ПМА – полевые материалы автора, № 8.

фон. ИЯЛИ – фонотека Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, № 1067/1.

фон. ПГК – фонотека Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова, № 313/8005.

фон. ЭЛМ – фонотека Эстонского Литературного музея, № 2983/20.

Väisänen O. I. Vepsäläinen laulukokoelma. I kopia, 1916 (рукопись), № 113.

© П. М. Зайков

Русские заимствования в северно-карельских диалектах

Славяне начали проникать на территорию проживания прибалтийско-финских народов ранее I тысячелетия нашей эры. Языковые контакты между ними, возможно, начались в 500–700-е годы, и большинство древних заимствований из древнерусского языка датируются 800-ми годами (Plöger, 1973, s. 26–33; Häkkinen, 1983, s. 242–243; Ojanen, 1985, s. 13).

Т. Бернштам полагает, что Старая Ладога, которая располагалась на левом берегу Волхова в 12 км от Ладоги, была главным пунктом славянской экспансии и становится официальными северными воротами, через которые проезжали почетные гости из России и в Россию: посольский люд, торговцы и военачальники. Изначально в городе проживали славяне, чудь, варяги, балты, но в XI веке большинство населения составляли русские. Позже город попадает в полную зависимость от Новгорода (Бернштам, 1978, с. 21–23). В это время начинаются достаточно активные контакты русских с карелами (Накатиев, 1986, s. 9).

Экспансия новгородцев распространялась на север, в Заонежье и Беломорье. Здесь они соприкасались с карелами и даже соперничали с ними за рыбные и охотничьи угодья.

Упомянутые территории принадлежали в XV веке «пяти карельским детям». Тогда карелы и новгородцы ловили рыбу на берегах Белого моря поочередно, сменяя друг друга через год. Позже, однако, карелы вынуждены были уйти с земель Соловецкого монастыря, и на эти территории пришло русскоязычное население

(Бернштам, 1978, с. 44). Часть карелов осталась постоянно проживать на территориях, прилегающих к Белому морю. Живя в смешанных селах, они активно контактируют с русскоязычным населением, становятся двуязычными, а затем полностью переходят на русский язык.

Северные карелы достаточно активно занимались коробейничеством. Купив товар в Петербурге, Архангельске, Кеми и в других крупных населенных пунктах, они пешком либо на лошадях отправлялись в Финляндию, где, главным образом, в деревнях продавали ткани, платки, пуговицы и пр. товар. Торговля требовала от коробейников хорошего знания как финского, так и русского языка.

Известно также, что в Карелию – «ближнюю Сибирь» – бежали русские люди, спасаясь как от долгой службы в армии, так и по другим причинам. В карельских деревнях они нанимались на работу, а затем овладевали карельским языком и создавали свои семьи. Вероятно, они также приносили в карельскую культуру и карельский язык определенное русское влияние.

Известно, что карелы уже в XII веке были крещены в православную веру, и церковь имела значительное влияние на их жизнь. В средние века монастыри и церкви владели землями и рыбными угодьями, привлекая карелов на работу, и, таким образом, распространяли свое влияние и русскую культуру среди карелов.

Старообрядчество распространилось в Архангельской Карелии во второй половине XVII века. В те времена в карельских лесах встречались проповедники старообрядчества, под влиянием которых карелы также становились староверами. Усилиями староверов в Северной Карелии стали возникать монастыри. Так, на одном из островов Топозера был построен мужской монастырь, который просуществовал сто лет, вплоть до 1853 года (Vuoristo, 1977). Кроме того, женский монастырь (Скит) был возведен на южном берегу этого же озера; монахини обучали карельских детей русской грамоте и обычаям староверов. В течение многих десятилетий ка-

релы посещали эти монастыри. В целом следует отметить, что карелы позитивно относились к раскольникам, они строили им кельи, которые пристраивали к своим домам. О старых затворниках заботились и не выдавали их полиции. Общаясь со староверами, карелы также познавали русский язык (Шикалов, 2005, с. 90–91).

Первые школы в Беломорской Карелии появились в 1840–1850 годах (Илюха, 2002, с. 16–17). В 1909 году школы Министерства народного просвещения были во всех карельских волостях Кемского уезда, за исключением Маслозерской, Подужемской и Тихтозерской, где имелись только церковно-приходские школы. Занятия велись в 26 школах (Илюха, 2007, с. 131). Отношение к карельскому языку со стороны чиновников отражает рапорт директора народных училищ Олонецкой губернии Д. П. Мартынова: «Смотреть на карельский язык как на такое знание, от которого школа должна детей отучать». И далее, в ответ на запрос министра народного просвещения он пишет: «Говорить по-карельски и учителю и ученикам строго воспрещается, потому что употребление в преподавании карельского языка в прежнее время служило главным тормозом к успешному, в русском смысле, течению дела в карельских училищах. Знание учителем карельского языка, как показывает опыт, невольно влечет учителя к преподаванию на карельском языке, а это весьма вредит делу» (Илюха, 2002, с. 180).

В советский период начинается значительный приток русскоязычного населения в Карелию, что было связано с лесоразработками и строительством промышленных предприятий. В этот период возникают новые города и населенные пункты, куда стекаются также и карелы, становясь двуязычными. Во время Великой Отечественной войны карельские семьи эвакуируют на Урал, где женщины совместно с местным населением работают на лесозаготовках и на других работах. Дети учатся в русских школах и по возвращении в Карелию уже почти не владеют карельским языком.

Поворотным моментом в жизни карельских деревень стала их ликвидация, как неперспективных и подлежащих укрупнению. Сотни карельских семей лишились своей малой родины, что также привело к утрате родного языка.

Русские заимствования в финском языке исследовали Й. Миккола (Mikkola, 1894, 1938), А. Плегер (Plöger, 1973), Й. Калима (Kalima, 1952), К. Хяккинен (Häkkinen, 1983). В монографии Й. Калима приводятся сведения из других прибалтийско-финских языков, в том числе из карельского. Влияние русского языка на развитие и функционирование наречий исследовал Т. Куук (Куук, 1987). М. Оянен подвергла анализу грамматическую категорию имени прилагательного в свете русско-людиковских языковых контактов (Ojanen, 1985). Р. Пюёли проследила процессы лексических изменений в ливвиковском наречии карельского языка (Pyyli, 1996), особенности южно-карельско-русских языковых контактов изучала А. Сархимаа (Sarhimaа, 1999). Различные аспекты русских заимствований в карельских диалектах рассматриваются в работах В. Е. Злобиной (Злобина, 1965, 1967, 1971), А. П. Баранцева (Баранцев, 1971), З. М. Дубровиной (Дубровина, 1979, 1980), Г. Н. Макарова (Макаров, 1965), В. Д. Рягоева (Рягоев, 1977), Я. Ыйспуу (Ыйспуу, 1980), А. В. Пунжиной (Пунжина, 1971).

В прибалтийско-финских языках различают обычно два пласта русских заимствований. Так называемые «старые заимствования» восходят к праславянскому либо к древнерусскому периоду и являются общими для многих прибалтийско-финских языков. Русские заимствования более позднего периода называют «новыми». Тем не менее новые заимствования делят еще на две группы, одну из которых именуют «новыми», а другую – «новейшими» заимствованиями. Последние, по мнению некоторых исследователей, вошли в карельский язык после 1917 года (Ojanen, 1985, s. 27). Деление новых заимствований на две группы является, в известной

степени, условным, ибо в некоторых случаях довольно сложно определить, является ли заимствование новым или новейшим.

Старые заимствования уже полностью адаптировались в заимствующем языке в соответствии с его нормами. Они уже не воспринимаются заимствованиями, их соотношение с русским языком требует особых знаний, связанных с историей языка. В свою очередь, новые заимствования имеют относительно ясную этимологию, но не всегда легко устанавливаемую. Новейшие же этимологически довольно прозрачны, особенно для двуязычных людей.

Исследователи считают, что заимствуются, прежде всего, имена существительные и в меньшей степени – прилагательные, глаголы и наречия. Следует иметь в виду, что те диалекты карельского языка, которые находятся в длительном и тесном контакте с русским языком, заимствуют из русского языка достаточно активно, порой даже такие лексемы, которые имеются в своем языке.

Существует мнение, что северно-карельские диалекты в меньшей степени подверглись влиянию русского языка, чем, например, ливвиковское и людиковское наречия. Отчасти это верно, но и здесь мы находим достаточное количество заимствований, вошедших в язык в разные периоды.

В своей статье мы сосредоточим внимание на анализе, главным образом, новых заимствований, которые прочно утвердились и адаптировались в карельском языке. Старые и новейшие заимствования будут привлекаться по мере необходимости для иллюстрации определенных языковых явлений. Многие из этих заимствований были восприняты из северно-русского наречия, отличительными чертами которого являются:

- 1) противопоставление /o/ и /a/ в безударных слогах – оканье;
- 2) аффрикаты /ч/ и /ц/ совпадают в общем произношении;
- 3) утрата междугласного /j/ и связанное с этим стяжение нескольких соседних гласных, например: знаат (знает);
- 4) упрощение некоторых сочетаний согласных, например: омман (обман), ланно (ладно);

5) употребление постпозитивных частиц, согласуемых с именем, например: стол-от, жену-ту;

6) формы 3-го лица настоящего времени глаголов с окончанием *t*, например: ходит, ходят (РД, 1990, с. 23–24).

Когда слово заимствуется из русского языка, то в нем происходят определенные фонетические изменения в области гласных и согласных звуков.

Изменения в области гласных:

1. Краткий ударный /o/ заимствованного слова остается без изменения: *kotti* < 'кóты' (вид обуви), *rohatta* < 'богáт, богáтый', *rotu* < 'род', *tolkku* < 'толк'; *pokosta* < 'погóст', *kristossie* < 'христóсоваться'.

Следует отметить, что христианское церковное имя с анляутом на /A/ представлено в карельском языке начинающимся на /O/, так как в такой форме оно существует в северно-русском наречии: *Okahvie* < 'Агáфья', *Ol'ona* < 'Алёна', *Ontto* < 'Антóн', *Ort't'o* < 'Артём' (Rugojeva, 1999, s. 239).

2. Если в старых заимствованиях первоначальный гласный /e/ замещался переднерядным /ä/ (*veräjä* < 'верéя', *läsie* 'болéть' < 'лежáть'), то в новых и новейших – гласным /e/: *vesselä* < 'вéсело'; *ženihä* < 'женúх'; *šerču* < 'ченéц'. Под влиянием северно-русских диалектов *e* > 'o: *ser'ota* < 'средá', *pes's'ota* < диалектное (диал.) 'бесéда' (Подвысоцкий, 1885, с. 6).

3. В древнерусском языке существовало различие между краткими и долгими гласными, которое затем исчезло, но заимствования указывают на их былое существование:

а) первоначальный долгий /a/ заместился в карельском языке дифтонгом *ua* (<*aa): *nuatti* < 'нать'; *luatie* 'дéлать' < 'лáдить'; *puasma* 'мотóк шерстяных нítок в 30 или 60 оборóтов' < 'пáсма', *šuali* < 'жаль', *puajie* (> *paissa*) 'говóрить' < 'бáять' (Куликовский, 1898, с. 3), *Spuassu* < 'Спáс'. Позже гласный /a/ ударного слога также переходит в дифтонг *ua*: *pruasniekka* < 'пράздник', *sruasti* < 'страсть', *puaro* < 'бáба', *Puavila* < 'Пáвел', *Luasari* < 'Лáзарь',

Aukusta < 'Август', Juakko < 'Яков', Tuarie < 'Дарья' (Rugojeva, 1999, с. 239);

б) первоначальный долгий /e/ произносится в северно-русском наречии как звук, близкий дифтонгу ie, из которого в карельском языке развился iä: miärä < 'мэра', giähkä < 'грех', liävä < 'хлев';

в) долгий /i/ отражается в заимствованиях как долгий ii: piigua < 'пирог', šiivatta 'домашние животные' < 'живот'. В новых и новейших заимствованиях ударный гласный замещается в карельском языке долгим ii, а безударный – кратким i: niitti < 'нить', piigu < 'пир', hiitroi < диал. 'хитрой', miiloi < диал. 'мúлый', riihi < 'рига';

г) долгий /ы/ переходит в дифтонг ui: muila < 'мыло'; puitto < диал. 'бытто', vuitti 'часть, участок земли, время еды' < 'выть' (Kalima, 1952, s. 188);

д) долгий /у/ субституируется в первом слоге дифтонгом uo, в поздних заимствованиях – долгим uu: kuomino < 'гумно', kuoma < 'кум'; luoto < 'луда', kuurie < 'курить', duuhhu < 'дух'.

Известно, что в русском языке отсутствует гармония гласных, присущая карельскому языку. Тем не менее русские заимствования, вошедшие в карельский язык, подчиняются закону гармонии гласных по ряду. Другими словами, слово становится либо с заднерядной, либо с переднерядной огласовкой. В последних случаях гласные русского языка а, о, у переходят в разряд переднерядных ä, ö, у. Достаточно сложно вывести какой-либо строгий закон изменения гласных, можно лишь предложить некоторые общие тенденции.

Гласный е, следующий за мягким согласным, часто замещается кратким ä либо дифтонгом iä, развившимся из долгого ää (iä < ää): värttinä < 'веретенó', miärä < 'мэра', liävä < 'хлев', giähkä < 'грех', räččinä < диал. 'редчина'.

Во многих случаях гласные а, о, у, следующие за мягким согласным, изменяются в переднерядные ä, ö, у: tyrmä < 'тюрьма', tökötti < 'дөготь', triäni < 'дрянь', sriäppie < 'стряпать', nänččie < 'нянчить', trähnie < 'тряхнуть', riätie < 'рядить', tiätinkkä 'тэтя' <

'дяденька', piätinččä < 'пятница', riälät 'пьяльцы' < диал. 'пяла' (Куликовский, 1898, с. 97); 'пяло' (Подвысоцкий, 1885, с. 144).

Часто случается так, что если в первом и втором слогах выступают гласные i, e, то в последующих слогах выступают гласные ä, ö, y: perinä < 'перуна', melliččä < 'мельница'.

Структура слова

В тех случаях, когда заимствуется слово женского рода с исходом на гласный /a/, конечный гласный сохраняется либо переходит в /ä/. Эти же гласные представлены в антропонимах: petä < 'бедá', petla < 'петля', muatinččä < 'матица', primietta < 'примета', kokora < диал. 'кокóра' – 'корень дерева с корневищем' (Подвысоцкий, 1885, с. 68), porropa < 'попóна', staučča < 'ста́вица' 'деревянное блюдо', šuovatta < 'суббóта', stvarosta < 'ста́роста', melliččä < 'мельница', miärä < 'мэра', Kuisma < 'Кузьма', Mikittä < диал. 'Микúта' (Куликовский, 1898, с. 55), Varvana < 'Варвára', Hetora < 'Федóра'.

В отдельных существительных среднего рода конечный /o/ заменяется на /a, ä/: ikkuna < 'окно́', kol'čča < 'кольцо́', jläliččä < 'яйцо́' и, наоборот, в редких случаях в женских антропонимах конечный a > o: Iro < 'И́ра', Nasto < 'Нáстя', Tommo < 'Дóмна'.

Если же русское слово оканчивается на твердый согласный, то к нему добавляется гласный a, ä: moločča < 'молоде́ц', kostinččä < 'гостúнец', huhl'akka < диал. 'хухля́к' (Куликовский, 1898, с. 130), patrakka < 'батра́к', arššina < 'аршúн', čukuna < 'чугúн', alttina < 'алты́н', palahvana < 'балахóн', akafista < 'ака́фист', Akima < 'Акúм', Onissima < 'Анúсим'; Jehkimä < 'Ефúм', Kirilä < 'Киру́лл'.

В некоторых случаях конечным гласным может быть /o/, /u/ или /i/: miero < 'мир', kormano < 'карма́н', čottu < 'счет', truuku < 'друг', čuassu < 'час', anhelí < 'áнгел', pesmeni < 'безме́н', čirppi < 'сеп'.

Если же конечный согласный русского слова палатализованный, то в исходе карельского слова представлен гласный /i/: čuari < 'ца́рь', artteli < 'артéль', artutti < 'ртуть', čuasti < 'часть'.

Займствованные названия месяцев, вероятно по аналогии, приобрели формы с исходом на а, следующие после мягкого согласного: janvar'a < 'январь', fevral'a < 'февраль', sent'arg'a < 'сентябрь', okt'arg'a < 'октябрь', pojar'g'a < 'ноябрь', tekarg'a < 'декабрь'.

Я. Калима придерживается мнения, в соответствии с которым исходной формой для заимствования не обязательно должна быть начальная форма существительного. Исходной может быть форма винительного или родительного падежа слова, то есть та форма слова, которая является наиболее употребительной в разговорной речи. Так, например, в предложении «Я был у купца и купил ситца» формы существительных «купца» и «ситца» были восприняты как начальные и вошли в карельский язык в виде *kurča* и *siičča* (Kalima, 1952, s. 59). Действительно, заимствована может быть часто употребляемая форма слова в разговорном русском языке или в диалекте, которая, заимствовавшись, приобрела в карельском языке статус начальной формы.

Изменения в области согласных

1. В карельском языке слова обычно не начинаются на сочетания согласных. Если же в начале русского слова представлено сочетание согласных, то оно избегается отбрасыванием одного из них: *riähkä* < 'грех', *riäsittäy*, *kriesittäy* < 'грэзиться', *vuassa* < 'квас', *kortteri* < 'квартира', *ripakko* < 'тряпка'.

Позднее, когда карельско-русские контакты становятся достаточно активными, сочетания согласных в начале слова сохраняются. Типичными являются сочетания *pl*, *pr*, *tr*, *kl*, *st*, *sr*:

plašie < 'блажить', *platenčča* 'младенец' < диал. 'бладенец' (Куликовский, 1898, с. 4), *primietta* < 'примета', *propatie* < 'пропасть', *prituanie* < 'приданое', *proskenja* < 'прощенье', *kleima* < 'клеймо', *truasittua* < 'дразнить', *trähnie* < 'тряхнуть', *starina* < 'старина', *staraija* < 'стараться', *Sroičča* < 'Троица', *srokka* < 'спок', *Trohkima* < 'Трофим', *Prokko* < 'Прокóпий'.

Сочетание трех согласных *str* избегается отбрасыванием среднего согласного: *sruasti* 'ужас' < 'страсть', *sriäppie* < 'стря-

пать', srojje < 'стро́ить'. Очень редко в анляте сохраняется сочетание трех согласных: spruavie < 'спра́вить'.

2. Северно-карельские диалекты характеризуются отсутствием звонких согласных, поэтому согласные г, д, б, з, ж русского языка изменяются в данных диалектах в глухие k, t, p, s, š. Довольно часто свистящий /c/ закономерно замещается шипящим /š/:

korničča < 'го́рница', tuumaija < 'ду́мать', ruaro 'повива́льная ба́бка' < 'ба́ба', poikkoseh < 'бо́йко', ruato < 'страда́' (Kalima, 1952, s. 146), giätie 'догово́рится' < 'ряду́ть', pokosta < 'погос́т', runtukka < 'рунду́к', oprasa 'ико́на' < 'о́браз', naviitie 'люби́ть', терпéть' < диал. 'нави́деть', šuovatta < 'суббо́та'; šanki < 'ша́ньги', šuššuna < 'шушúн', tuška < 'тоска́', viršta < 'верста́', pat'vaška < 'подво́йский' (Kalima, 1952, s. 67), šuali < 'жаль', plašennoi < диал. 'блаже́нный', ruavušna < диал. 'па́ужина', 'па́ушна' (Подвысоцкий, 1885, с. 117), prostokišša < диал. 'простоку́ша' (Куликовский, 1898, с. 94; Подвысоцкий, 1885, с. 142), Kauro < 'Гавру́л'; Torohvei < 'Дорофе́й'; Poktana < 'Богда́н', Okahvie < 'Ага́фья'; Palaka < 'Пелаге́я', Ontrei < 'Андре́й', Suava < 'Са́ва', Sohja < 'Софу́я'.

Однако следует отметить, что согласный /г/ в отдельных случаях, вероятно под влиянием северно-русского наречия, изменяется на h: haitukka 'него́дник' < диал. 'хайду́к' ['Андозера хайдуки нет ни хлеба, ни муки' (Подвысоцкий, 1885, с. 2)], 'гайду́к'; anheli < диал. 'а́нхел', 'а́нгел'; rohatta < диал. 'боха́т', 'бога́т'; Ahappa < 'Ага́пий'; Johora < диал. 'Ехо́р', 'Его́р'.

3. В начале слова русские аффрикаты /ц/ и /ч/ замещаются в карельском одиночной аффрикатой /č/: čäppi < 'цепь', čolovannikka < 'целова́льник', čikana < 'цыга́н', čerkku < 'це́рковь', čuutiutuo < 'чу́диться', čeri < 'черта́' (SKES, VI, s. 1001), čäiju < 'чай', čartakka < 'черда́к', česnie 'сдо́хнуть' < 'исчезну́ть', činie < 'чини́ть'.

В середине слова названные русские аффрикаты переходят в геминированные čč: korničča < 'го́рница', luavičča < 'ла́вица', tuatinčča < 'ма́тица', kol'čča < 'кольцо́', kostinčča < 'госту́нец', liččie < 'лечи́ть', nänččie < 'ня́нчить'.

4. Русские согласные /х/, /в/ и /ф/ замещаются в карельском языке следующим образом:

а) русский /х/ передается в начале и середине слова согласным /h/: *hiitroi* < 'хúтрый', *huhl'akka* < диал. 'хухля́к' (Куликовский, 1898, с. 130), *viehka* < 'вéха'; *riähkä* < 'грех'.

В интервокальной же позиции русский /х/ переходит в *hk*, *hh* или сохраняется: *pahkilat* < 'баху́лы', *tuuhhu* < 'дух', *manahha* < 'монáх', *uhhotie* < 'уходúть', *uuharskoi* < 'у́харь', *Tiihona* < 'Тúхон', *Prohona* < 'Прóхор';

б) согласный /в/-обычно сохраняется (*vičča* < 'вúца', *venčča* < 'венéц', *viero* < 'вéра', *miilost'ivoi* < диал. 'мúлостивой'), однако в результате синкопы, оказавшись рядом с гласным, он может перейти в /u/: *laučča* < 'лáвица', *prauta* < 'п ráвда', *gouno* < 'рóвно'; *klaunoi* < диал. 'глáвной', *Kauro* < 'Гаврúл', *Joukenie* < 'Евгéния', *Lauri* < 'Лавр';

в) русский согласный /ф/ заменяется в карельском языке согласным /h/: *kauhtana* < 'кафтáн'. В антропонимах же на его месте выступают *h*, *hk*, *hp*, *hv*, *pp* (Rugojeva, 1999, s. 240): *Hilippä* < 'Филúпп', *Noma* < 'Фомá', *Nekla* < 'Фёкла', *Huotari* < 'Фёдор', *Jehkimä* < 'Ефúм', *Mehvo* < 'Мефóдий', *Marppa* < 'Мáрфа';

г) носовые согласные /м/, /н/ и ликвиды /л/, /р/ остаются в карельском языке без изменения: *moločča* < 'молодéц', *Matr'o* < 'Матрéна', *navalie* < 'навалúть', *Niikkona* < 'Нúкон', *läsie* 'болéть' < 'лежáть', *luatie* < 'лáдить'; *UI'l'ana* < 'Улья́на', *roštuva* < 'Рождествó'; *runtukka* < 'рундúк';

д) /й/ русского языка, следующий за гласным, субституируется кратким гласным /i/: *ossoboi* < диал. 'осóбой', *primietlivoi* < диал. 'примéтливой', *harččivoi* 'плот, на котором сплавщики отдыхали и готовили еду' < ср. 'харч', *puutnoi* < диал. 'пúтной'.

Необычным является заимствование *tumanto* 'тумáн', в котором легко увидеть две части: *tuman* и *to*. Заимствование воспринято из северно-русских диалектов, в которых постпозитивная час-

тица -то употребляется после имени: «Суседка-то Парамоновна-то ягоды-то красные-то пихтерем носит». Данная частица произошла из соответствующего указательно-выделительного местоимения. Предполагается, что это остаточное явление неразвившейся в русском языке грамматической категории постпозитивного артикля (РД, 1990, с. 165).

В кестеньгском и оулангском диалектах используется приветствие в виде «*Āelom terveh!*». Оно, без сомнения, было заимствовано из русских диалектов, где звучит как «Челом здоробо!» (Подвысоцкий, 1885, с. 132).

Заимствование *parhimerno* 'напримёр' возникло, вероятно, путем наложения двух слов: например и примерно. В результате из второго слова в карельскую форму проник последний слог -но, который присоединился к слову «например».

Требуется объяснить также возникновение лексемы *tiätinkä* 'тётя, жена дяди', в которой к слову *tiätä* 'дядя' присоединен суффикс -*nkä* (<нька), вероятно, по аналогии со словом «тётенька». Новая лексема стала обозначать существительное женского рода.

Северно-карельские диалекты достаточно активно заимствуют полные формы прилагательных мужского рода с окончанием -ой, которые характерны для северно-русских диалектов: *hiitroi* < диал. 'хитрой', *kluuroi* < диал. 'глупой', *kur'ašoi* < диал. 'курящей', *ruutnoi* < диал. 'путной', *norma'l'noi* < диал. 'нормальной'. В отдельных случаях заимствуются и краткие формы: *rohatta* < 'богат', *kluupra* < 'глуп'.

При заимствовании глагола за основу берется его корень в русском произношении, к которому присоединяется необходимый карельский словообразовательный суффикс, и затем этот глагол спрягается в соответствии с нормами карельского языка. Наиболее распространенными деривационными суффиксами являются:

1) континуативный суффикс -*iče*, -*iččo*, -*iččö*: *ruaru-iče*-, -*iččo*- 'повитуществовать', *kul'a-iče*-, -*iččo* 'гулять', *romina-iče*-, -*iččo*- 'поминать', *pes's'otu-iče*-, -*iččo*- 'беседовать', *ruavušno-iče*-, -*iččo*-

'пóлдничать', jeresty-iče-, -iččö- 'колдовать', tuumai-iče-, -iččo- 'думать';

2) континуативный суффикс -i: prost-i-e 'простить', mol-i-e 'молить', ruaj-i-e 'говорить', navii-i-e 'любить', liččie 'лечить', näñčie 'нянчить', sriäpp-i-e 'стряпать';

3) рефлексивный суффикс -utu, -uty: roti-utu-o 'родиться', čuuti-utu-o 'чудиться', prosti-utu-o 'проститься', pokloni-utu-o 'поклониться', giäti-uty-ö 'подрядиться'.

Безусловно, употребляются и другие суффиксы, но значительно реже, чем упомянутые выше, например: truasi-tta-u 'он дразнит', ruaji-ttele- n 'я разговарю'.

Я. Ыйспуу обратил внимание на связь словарных форм глагола в карельском и русском языках на материале тихвинского диалекта. Эстонский исследователь отмечает, что если в русском языке показателю -ть предшествует гласный /и/, а иногда и согласный /с/, то в карельском языке суффиксом первого инфинитива будет -(i)е (prostie < 'простить', podvedie < 'подвести') (Ыйспуу, 1980, с. 170–171).

В северно-карельских диалектах к данному случаю следует еще добавить те типы глаголов, в которых перед показателем -ть выступают гласные /a/, /y/, /e/: sriäppie < 'стряпать', ruajie < 'бáять', tresnie < 'трéснуть', trähnie < 'тряхнóуть', naviiite < 'навидеть'.

В северно-карельских диалектах, как и в тихвинском диалекте, продуктивными являются глаголы на -ja, -jä, которым в русском языке соответствуют глаголы на -ать, -овать, -еть (Ыйспуу, 1980, с. 170–171): tuumaija < 'думать', rominaija < 'поминáть', рооруија < 'прóбовать', šaleija < 'жалéть'. Сюда же следует отнести некоторые глаголы на -ить: rakanoiija < 'погáнить'.

Список литературы

Баранцев А. П. Случаи мены языка в речи карел-людигов // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1971. С. 38–41.

Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

Дубровина З. М. Из истории русских слов, заимствованных в карельский язык // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Turku, 1980. С. 128.

Дубровина З. М. Глаголы русского происхождения в карельском языке // *Симпозиум-79*. Петрозаводск, 1980. С. 82–85.

Злобина В. Е. К проблеме лексической интерференции в карельском языке // *Вопросы финно-угорского языкознания*. Петрозаводск, 1965. С. 187–193.

Злобина В. Е. О некоторых звуковых изменениях в одном из говоров карельского языка // *Советское финно-угроведение*. 2. Таллинн, 1967. С. 97–99.

Злобина В. Е. Языковые контакты и звуковые изменения в грамматической структуре языков // *Прибалтийско-финское языкознание*. 5. Петрозаводск, 1971. С. 33–37.

Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007.

Кукк Т. Словообразование наречий в карельском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1987.

Куликовский Герман. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Макаров Г. Н. Заметки о лексике карельских сказок // *Вопросы финно-угорского языкознания*. 3. М.; Л., 1965. С. 202–210.

Подвысоцкий Александр. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Пунжина А. В. О некоторых лексических заимствованиях в карельском языке // *Прибалтийско-финское языкознание*. 5. Петрозаводск, 1971. С. 42–45.

РД – Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.

Рягов В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.

Шикалов Ю. Старообрядчество и браки в Архангельской Карелии XIX века // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005. С. 89–97.

Бйспуу Я. Глаголы русского происхождения и формы их инфинитива I в тихвинском говоре карельского языка // Советское финно-угроведение. 3. Таллин, 1980. С. 167–174.

Dubrovina Z. Venäläisperäisten sanojen vaiheita karjalan kielessä // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1980. S. 20–24.

Hakamies P. Venäläisten sananparsien vaikutus karjalaiseen ja suomalaiseseen sananparsistoon // SKST. 451. Mänttä, 1986.

Häkkinen K. Suomen kielen vanhimmasta sanastosta ja sen tutkimisesta. Turku, 1983. 447 s.

Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme // Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista. Helsinki, 1952.

Mikkola J. Die älteren Berührungen zwischen den Ostseeefinnisch und Russisch // SUST. LXXV. Helsinki, 1938.

Mikkola J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen // SUST. VIII. Helsinki, 1894.

Ojanen M. Adjektiivikategoria venäläis-lyydiläisissä kontakteissa // Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja.5. Joensuu, 1985.

Plöger A. Die russischen Lehnwörter der finischen Schriftsprachen // Veröffentlichung der Societas Uralo-Altaica. Bd. 8. Wiesbaden Harrassowitz, 1973.

Pyöli R. Venäläistyvä aunuksenkarjala // Kielenulkoiset ja -sisäiset indikaattorit kirlenvaihtotilanteessa. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja.18. Joensuu, 1996.

Rugojeva L. Vienankarjalan ortodoksisten henkilönnimien foneettisesta adaptaatiosta // Publications of Võru institute. 6. Võru, 1999. S. 238–241.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1987.

Sarhima A. Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of bilingual mixed codes. Focus on Karelian-Russian language alternation // Studia Fennica. Linguistica. 9. Helsinki, 1999.

© Л. И. Иванова

Культ леса и его отражение в карельском языке

Любую карельскую деревню окружали две природные стихии – вода и лес. Жизнь карела непосредственно была связана и во многом зависела именно от них. Поэтому ему необходимо было установить контакт с этими стихиями и даже, по возможности, подчинить их себе.

Водное пространство человек осваивал очень осторожно, стараясь лишний раз не тревожить его духов. И это ему удавалось, потому что передвигался по воде карел только на лодке, только днем и без лишнего шума. Взрослые практически не купались (особенно с развлекательной целью). Брали воду, полоскали белье, сначала попросив прощения за беспокойство, и только с прибрежных камней или мостков, которые были как бы связующим звеном между чуждым водным пространством и родной землей. Самым глубоким вмешательством в дела водных хозяев было забрасывание сетей, именно в такие моменты случались курьезы, и в сети попадались дети духов воды, такие же беспечные во время купания, как и человеческие.

С лесом все обстояло гораздо сложнее. С одной стороны, на самом «лесном царстве», на его хозяевах однозначно лежала печать

иного, чуждого, опасного для людей мира. Ведь именно *mečän ižändy* (хозяин леса), как никакой другой дух, близок к нечистой силе, к образу *karu* (черта), очень часто карел ставил между ними знак равенства и в названиях, и во внешности, и в функциях.

Между тем человек вынужден был внедряться в это чуждое и опасное пространство. Для строительства любой деревушки приходилось вырубать деревья, захватывая у леса и его хозяев землю и делая ее своей. Через лес проходили все дороги и тропы из селения в селение. В лесу вырубались пожоги для сеяния репы и зерновых. Там были все покосы и пастбища для животных. Наконец, охотник за пропитанием должен был идти именно туда. Таким образом, человек, сам того не желая, постоянно покушался на владения и богатства хозяев леса, поэтому им, соответственно архаичным взглядам, было за что обижаться на людей.

Границей между родным, освоенным пространством, и чуждым, полным опасностей, лесным, считался конец вспаханной земли. Эту черту не имел права переступать *mečän ižändy*, а человек в неподвластные ему владения шел, только испросив разрешения у духов-хозяев, с молитвой и оберегами.

В рамках данной статьи нет возможности детально описать весь культ леса, нашедший отражение в карельской мифологии и обрядовой практике. Если говорить коротко, то в нем очень условно можно выделить три основные стадии.

Самая поздняя, третья, нашла основное отражение в мифологических рассказах. В них лес населен особым народом – *mečänvägi* и находится во власти духов-хозяев – *mečän ižändät*, *metsän haltiat* и т. д. На втором, срединном этапе, лесом правили боги. Чаще всего это Тапио и Хийси, у каждого из них было свое «лесное царство». Подтверждение этим верованиям мы находим в эпических песнях и заклинаниях, обрядах типа *Tarion röytä*.

И первая, самая архаичная, стадия поклонения сохранилась во многих фольклорных жанрах, но лишь фрагментарно. К примеру, в быличках с этим этапом связан сюжет *Mečän peitto*. Изначально

древний человек обожествлял саму стихию леса; сам лес воспринимался им как некое одушевленное существо, требующее поклонения. Вот именно этот древнейший пласт верований и нашел ярчайшее отражение в карельском языке.

В нем лес тоже олицетворен. В словарях в качестве одного из значений слова «*metšä*» (лес) приводится именно такая трактовка: «*metšä henkilöitynä, metsän haltija*» (лес одушевленный, дух леса)¹. Карел видит лес поющим: «*Mettsy laulau ku äijal tuulou*» (Лес поет, когда сильный ветер дует). Лес умеет говорить: «*Metts andau iänen vastah kirgujez*» (Лес подает голос в ответ, если крикнешь). У него развиты зрение и слух: «*Elä vie mettsäh salattavua: metsä nägöö dai kuuloo*» (Не относи в лес тайного: лес видит и слышит)². Лес любит тишину, покой и порядок – так считал карел, и с этим связано много запретов. В Кестеньге говорят: «*Ei pie vihelteä, metsä kuulou*» (Не надо свистеть, лес слышит). Суоярвцы считают, что лес не любит споров; если сделаешь что-то на спор, добра не жди, не только добычи не будет, но можно и заблудиться: «*Mettsä ei suvaitše kiistoa, kiistah vai loadined, ei puutu toittši*». В деп. Суйстамо верили: «*Mettsä ei suvaitše nagramista, sillä pidää olla tod'ine*» (Лес не любит смеха, там надо вести себя спокойно); «*Mettsä puhtahan suvaitšoo*» (Лес чистоту любит). На юге Карелии известны приметы, в которых лес предстает как нечто, способное навлечь беду: «*Ku lumen aigua jyrissöy, sit mečču pahua luadiu tuliel kezäl*» (Если пока лежит снег, гремит гром, то лес бед наделает следующим летом). Более древний, мифологизированный портрет сохранился и в карельском варианте русской пословицы «Как аукнется, так и откликнется». Карелы говорят: «*Midä metsäh kirguat, sen metsy vastua*» (Что в лес крикнешь, тем лес и ответит) – придешь в лес с добрым словом и приношением, он тоже поможет и ягоду найти, и зверя добыть.

¹ Karjalan kielen sanakirja. Osa 4. Helsinki, 1994. S. 299–301.

² Karjalaisia sananpolvia. Helsinki, 1971. S. 271.

В русском языке о человеке, наделенном каким-либо талантом, говорят: «Его Бог поцеловал». У карелов есть сходная пословица, подчеркивающая степень обожествления леса: «Kudamas roih metšyniekku, sen santah, kondii tiedeä, sidä mettšy koski» (Из кого будет охотник, того, говорят, медведь знает, того лес тронул). В данном случае это не просто дикий зверь, а тотемное животное, покровитель рода, позже – олицетворение духа-хозяина леса. Карелы считали, что он никогда не тронет в лесу женщину, беременную девочкой, иное дело, когда в животе – мальчик; медведь может погнаться за ней, и тогда именно из этого ребенка вырастает хороший охотник. Иногда медведь, наоборот, убивал беременную мальчиком³, тем самым как бы видя в будущем новом члене родового коллектива своего соперника.

Уже говорилось, что в сознании карела образ хозяина леса близок к образу черта, нечистой силы. Это также отразилось в древнем пласте языка. Именно со словом *metšä* (лес) связано огромное число ругательств, в которых оно переводится не иначе как черт. Во-первых, это распространенное проклятие: «Mečču sinuu ottas» (Лес бы тебя побрал). Считалось, что если такое ругательство направлено на ребенка или на домашнее животное, то лес обязательно спрячет его, возьмет в свое укрытие («Mečču reittäu», «Mečän reittos on»). Духи-хозяева леса уже с момента вербального произнесения проклятия считали, что посланное к ним сразу же становится их собственностью, и не медлили прийти за обещанным.

В дер. Импилахти говорят: «Tšortu silmäl vei, mettšy otti, ku en eniä kylän rahvahii tunne» (Черт глаз унес, лес взял, раз уже не узнаю односельчан). Или: «Tulgua, meččähizet, iäre, heittiät pajatandu!» (Идите, лешие, вон, перестаньте петь!). Существует выражение, аналогичное русскому «Какого черта (лешего) ты пришел?» – «Midä meččähisty sinä tulit?». Но если в русском языке два варианта

³Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел. Л., 1981. С. 26.

(один соотносится с языческими верованиями, на другом уже лежит налет христианства, внесшего четкое деление на добро-зло, рай-ад и т. п.), то в карельском языке только один, более архаичный, связанный с лесом. Русский фразеологизм «Пропади пропадом» (или «Сгори в адском котле») также сопоставим с карельским «Mene mečän kattilah» или «Mene helvetin kattilah» (Иди к лешему в котел / Иди в адский котел)⁴.

У карелов, как и у многих народов, в древности был широко распространен культ отдельных деревьев.

В Ведлозере в 1997 году был записан мифологический рассказ о том, как заболела одна женщина. Причиной послужило то, что она ходила растрепанная, с неубранными волосами, и несколько волосинок унес ветер (tuulen selgäh peästih). В данном случае и ветер воспринимается как живое существо, которое может целенаправленно схватить волосинки, не случайно по-карельски дословно говорится, что они попали «ветру на спину» (tuulel selgäh). «Tukku gu tuulen selgäh puuttuu, men tiije miittumah puuh puuttuu. Puuttuu sie on kaksi puudu erästy nengaleite rinnakkai. Sit tuulel sidä lekuttau, vädžäitäy, sit i mugagi rubiet elämäh, vadžizemäh. Enne kuole t...» «Волос как унесет ветер, поди знай, на какое дерево он попадет. Попадет, там два дерева каких-то стоят так рядышком. И вот их ветром так качает, скрипят, тогда так и жить будешь, скрипеть. Раньше умрешь...» Волос в фольклоре всегда воспринимается как средоточие жизненных сил, плодовитости, счастья, удачи, здоровья⁵. В эпических песнях посредством проглатывания волосинки героиня может даже забеременеть. Поэтому волосы после расчесывания никогда не выбрасывали куда попало, их всегда сжигали. Поэтому потеря волос воспринималась как предвестник болезни

⁴Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000. С. 121; Макаров Г. Н. Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. С. 203; Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. Helsinki, 1983. S. 299–300.

⁵Hämäläinen A. Ihmisruumiin substanssi. Helsinki, 1920. S. 18–46.

или иной беды. Далее в быличке рассказывается, что пришлось женщине идти в лес и срубить одно из деревьев. А после этого: «Dai rudžu roiteh: “Sinä minun akal peän leikkait”. Yksi puu jäi seizomah, a toizen häi leikkoi. Vot... Dai puut ollah elävät vikse... Enne muga oli». – «И скрип раздался: “Ты моей жене голову отрезала”. Одно дерево осталось стоять, а другое она срубила. Вот... И деревья, видимо, живые... Раньше так было» (ФИАЛИ, 3363/5)⁶.

С особыми мерами предосторожности карелами рубились деревья для строительства дома. Это делалось чаще в новолуние, в первые дни недели. Выбирали обычно сосну и березу – деревья, которые несли позитивную энергию, давали человеку силы и жизнеспособность, а не отбирали все это, как, к примеру, осина и ель. Ни в коем случае нельзя было брать сваленные, т. е. погибшие деревья. Запрещалось рубить искривленные, так называемые «буйные» деревья, которые могли запрограммировать такую же нелегкую жизнь в новом доме. То есть считалось, что душа дерева могла переселиться и в бревно, из которого будет строиться жилище. Об этом свидетельствуют и многочисленные карельские пословицы: «Metsaz ei pie pahoi pajista: puud kuulou. Pertiz ei pie pahoi pajista: seined kuulou» (В лесу не надо плохо говорить: деревья слышат. В доме не надо плохо говорить: стены слышат)⁷. «Mettsiä on vie lavvan särvis» (Лес даже в краях досок)⁸. Сямозерские карелы после того, как выбрали место для строительства дома, к изготовлению сруба не приступали, пока не проходило сорок дней с момента рубки деревьев. Запрет объясняли поверьем: «Сосны о своей смерти сорок дней смолоу плачут».

⁶ Здесь и далее в скобках указана информация о единицах хранения Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (ФИАЛИ): № кассеты / № дорожки на кассете.

⁷ Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. Helsinki, 1983. S. 270.

⁸ Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. Helsinki, 1983. S. 299.

Таким образом, смерть дерева на магическом уровне приравнивалась к смерти человека⁹.

В карельских эпических песнях есть сюжет, в котором плачущее бревно (или поваленное дерево) просит героя сделать из него лодку.

Известен ритуал мытья избы у многих народов, в том числе и у карел, когда в курных избах не только полы и потолки, но и стены добела скребли большими ножами. Г. Рянк считал, что делалось это с целью «изгнания “плохих” духов», которые могли быть в бревнах дома¹⁰.

Вера в силу и покровительство почитаемых деревьев нашла широкое отражение и в образных пластах карельского языка, особенно в различных фразеологизмах¹¹. Про недотепу говорили *olet lerän töhlö* (ты ольховая растяпа), про легкомысленного человека – *huabamieli* (осиновый ум), про упрямого – *oled gu koivuine čurku* (как березовая чурка), про вековуху – *kassu kadajine, perze pedäjine* (коса можжевелевая, задница сосновая), про бедняка – *kodi on korves, perti pedäjäs, elot oksal* (дом в глухом бору, комната в сосне, пожитки на сукý), про здорового и крепкого человека – *on ku honkan runko* (как ствол сухостойной сосны), про горько плачущую – *itköy ku koivu koaduu* (плачет, как береза клонится). Выражение *d’oga haabu hammastaa* (каждая осина кусает) означало «все обижают». Каждый фразеологический оборот имеет архаичные корни, и семантическая трактовка весьма интересна. Здорового человека не случайно сравнивают с сосной, а обиженного – с осиной. Именно сосны, как самые крепкие деревья, чаще всего выбирались для строительства дома. На них делали карсикко, которое являлось средством общения с духами и первопредками. Плачущую жен-

⁹ *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия // Сямозерье. Петрозаводск, 2009. С. 215.

¹⁰ *Ränk G.* *Vatjalainen koti* // KSV, 1947–1948. № 27–28. S. 155–156.

¹¹ См.: *Федотова В. П.* Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000. С. 42, 71, 84–85, 98, 111, 134–135, 161.

щину уподобляли березе, так как именно это дерево было покровителем материнского рода.

Когда с человеком надоедало возиться и уже было все равно, что он будет делать, говорили *mengäh hot' huobazeh kandoh očin* (пусть уходит хоть в осиновый пень лбом), *mengäh hot huabazeh kuuzeh* (пусть уходит хоть в осиновую ель), *hos kuivah kuuzeh kohokkah* (хоть на сухую ель пусть залезет), *männä hot' honkah očin* (идти хоть в сухостой лбом). Полное безразличие к происходящему означало выражение *vaikka honkie taivahasta satakkah* (пусть хоть сосны с неба падают).

Во многих устойчивых выражениях сохранились отголоски не только архаичного поклонения деревьям, но и признания родственных отношений с ними. Внебрачного ребенка называли *kataikon alta löyvetty* (под можжевельниками найденный); про человека, который не был родственником *viärän*, – *koivun kautti on heimolaini* (родственник через кривую березу). Аналогом русской пословицы «Яблоко от яблони не далеко падает» является карельская «*Kandoh i vežat kazvetah*» (по пню и побеги). Когда человек умирал, карелы говорили: *männä mättähäh* (уйти под кочку) – в данном случае кочка (как и пень) обозначает вход в потусторонний мир, в «подземное царство»; а похоронить означало *ranna kahen pedäjän välih* (положить между двух сосен).

Таким образом, в карельском языке сохранились древнейшие семантические пласты, которые наглядно демонстрируют культовое почитание леса и отдельных деревьев, присущее мифологии карелов.

**«Уличные» фамилии карелов в начале XX века
(по экспедиционным материалам Э. В. Ахтия)**

Финляндский исследователь Эдвард Вильгельм Ахтия известен, прежде всего, как собиратель лексики сямозерского, некульского, рыпушкальского и суоярвского диалектов карельского языка. Опираясь на языковой материал названных диалектов, в 1936 году он выпускает также грамматику карельского языка (*Ahtia E. V. Karjalan kielioppi*. 1936).

Собранный Э. В. Ахтия в начале XX века колоссальный лексический материал насчитывает около 256 тысяч словарных единиц (KKS, 1968, XXIV–XXXVIII). Основная лексика карельского языка, в том числе лексический материал Э. В. Ахтия, наиболее полно представлена в шеститомном словаре «*Karjalan kielen sanakirja*», издание которого осуществлялось с 1968 по 2005 год в Финляндии. В Исследовательском Центре родных языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus) в секторе названного «Словаря карельского языка» сохранилась и антропонимическая картотека, составленная Э. В. Ахтия во время экспедиций к карелам. Данная картотека включает около 250 личных имен, прозвищ и фамилий карелов, а также названий домов и деревень, в основе которых восстанавливаются антропонимы. Мы обратимся к так называемым «уличным» фамилиям карелов, т. е. неофициальным фамилиям, которые имели широкое употребление в народной карельской среде наряду с личными именами. Последние представлены в большинстве случаев карельскими вариантами русских православных имен. В «уличных» же фамилиях закреплялись нехристианские имена и родовые прозвища предков, в которых можно искать следы традиционного карельского именованослова.

Анализ антропонимической лексики, собранной Э. В. Ахтия, показывает, что «уличные» фамилии восходят в абсолютном большинстве к прозвищным наименованиям. В своих полевых материалах финский исследователь фиксирует собранные антропонимы именно как фамилии (фин. sukunimi), т. е. передающиеся из поколения в поколение родовые наименования, а не прозвища. В ономастической картотеке Э. В. Ахтия из 217 антропонимов, зафиксированных как фамилии, только четыре названы прозвищами. К примеру, Pullo Pedri (< апел. pullo 'бутылка') из дер. Сямозеро. Информант дает следующее пояснение: «Pullo on mainičuznimi, ei mene roijii», т. е. 'Пулло – это прозвище, не переходит к сыновьям'. Хотя вместе с тем зафиксированный в Суоярви аналогичный антропоним Pullo Ахтия причисляет к фамилиям. Некоторые из записанных финским исследователем «уличных» фамилий легли в основу современных официальных (далее офиц.) фамилий [Bugčat – офиц. Бурцин (Маккойла, Вешкелица); Puzu – офиц. Пузуев (Лумбила, Сямозеро)], а это дает нам основание полагать, что перед нами картотека «уличных» фамилий. Необходимо отметить, что «уличная» фамилия в карельской практике не всегда соответствует официальной русской. На материале, собранном Э. В. Ахтия, этого не проследить, поскольку официальных фамилий исследователь не фиксирует. Приведем некоторые примеры таких антропонимов из полевых материалов, хранящихся в ономастической картотеке Института языка, литературы и истории КарНЦ:

1. Лексические основы «уличной» и официальной фамилий совпадают: N'akoi – Няккуев (Олон. р-он), Nuttuset – Хуттуев (Ругозеро, Муез. р-он), Lesoset – Лесонен, Лежоев, Лежев (Калев. р-он; Белом. р-он).

2. Официальная русская фамилия является переводным вариантом неофициальной карельской: Leskiset (кар. leski 'вдова') – Вдовин (Оуланга, Лоух. р-он), Haroin (кар. haroi 'блин') – Блинов

(Большие Горы, Олон. р-он), Меџсо, Меџоі (кар. меџсо 'глухарь-мошник') – Мошников (Белом. р-он; Кем. р-он; Олон. р-он).

3. «Уличная» и официальная фамилии не соответствуют: Виџі – Кириллов (Янгозеро, Медв. р-он), Ыаккуzet – Евсеев (Тунгуда, Белом. р-он), Kikki – Максимов (Пряж. р-он).

Представленные выше примеры показывают, насколько по-разному может происходить адаптация карельских антропонимов в русском языке. Отметим, что на официальном (русском) уровне фамилии у карелов закрепились только на рубеже XIX–XX веков.

Вернемся к антропонимическому материалу, зафиксированному Э. В. Ахтия в начале прошлого века. Большую группу карельских антропонимов составляют фамилии, в основе которых просматривается лексика фауны – названия животных и птиц¹:

Kiiškoі (Эссоила, Пряж. р-он) < kiiškoі 'ѳрш';

Kondien Ondri (Сямозеро, Пряж. р-он) < kondie 'медведь';

Kuhan Vas'a (Тукса, Олон. р-он) < kuha 'судак';

Kuikka Timoi (Суоярви), Kuikan Miikul (Рыпушкалицы, Олон. р-он) < kuikka 'гагара';

Kukoi Ivan (Сямозеро, Пряж. р-он) < kukoi 'петух';

Kägöi (Салми) < kägöi 'кукушка';

Kärgi (Суоярви) < kärgi 'дятел черный';

Lokku, Lokan Peša (Сямозеро, Пряж. р-он) < lokka 'чайка';

N'uakan Semoi (Суоярви) < n'uakka 'галка';

Närhi (Сямозеро, Пряж. р-он) < närhi 'сойка';

Vošši (Сямозеро, Пряж. р-он) < bošši 'баран';

Röppöni Trošši (Суоярви) < röppö 1. 'медведь' 2. 'змея';

Ruu Dan'i (Суоярви), Ruu Fed'a (Сямозеро, Пряж. р-он) < руу 'рябчик';

Reboi (Сямозеро, Пряж. р-он) < reboi 'лиса';

¹ При сопоставлении антропонима с соответствующей нарицательной лексикой в статье используются материалы «Словаря карельского языка» (KKS, 1968).

Räčöin Fed'a (Сямозеро, Пряж. р-он) < räčöi ' (Сямозеро, Пряж. р-он) < 'дрозд';

Sorzan Il'a (Суоярви), Sorzu (Юргилица, Олон. р-он) < sorza 'утка';

Čiučoin Anni (Сямозеро, Пряж. р-он) < čiučoi 'воробей'.

Аналогичные антропонимы встречаются во всех прибалтийско-финских языках. За такими именованиями людей могла скрываться характеристика человека, они могли даваться на основе какого-либо внешнего сходства или характера поведения человека с определенным животным. К примеру, антропоним Kiiškoі представляется возможным возвести к метафорическому значению апел. kiiškoі 'незаинтересованный, упрямый, неподатливый' (KKS, 1968) и апел. kiiski 'о скандальном человеке' (KMS, 1974–1981).

При интерпретации антропонима Lokka заманчиво исходить из обнаруживающегося в карельских говорах Приладожья значения слова lokki (то же, что и lokka): перен. 'существо крупных размеров', а также 'о ленивом' (KMS, 1974–1981).

В качестве идеи имени Närhi можно представить зафиксированное в карельских говорах Приладожья образное выражение: напр., выражение угрозы «Näytän närhin näverit» в переводе на русский язык означает 'я тебе покажу, где раки зимуют' (närhinnäveri букв. 'бурав, сверло сойки') (KMS, 1974–1981). Можно предположить, что в основу данного фразеологизма легло указание на противный, скрипучий голос сойки, похожий на звук сверла.

Переносное вторичное значение лексемы kuha 'об игривом, вертлявом, неискреннем человеке (непонятно, говорит правду или лжет)' (KMS, 1974–1981) также могло послужить основанием для образования антропонима Kuha прозвищного характера.

Показательно, что следы «уличных» фамилий, восходящих к названиям животных и птиц, обнаруживаются и в современных официальных фамилиях карелов: Кяргиев, Кяргин, Локкин, Локкиев, Куйкка, Куйкин.

Как уже было сказано выше, основную и самую многочисленную группу рассматриваемых нами «уличных» фамилий составляют антропонимы прозвищного характера, восходящие к нарицательной лексике с негативным значением. Этимологический анализ родовых прозвищ выявляет многообразие карельских лексем с указанием на неряшливость, неопрятность носителя имени, например:

Šutin Ivan (Вешкелица, Пряж. р-он) < šutti 'оборванный, в лохмотьях';

Ryögän D'eusoi (Сямозеро, Пряж. р-он) < ryögy 'о неопрятном, неряшливом';

Röbeli (Суоярви) < göbeli 'о неряшливом человеке; рваный, оборванный; в лохмотьях';

Rözö Vas'a (Суоярви) < rözö 'о неряшливом и неопрятном человеке', а также 'об излишне наивном';

Retukan Mit'a (Сямозеро, Пряж. р-он) < retukku 'о неряшливом человеке; оборванный; в лохмотьях'.

Среди «уличных» фамилий выделяется также группа антропонимов, в основе которых лежит лексема с указанием на низкий рост, худобу, некрасоту обладателя имени. Приведем примеры:

Šäkki Grigoï (Вешкелица, Пряж. р-он) < šäkki 'невысокий, низкорослый человек', ср. čäkki 'воробушек';

Rikin Semoï (Сямозеро, Пряж. р-он) < rikki 'о маленьком низкорослом человеке';

Kuakku Omelie (Суоярви) < kuakku 'о некрасивом человеке';

Kurkoin Ivan (Сямозеро, Пряж. р-он) < kurkoi 'о низкорослом человеке';

Kärpi (Суоярви), Kärin Il'lu (Сямозеро, Пряж. р-он), Kärin Hilipru (Олон. р-он) < 'о маленьком и худом человеке', ср. ukkokärpi 'о некрасивом, безобразном'.

Неуклюжесть, крупные размеры, нерасторопность также являлись благодатной почвой для появления прозвищного наименования:

Köböni, Köbön Ivan (Хуккала, Суоярви) < köbö 'неуклюжий, нерасторопный, беспомощный';

Vän'tti Griša (Суоярви) < vântti 'о неуклюже двигающемся человеке';

Tuuzan Ped'a (Сямозеро, Пряж. р-он) < tuuzu 'о кичливом или тучном человеке; о начальнике, богаче', ср. рус. 'туз';

Kekšoi, Kekšoin Afon'a (Олон. р-он) < kekšoi 'большой живот';

Mara, Maran Griša (Суоярви) < mara 'о пузатом человеке';

Kaššali (Сямозеро, Пряж. р-он) < kaššali 'берестяной кошель', ср. перен. kesselimaha 'о человеке с большим животом' (kesseli 'кошель'; maha 'живот').

Глупость и ленивость человека высмеиваются карелами, как правило, в связке. Среди подобных прозвищных наименований выделяется группа антропонимов, в основе которых лежит лексема, заимствованная из русского языка:

Turičču Vas'a (Сямозеро, Пряж. р-он), Turičan Il'u (Олон. р-он) < turičču 'о глупом, ленивом, неумелом';

Turoi Trošši (Сямозеро, Пряж. р-он) < turoi 'о глупом и неумелом';

Dundukku Fed'a (Сямозеро, Пряж. р-он) < 'дундук';

Čurkku (Сямозеро, Пряж. р-он) < čurkku перен. 'набитый дурак', ср. рус. 'чурка';

Lökki Semoi (Суоярви) < lökki 'об уродливом или глупом, бесплодном человеке';

Tuhkan Ivan (Олон. р-он), Tuhkan On'n'oi (Сямозеро, Пряж. р-он) < ср. tuhkan'äppi 'неумеха' (букв. 'щепоть в золе') или tuhkuria 'набитый дурак' (букв. 'голова с золой') (Федотова, 2000).

Обратимся к последнему антропониму Tuhka. Финский исследователь топонимии В. Ниссиля относит указанный антропоним к именам, указывающим на род деятельности именуемого. Так, апеллатив-мотиватор tuhka со значением 'зола' связывается с подсечным земледелием (Nissilä, 1975, s. 152–153). На наш взгляд, при объяснении истоков антропонима возможно также исходить из

известных в карельской образной речи выражений *tuhkan'äppi* 'неумеха' (букв. 'щепоть в золе') или *tuhkurïä* 'набитый дурак' (букв. 'голова с золой') (Федотова, 2000). Интересно заметить, что антропоним продолжает функционировать в качестве современной карельской фамилии, ср. Тухкин. Родовой дом Тухкиных в дер. Сеппяваара (Олон. р-он) известен под названием *Tuhkantaloï* (картотека ИЯЛИ).

В заключение хотелось бы привести примеры «уличных» фамилий с положительной, позитивной семантикой.

Prikki Vas'a (Рыпушкалицы, Олон. р-он) < *prikki* 'бодрый, бойкий, проворный';

Bodroi Van'a (Олон. р-он) < рус. 'бодрый';

Boba (Сямозеро, Пряж. р-он) < *boba, bobaine* 'о красивом человеке', ср. *boba* 'игрушка';

Zor'an Grigoi (Сямозеро, Пряж. р-он) < *zor'a* 'заря'.

Карельский антропоним *Zor'a*, вероятно, восходит к заимствованному из русского языка нарицательному *zor'a* 'заря'. Примечательно, что в карельской образной речи с зарей могли сравнить красивого человека, например: «*kačot gu zor'ah*» (*čomah ristikanzah*), что в переводе на русский язык 'смотришь, как на зарю (на красивого человека)' (СКЯ, 1990).

В данной статье представлено около 50 «уличных» фамилий, а это лишь четвертая часть от всего собранного финским исследователем Э. В. Ахтия антропонимического материала. На наш взгляд, в дальнейшем было бы интересно сопоставить полевые материалы начала XX века с материалами, собранными нашими топонимистами в современное время.

Список литературы

СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Osat I–VI. Lexica Societatis Fenno-ugricae. Helsinki, 1968–2005.

KMS – *Nirvi R. E.* Kiihtelysvaaran murteen sanakirja. Osat I–VIII. Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö. Lappeenranta; Joensuu, 1974–1981.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiön julkaisuja. Joensuu, 1975.

Картотека ИЯЛИ – топонимическая картотека, хранящаяся в секторе языкознания Института языка, литературы и истории КНЦ РАН.

Картотека KKS – картотека сектора Словаря карельского языка (Karjalan kielen sanakirja). Исследовательский институт по изучению родных языков (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus). Хельсинки.

© С. В. Ковалева

Традиционные суффиксы карельского языка в современном словообразовании

Начавшееся в Карелии с 1990-х годов языковое строительство в отношении карельского языка явилось толчком для активного создания новой лексики и терминологии. За более чем двадцатилетний период ревитализации в карельском языке, по оценочным подсчетам, было создано более пятнадцати тысяч новых слов. Из двадцати тысяч лексем, включенных в изданный в 2010 году «Русско-карельский словарь», около одной трети составляют новообразования, представленные в основном именами существительными и прилагательными. За годы ревитализации заметно изменилось коммуникативное ядро карельского лексикона. Активизировалась общественно-политическая лексика и терминология, лексика, связанная с процессом образования, – школьная, общенаучная, лингвистическая. Изменения в коммуникативном ядре лексикона про-

исходят, как известно, под влиянием экстралингвистических факторов и осуществляются в форме активизации, стабилизации или пассивизации лексических единиц (Стернин, 2000, с. 4–16). Расширилась область применения карельского языка в различных функциональных стилях, что связано с использованием языка в сферах культуры, образования, художественной литературы, науки, в средствах массовой информации. В связи с этим можно говорить о смещении коммуникативной парадигмы в сторону возрастания роли письменной формы речи, в которой, в частности, реализуются газетно-публицистический и научный функциональные стили.

Основными источниками обогащения лексического состава традиционно являются внутренние ресурсы языка и заимствование слов и терминов из других языков. При использовании собственных языковых ресурсов образование новых слов происходит по сложившимся в языке законам словотворчества с применением развитой в данном языке системы префиксально-суффиксальных средств. Заметная часть неологизмов представляет собой лексико-семантические новообразования, возникающие в результате изменения смысла известных лексем. Дополнительным источником обогащения словарного состава становится включение в язык диалектных и просторечных слов. В процессе словотворческой работы в младо- и новописьменных языках очень важно найти своеобразный компромисс, «золотую середину», с точки зрения объема использования собственных языковых средств и заимствованных элементов. При односторонней ориентации исключительно на ресурсы собственного языка, стремлении избежать интернациональных и иноязычных заимствований существует в будущем опасность языковой самоизоляции, которая закрывает пути к взаимодействию языков и замедляет процессы расширения общего лексического фонда (Абаев и др., 1972, с. 109–117). С другой стороны, при одностороннем наводнении лексики заимствованиями и игно-

рировании собственных возможностей может возникнуть разрыв между языком и его национальной основой.

Словообразование в высшей степени подвижно, в его системе заложены большие потенции, реализация которых практически не ограничена (Валгина, 2003). Как показала словотворческая практика в годы возрождения письменности, богатая система суффиксов карельского языка позволяет продуцировать новые слова в значительном объеме. Продуктивность суффиксов в процессах словообразования может быть как диахронической, так и синхронной (Länsimäki, 1987, s. 276).

Основной массив новых слов карельского языка представляют имена существительные и прилагательные, репрезентирующие понятия общественно-политической и абстрактной лексики. Инвентарь суффиксов именного словообразования в карельском языке был описан еще в работах А. Генетца (Genetz, 1880).

I. При образовании имен существительных суффикс присоединяется либо к именной, либо к глагольной основе.

A) Отыменные существительные в ливвиковском наречии обозначают (Markianova, 1993, s. 56–58):

1) место, а также принадлежность лица или предмета к определенному месту: kukkoilu, miehoilu, linnalaine, kyläläine, petroskolaine, ojandeh, sulandeh, ymbäristö;

2) собирательность или коллективность: kuuzikko, kadajikko, marjužikko, akkalisto, hyvälistö, poigoveh, linnoveh, nuorižo;

3) абстрактные понятия, названия предметов, лиц, род занятий и т. д.: muahine, vedehine, kannas, kabras, kives, hyvys, pahuš, kaglus, piduhus, kebjehys, korgevus, levevus, ruskičču, vaskičču, marjuniekku, sieniniekku;

4) качественные признаки, а также деминутивность: tyttöine, heinäine, kädyine, piäsköi, kägöi, lapsut, jouččenut, suohut, kuuhut, neičykky, suarukkaine, järvikköine, höbliškö, hölmiškö;

5) меры: vakalline, kobralline.

В собственно-карельском наречии арсенал отыменных суффиксов не менее богатый, суффиксальным способом образуются имена существительные с аналогичными значениями (Зайков, 1999, с. 102–103):

1) коллективности (суффиксы -kko, -kkö, -sto, -stö, -listo, -listö, -veh); 2) качества или свойства (суффиксы -hus, -hys, -vus, -vys, -us, -ys); 3) меры или объема (суффикс -llini); 4) живых и мифических существ, субъектов, принадлежащих какому-либо роду деятельности, национальности или месту жительства (суффиксы -laini, -läini, -hini, -kka, -kkä); 5) отрицательного или уничижительного свойства, качества (суффиксы -sko, -skö); 6) рода занятий, профессии, положения (суффикс -niekka); 7) деминутивности (суффиксы -ni, -hut, -hyt, -ut, -yt, -kkaini, -kkäini).

Среди наиболее продуктивных суффиксов при образовании имен существительных можно указать следующие:

-kko, -kkö; -ikko, -ikkö; -likko, -likkö.

Эти суффиксы, достаточно известные в карельском языке, придают дериватам, как правило, собирательное значение: louhikko, lowhikko 'каменистое место' < loho; koivikko 'березняк' < koivu. Суффикс очень продуктивен в близкородственном финском языке: kivikkö 'каменистое место', kuusikko 'ельник', lerikko 'ольшаник' и т. д. С типичным значением коллективности он выступает, например, в таких лексемах, как aallokko 'волны', guudukko 'клетки', solukko 'клетчатка' (ISK, 2010, s. 206). В финском языке суффикс может также обозначать отношение принадлежности (к какой-либо группе, к какому-либо качеству и т. д.), например: karjakkо 'скотница', älykkö 'сообразительный человек, умница'. Небольшую семантическую группу образуют дериваты со значением места хранения (расположения, проведения), например: kermakko 'сливочник', sokerikko 'сахарница' (ISK, 2010, s. 207). Суффикс встречается также и в других прибалтийско-финских языках: в ижорском – hävikkö, в вепском – koivik, в эстонском – kaasik.

Данные суффиксы являются одними из наиболее часто используемых в современном слово- и формообразовании как в ливви-ковском наречии: *kuuzisärmikko* 'шестьигранник' < *kuuzi* 'шесть'; *kuuzikulmikko* 'шестьугольник' < *kuuzi* 'шесть', *kulmu* 'угол'; *vinonellikö* 'ромб' < *vino* 'косой', *nelli* 'четыре'; *päivikkö* 'дневник' < *päivu* 'день'; *kolmikko* 'треугольник' < *kolme* 'три'; *urhakko* 'герой' < *urhu* 'смелый' *vezakko* 'поросль' < *veza* 'побег'; *savikko* 'суглинок' < *savi* 'глина'; *yksikkö* 'единица языка' или 'единственное число' < *yksi* 'один'; *monikko* 'множественное число' < *moni* 'многие'; *kirjaimikko* 'алфавит' < *kirjain* 'буква', так и в собственно-карельском наречии: *kirjaimikko* 'алфавит' < *kirjain* 'буква'; *meččärivikkö* 'лесополоса' < *rivi* 'ряд, полоса'; *honkikko* 'сосновый бор' < *honka* 'сосна'; *jäkälikkö* 'ягельник' < *jäkälä* 'ягель'.

Среди некоторых особенностей словообразования с использованием рассматриваемого суффикса можно выделить следующие:

1) Некоторые из новообразований можно отнести к словообразовательным калькам, например, *yksikkö*, *monikko*, образованные при помощи суффикса *-kko/-kkö* под явным влиянием финского языка (ср. фин. *yksikkö* и *monikko*). Аналогично создана лексема *taulukko* 'таблица' < *taulu* 'доска' (ср. фин. *taulukko*).

2) Неологизм *säveilikkö* 'гамма', скорее, представляется заимствованием (ср. фин. *sävelasteikko*), поскольку в карельском языке отсутствует и сама исходная основа *sävel*.

3) Лексему *urhakko* 'герой' вполне можно было бы рассматривать также как результат морфолого-синтаксического способа образования новых слов, поскольку наряду с *urhu* 'смелый' в карельском языке с таким же значением в форме имени прилагательного встречается *urhakko*.

В младописьменном вепсском языке коллективный суффикс *-ik* также достаточно активно используется при образовании новых слов. Например, при добавлении *-ik* к имени существительному *leht* 'лист' появилась лексема *lehtik* 'тетрадь', аналогично образовано слово *neglik* 'ёжик' от лексемы *negl* 'игла'.

-sto, -stö; -isto, -istö

Широкоупотребительный суффикс во многих прибалтийско-финских языках (kuusisto, laivasto – фин., koivišt – вепс., koivisto, kalmisto – с.-кар.) придает дериватам значение коллективности. В финском языке примерно четверть от всего объема дериватов имеет значение коллектива людей, например: tuomaristo 'судейская коллегия, судьи', soittajisto 'музыканты, оркестр' (ISK, 2010, s. 205). В целом дериваты обозначают природные места и объекты (kuusisto 'ельник', saaristo 'архипелаг'), объекты, связанные с деятельностью человека ('kirjasto', varasto 'склад'), и т. д.

Данная группа суффиксов весьма часто используется в настоящее время при образовании новых форм в ливвиковском наречии: kartasto 'атлас' < kartu 'карта'; pertistö 'апартаменты' < perti 'комната'; umbäristö 'среда' < umbäri 'вокруг'; lehtistö 'пресса' < lehti 'газета'; miehistö 'экипаж' < mies 'мужчина'; toimisto 'бюро' < toimi 'занятие, дело'; eläjistö 'население' < eläi 'житель'.

Вновь образованные слова выступают также частями сложных слов: lehtistöpalvelu 'пресс-служба'; kyläumbäristö 'сельский пейзаж', sähköverkosto 'электросеть'.

Из неологизма hommal создана форма hommalisto 'агентура'. Среди новых слов: vezistö 'водоем', enimistö 'преобладание', vanhempisto 'родительский комитет' и т. д.

В собственно-карельском наречии суффикс также нашел применение в новообразованиях коллективного значения: sihteeristö 'секретариат', sisävesistö 'внутренние воды', valdamiehistö 'власть имущие', kortisto 'картотека', herralisto 'номенклатура', miehistö 'команда'.

При образовании отыменных имен существительных активно используются такие суффиксы, как -us, -ys, -hus, -hys, -vus, -vys; -niekku, -niekka (об этом подробно см.: Ковалева, 2009, с. 56–66).

Б) Отглагольные существительные обозначают, как правило, какое-либо действие или его результат, а также деятеля; реже существительные, образованные от глаголов, могут обозначать явле-

ния или предметы (Маркианова, 2002, с. 62; Рягоев, 1977, с. 181–182; Зайков, 1999, с. 103–104).

Среди наиболее продуктивных суффиксов, с помощью которых создаются отглагольные имена существительные, можно отметить следующие:

-ndu, -ndü, -nta, -ntä

Данные суффиксы придают дериватам значение действия или его результата: *guanta* 'работа' < *guatua* 'работать', *ečintä* 'поиск' < *ečie* 'искать', *myöntä* 'продажа' < *myuvvä* 'продавать', *itentä* 'плач' < *itkie* 'плакать', *varajanta* 'боязнь' < *varata* 'бояться', *syötäntä* 'кормление' < *syöttyä* 'кормить', *kuuntelenta* 'слушание' < *kuunnella* 'слушать' (Зайков, 1999, с. 103).

В ливвиковском наречии образованы следующие имена действия: *vastustandu* 'парирование', *uuzi valličendu* 'переизбрание', *venalastandu* 'русификация', *kyzelendy* 'опрос', *lähevyndy* 'приближение', *viestitändy* 'сигнализация'.

Дериваты входят в состав сложных слов: *kevätkučundu* 'весенний призыв' < *kučuo* 'звать'; *käzienloškuandu* 'аплодисменты' < *loškata* 'хлопать'. В некоторых случаях обе части сложного слова могут быть образованы от глаголов: *myöndy/ozuttelu* 'выставка-продажа' < *myuvvä* 'продавать' *ozuttua* 'показывать'.

В собственно-карельском наречии суффикс также активно используется в процессе номинации: *hävitäntä* 'ликвидация' < *hävittyä* 'уничтожать'; *luatiuvunta* 'лицемерие' < *luatiutuo* 'притвориться'; *värvyäntä* 'мобилизация' < *värvätä* 'мобилизовать'; *kiven sahuanta* 'камнеобработка' < *sahata* 'пилить'; *keskenäini suvačenta* 'взаимоуважение' < *suvata* 'любить, нравиться'.

Некоторые лексемы образованы от заимствованных через русский язык глаголов, например: *limitointa* 'лимитирование' < *limitoija* 'лимитировать', *lisensiointa* 'лицензирование' < *lisensioija* 'лицензировать', *kodifiointa* 'кодификация' < *kodifioija* 'кодифицировать'.

-us, -üs, -ys

Очень продуктивный суффикс в прибалтийско-финских языках, образует существительные, обозначающие процесс или результат действия (Наkulinen, 1968, s. 196): valehuš, ombelus (кар.), ägestuz (вепс.), vastus (эст.).

В лексикон новописьменного карельского языка вошли следующие слова (ливвиковское наречие): harjavutus 'адаптация' < harjavuttua 'свыкаться'; kahahtus 'атака' < kahahtua 'броситься, ринуться'; ennustus 'апокалипсис' < ennustua 'предвещать'; valličus 'баллотирование' < vallita 'выбирать'; pal'l'astus 'раскрытие' < pal'l'astua 'раскрыть'; sijoitus 'расположение' < sijoittua 'располагаться'; huaristus 'растерянность' < huaristuo 'озираться'; uvvistus 'регенерация' < uvvistuo 'обновлять'; kulutus 'расходование' < kuluttua 'расходовать'; kehoitus 'рекомендация' < kehoittua 'предлагать'. Конечная гласная производящей основы при такой деривации выпадает: merkičys < merkitä (merkiče-).

Суффикс чрезвычайно продуктивен в новообразованиях собственно-карельского наречия: muissutus 'выговор' < muissuttua 'напомнить'; lunassus 'выкуп' < lunastua 'выкупать'; selvitys 'комментарий' < selvittyä 'пояснять'; tarkissus 'контроль' < tarkistua 'проверить'; hämmässys 'конфуз' < hämmästyö 'испугаться'; kohennus 'корректировка' < kohentua 'исправлять'; mečän uuvvissus 'лесовозобновление' < uuvvistua 'обновлять'; mečänissutus 'лесопосадка' < issuttua 'садить'; haihtuvus 'летучесть' < haihtuo 'испаряться'; ahissus 'натиск' < ahistua 'давить'. Суффикс употребляется при образовании частей сложных слов: virallinitijotus 'коммюнике', lisäselvitys 'консультация', а также при образовании существительных от заимствованных глаголов: klonaus 'клонирование' < klonata 'клонировать', kooditus 'кодирование' < koodittua 'кодировать'.

-mine, -mini

Производные существительные, образованные при помощи

суффикса -mine, обозначают процесс: ostamine, menemine (ливв.), ostamini (с.-кар.), lukeminen (фин.), lugemine (эст.).

В современном языке суффикс оказался достаточно продуктивным при назывании процессов и явлений: täyttämini 'наполнение' < täyttyä 'наполнить'; työntämini 'направление' < työntyä 'отправлять, направлять'; ohjuamini 'направление' < ohjua 'направлять'; ponnistamini 'напряжение' < ponnistua 'напрячь'; moittimini 'нарекание' < moittia 'порицать'; pakottamini 'насилие' < pakottaa 'заставлять'; perinnön omistamini 'наследование' < omistaa 'владеть'; rakkautumini 'нашествие' < rakkautua 'нападать'; muuttumini 'видоизменение' < muuttaa 'менять'; rapomini 'возложение' < rappa 'класть'; vuatimini 'востребование' < vuatia 'требовать' (с.-кар.).

Особенностью современного словообразования становится употребление морфологических синонимов, созданных при помощи разных суффиксов: «голосование» – iänestämini, iänessäntä, iänessys < iänestyä 'голосовать'; 'гонение' – ahistamini, ahissanta, ahissus < ahistua 'давить' (с.-кар.).

-in, -n

Суффикс образует девербальные существительные со значением предмета. Будучи одним из древнейших суффиксов, широко известен в морфологии прибалтийско-финских языков: avain, painin, istuin (фин.), iškin, avvain (вепс.). В финском языке -in в последнее время является одним из наиболее продуктивнейших суффиксов, причем продуктивность его экстралингвистическая – потребность в наименовании постоянно развивающихся предметов и приборов техники (Länsimäki, 1987, s. 277).

В современном словообразовании карельского языка суффикс получил распространение при номинации понятий из школьной жизни: viivotin 'линейка' < viivata 'подчеркивать'; kirjutin 'ручка' < kirjuttaa 'писать'; terendin 'точилка' < terendiä 'точить'; piirdin 'карандаш' < piirdiä 'рисовать'; mualin 'кисточка' < 'красить' (ливв.), а также предметов, посредством которых совершается

тот или иной вид деятельности (Зайков, 1999, с. 105): härkin 'мутовка' < härkitä 'размешивать', uissin 'блесна' < uistie 'блеснить', avuan 'ключ' < avata 'открыть' (с.-кар.). В современном языке созданы слова kivenmurotin 'камнедробилка', kuletin 'конвейер' (с.-кар.).

С помощью этого суффикса образованы части сложных слов: tukkienkuivatin 'фен' < kuivata 'сушить', sähkösammutin 'рубильник' < sammuttua 'гасить' (ливв.).

Перед -in конечная гласная или первый компонент конечного дифтонга основы выпадает: tüönnütün 'двигатель' < tüönnütiä (tüönnütiä-), miärätin 'измеритель' < miärätä (miäriä-) (Маркианова, 2003, с. 69).

-ja, -jä

Суффикс обладает значением деятеля (Зайков, 1999, с. 104): ilmihantaja 'доносчик' < antua ilmih 'доносить'; ilmottaja 'заявитель' < ilmottua 'заявить'; pal'l'astaja 'изобличитель' < pal'l'astua 'изобличать'; mečän kasvattaja 'лесовод' < kasvattua 'выращивать' (с.-кар.).

Одному понятию в некоторых случаях соответствуют лексические синонимы, образованные с помощью суффикса -ja, -jä: kuormittaja, lastuaja, ahtuaja 'грузчик'.

II. Имена прилагательные, так же, как и существительные, образуются в карельском языке как от имен, так и от глаголов. Производные прилагательные имеют деминутивное, модеративное, каритивное значение, а также значение качества и большого количества чего-либо (Genetz, 1880, 1885; Зайков, 2002, с. 96–97). Среди отыменных суффиксов прилагательных – суффиксы посессивных прилагательных, которые обладают каким-либо свойством; суффиксы, обозначающие большое количество того, что обозначает производящее; суффиксы каритивных прилагательных со значением отсутствия признака; суффиксы со значением ослабленного качества производящего слова; суффикс со значением наивысшего качества; суффиксы, с помощью которых образуются прила-

гательные со значением, близким значению производящего слова (Зайков, 1999, с. 106).

Отыменные прилагательные, как правило, «наследуют» качественный признак производящего существительного (за исключением слов, образованных при помощи каритивного суффикса -toi, -töi, -toin, -töin).

-kas, -käs

Суффикс достаточно известен в финно-угорских языках: varakas, iäkäs (фин.), vuahikaš (кар.), vilukaz (вепс.), eakas (эст.). В финском языке синонимичным по значению является посессивный суффикс -llinen: nerollinen – nerokas.

В ливвиковском наречии созданы новые слова: arvokas 'престижный' < arvo 'ценность'; sovukas 'сплоченный' < sobu 'согласие'; varakas 'состоятельный' < vara 'запас'; elokas 'состоятельный' < elo 'добро'; nerokas 'сноровистый' < nero 'умение'; tolkukas 'смышлennyй' < tolku 'толк'; mainehikas 'славный' < maineh 'слава'; hajukas 'разумный' < haju 'ум'; armokas 'снисходительный' < armo 'добро, ласка'; tulokas 'плодотворный' < tulo 'прибыль'; hyövykäs 'прибыльный' < hyödy 'польза, выгода'; älykäs 'разумный' < äly 'разум'. Некоторые из названных прилагательных давно известны в карельском языке – nerokas, tolkukas, hajukas и т. д.

Прилагательные-дериваты входят в состав новых сложных слов: käyttönerokas 'практичный'. Среди новообразований также: kodikas 'уютный', vilpikäs 'фальшивый', hinnakas 'ценный', himokas 'чувственный', tehokas 'эффективный', ilmikäs 'экспрессивный', kyvykäs 'способный', vihakas 'злостный', ijäkäs 'солидный' и т. д.

В собственно-карельском наречии образованы прилагательные: innokas 'вдохновенный', mutkikas 'замысловатый', arvokas 'именитый', rahakas 'денежный', horukas 'торопливый', kuijukas 'волоконистый', halukas 'желающий', ijäkäs 'пожилой', juovikas 'полосатый'.

-lline, -llini

Широко используемый суффикс в словообразовании карельского языка (pellolline, kezälline: Бубрих, 1937, с. 30; vallalline: Рягоев, 1977, с. 185) и близкородственных языков (фин. – onnellinen, вепс. – ehtaline, эст. – armuline). Прилагательные-дериваты могут иметь значение места, времени, посессивности, абстрактности (Hakulinen, 1968, s. 140).

Суффикс очень продуктивен при образовании новых отыменных прилагательных:

'suarnalline 'сказочный' < suarnu 'сказка'; satiiralline 'сатирический' < satiiru 'сатира'; tovelline 'реальный' < tozi 'правда'; muvvoline 'формальный' < muodo 'форма'; ylähyövylline 'светский' < ylä- в производных словах 'верхняя часть чего-либо'; hyövylline 'рентабельный' < hyödy 'польза'; alovehelline 'региональный' < aloveh, ala 'область' (ливв.). Прилагательные, образованные с суффиксом -lline, входят в состав сложных слов: tegoainehelline 'синтетический' < aineh 'вещество', monikieline 'разноязыкий' < kieli 'язык', tazaruoline 'пропорциональный' < ruoli 'сторона'.

В собственно-карельском наречии: pilkallini 'кошунственный' < pilkka 'насмешка'; paikallini 'местный' < paikka 'место'; ainehellini 'материальный' < aineh 'вещество'; luonnollini 'натуральный' < luonto 'природа'; merkillini 'ощутимый' < merkki 'знак'; peitollini 'конспиративный' < peitto 'укрытие'; monikielini 'многоязычный' < kieli 'язык'; некоторые выступают частями сложных слов – ihmismittauskeinollini 'антропометрический' < keino 'средство'.

-toi, -töi, -toin, -töin

Этот суффикс придает дериватам значение отсутствия какого-либо признака, образуя так называемые абессивные или «лишительные» прилагательные (Бубрих, 1937, с. 32). О древнем бытовании этого суффикса говорит тот факт, что он имеет эквиваленты почти во всех финно-угорских языках, включая хантыйский (Hakulinen, 1968, s. 156). В карельском языке примерами употребления дериватов с данным суффиксом можно, например, назвать

silmätöi 'безглазый', jallatoi 'безногий', kivutoin 'безболезненный', tolkutoin 'бестолковый'; в близкородственных языках – avuton 'беспомощный' (фин.), nenatoi 'безносый' (вепс.). Каритивные прилагательные при помощи данного суффикса легко образовать как от имени существительного, так и от глаголов.

В современном языке суффикс оказался весьма продуктивным как в ливвиковском, так и в собственно-карельском наречиях: tahtotoi 'апатичный' < tahto 'желание'; huigietoi 'безнравственный, циничный' < huigei 'стыд'; persounatoi 'безликий' < persounu 'личность, лицо' (производящее слово – заимствование через русский язык). Аналогично образовано прилагательное 'безликий' и в собственно-карельском наречии – personatoin; ehtotoi 'безоговорочный' < ehto 'условие'; в собственно-карельском наречии – ehotoin, perätöi 'безосновательный' < perä 'задняя часть, корма' (в собственно-карельском наречии аналогично образовано perätöin); rauhatoi 'смутный' < rauhu 'мир, покой'; kuritöi 'разболтанный' < kuri 'дисциплина'; vallatöi 'разнузданный' < valdu 'власть'.

Следует отметить, что некоторые новые слова могут иметь различные оттенки значений: huigietoi – переводится как 'безнравственный', 'циничный' и 'скабрзный'.

Суффикс употребляется также при образовании частей сложного слова: kunnivohimotöi 'скромный' (himo – 'желание, охота').

Собственно-карельское наречие: lajetoin 'беззаконный' < laki 'закон'; tietöin 'бездорожный' < tie 'дорога'; vahinkotoin 'безвредный' < vahinko 'ущерб'; moralitoin 'безнравственный' < morali 'мораль'; virhietöin 'безошибочный' < virhe 'ошибка'; nimetöin 'безымянный' < nimi 'имя'; kriisitöin 'бескризисный' < kriisi 'кризис'; huoletoin 'безалаберный' < huoli 'забота'. Среди новообразований также: kelvotoin 'малопригодный', turvatoin 'незащищенный', oikeutoin 'неправомерный', siämetöin 'бессодержательный'. Некоторые дериваты, образованные с помощью суффикса -toin, употребляются в качестве имен существительных: uskotoin, jumalatoin 'безбожник'.

При образовании имен прилагательных от глаголов используются суффиксы:

-matoi, -mätöi, -matoin, -mätöin

Суффикс обладает каритивным значением, образован из показателя III инфинитива -ma,-mä + toi, töi (Hakulinen, 1968, s. 183). В карельском языке данный суффикс широко известен: *kelruamatoin* 'непригодный', *näkymätöin* 'невидимый', *guokkimatoin* 'ненакормленный' (Зайков, 1999, с. 107).

Новые прилагательные ливвиковского наречия: *tundematoi* 'таинственный' < *tundie* 'знать'; *muuttumatoi* 'стабильный' < *muuttuo* 'меняться'; *kuundelematoi* 'распущенный' < *kuunnella* 'слушаться'; *kielämätöi* 'разрешительный' < *kielidiä* 'запрещать'; *liikkumatoi* 'неподвижный' < *liikkuo* 'двигаться'; *jagamatoi* 'неразложимый' < *jagua* 'делить'.

Собственно-карельское наречие: *yhtehsopimatoin* 'несовместимый', *luoksehpiästämätöin* 'неприступный', *peräytymätöin* 'бесповоротный', *häviemätöin* 'беспроигрышный', *täyttämätöin* 'неисполнимый'.

В практике языкового строительства 1930-х годов при унификации лексики карельского языка этот суффикс был использован при образовании новых слов: от глагола *тиэдиа* образовано *тиэдаматойн* 'несмышленный', от которого, в свою очередь, появилось абстрактное существительное *тиэдаматтомус* 'невежество' (Хмяляйнен, 1937, с. 10).

Как показали многочисленные примеры современных новообразований, словообразовательный потенциал дериватов, созданных при помощи суффиксов карельского языка, достаточно велик и разнообразен. При этом такие дериваты обладают потенциально высокой степенью адаптации, представляя собой знакомые модели для носителей языка.

Список литературы

Абаев В. И., Баскаков Н. А., Балкаров Б. Х., Скворцов Л. И. Вопросы нормирования литературных языков народов Кавказа // Вопросы языкознания. 1972. № 6. С. 109–117.

Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937. 78 с.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003. 304 с.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999. 120 с.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка (собственно-карельское наречие): Учеб. пособие для 5–9-х классов общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Петрозаводск: Периодика, 2002. 208 с.

Ковалева С. В. Формирование лексической системы новописьменного карельского языка // Бубриховские чтения: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 56–66.

Маркианова Л. Ф. Грамматика карельского языка (ливвиковское наречие): Учеб. пособие для 5–9-х классов общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Петрозаводск: Периодика, 2002. 293 с.

Маркианова Л. Ф. Пути развития лексической системы карельского языка // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. Szombathely, 2003. С. 63–74.

Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие): А–О. Бюллетень № 6. Петрозаводск, 2003. 130 с.

Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие): П–Я. Бюллетень № 8. Петрозаводск, 2004. 255 с.

Общественно-политическая лексика (собственно-карельское наречие): А–О. Бюллетень № 7. Петрозаводск, 2003. 111 с.

Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. 287 с.

Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 4–16.

Хямляйнен М. М. О принципах терминологического строительства и унификации лексической части в карельском языке: Тез. докл. Петрозаводск, 1937 (рукопись).

Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestii. Helsinki, 1880.

ISK – Iso suomen kielioppi. Helsinki: SKS, 2010. 1698 s.

Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Nominat da abusanat. Petroskoi, 1993. 101 s.

Länsimäki M. Suomen verbikantaiset in:ime – johdokset. Helsinki, 1987. 355 s.

© С. В. Коробейникова

***Уроки домашнего чтения как платформа
для формирования представления о взаимодействии
культур (финский – русский языки)***

Домашнее чтение как самостоятельный аспект учебного предмета «иностранный язык» способно, с одной стороны, обеспечить более прочное формирование всех видов коммуникативной компетенции, с другой стороны, решить в процессе обучения иностранному языку задачи, которые требуют специального учебного и содержательного контекста.

Говоря об обучении иноязычному чтению как опосредованному способу общения, многие ученые-методисты совершенно обоснованно говорят о развитии у учащихся читательских потребностей, т. е. потребностей чтения литературы на иностранном языке во внеурочное время.

Именно домашнее чтение как самостоятельный аспект учебной деятельности по овладению иностранным языком должно сыграть определяющую роль в формировании навыка «собственно чте-

ние», которое подразумевает сформированность у учащихся психофизиологических механизмов чтения как деятельности, как процесса.

На начальном этапе в современной школе с углубленным изучением финского языка уроки домашнего чтения не проводятся, чего нельзя сказать об обучении английскому языку. Уже начиная со второго года обучения, на уровне третьего класса, учащимся предлагается книга для чтения, и в программе обучения английскому языку обязательно присутствуют уроки домашнего чтения.

Первыми являются простые, написанные авторами учебников тексты, соответствующие тематике лексического и грамматического материала, изучаемого на текущих уроках, но расширяющие лексико-семантические поля. Тексты поделены на логические отрывки, которым сопутствуют упражнения, направленные на проверку понимания прочитанного, на развитие лексических навыков и навыков говорения. Уже с начальной школы детям прививается привычка читать, и читать на иностранном языке.

На среднем этапе обучения развитие умений собственно чтения реализуется посредством развития следующих промежуточных умений чтения: умения осмысления содержания всего текста или серии таковых, синтеза смысла понятых при непосредственном восприятии отдельных фрагментов его содержания, применения догадки о значении непонятых элементов текста и умения обходить их.

Следующей важной задачей домашнего чтения на среднем уровне обучения является дальнейшее развитие умений иноязычного говорения. На уроке домашнего чтения акцент переносится на отражение в общении прочитанного (как в виде передачи содержания, так и в обсуждении), т. е. на коммуникативное чтение. Качество речевого творчества ученика в рамках усвоенного материала может быть достигнуто посредством организации специального комплекса заданий, направленных на обучение приемам смыслового свертывания и расширения текста.

Для сохранения реально коммуникативного характера речевой деятельности даже в учебно-речевом общении на занятиях по домашнему чтению одна из основных задач – научить учащихся обсуждать прочитанное.

Полученные наукой данные о взаимосвязи чтения и говорения подтверждают, во-первых, равнозначность целей обучения устной речи и чтению на протяжении всего учебного процесса по овладению иностранным языком в школе и, во-вторых, необходимость правильного (оптимального) распределения временных затрат на чтение и говорение на уроке и вне его (в домашней самостоятельной работе). Невыполнение этих двух требований на практике является одной из причин недостаточного развития у учащихся среднего этапа обучения умений иноязычного общения. В контексте новых подходов и изменений в стратегиях обучения иностранному языку и языкового образования в целом домашнее чтение произведений художественной литературы страны изучаемого языка становится важным и неотъемлемым аспектом процесса обучения иностранным языкам, при этом само понятие «домашнее чтение» требует нового осмысления, а его реализация как содержательного компонента обучения нуждается в разработке ряда положений, связанных с его организацией и методическим обеспечением.

Общеизвестно, что в жизни человека чтение занимает значительное место. Оно не только обогащает человека духовно, но и позволяет ему глубже понять окружающий мир. Обучение чтению на иностранном языке не является в этом плане исключением, потому что оно имеет практически такое же значение для изучающего этот язык. Одной из основных проблем обучения чтению является проблема отбора текстов и четкая организация работы с ними.

Ни для кого не секрет, что довольно часто учащиеся работают с текстами, содержание которых выходит за рамки их интересов и потребностей. Это приводит не только к снижению мотивации

учения, но и к потере смысла самого чтения как вида речевой деятельности.

Кроме того, практика показывает, что в новых условиях обучения иностранным языкам больше внимания уделяется устной речи (Тер-Минасова, 2000, с. 32).

Вот почему очень часто обучение чтению подчиняется формированию именно этих навыков.

Проблема отбора материала для чтения становится особенно острой на том этапе, когда заканчивается процесс обучения чтению и начинается процесс формирования синтетических умений извлечения информации из текста.

Важным при этом является само содержание текстов, новизна, практическая значимость имеющейся в ней информации. В настоящее время эта задача может быть успешно решена на основе аутентичных текстов лингвострановедческого содержания. Правомерность обращения к такого рода текстам объясняется, прежде всего, тем, что они воспринимаются учащимися с повышенным интересом и большим энтузиазмом. В данном случае мы имеем в виду информативное чтение, которое, как известно, призвано решать более широкие познавательные задачи.

Именно аутентичный текст, как никакой другой, отличается своей избыточностью. Под ней понимается наличие в языке элементов, несущих повторную информацию, т. е. информацию, уже переданную другими элементами языка. Она обеспечивает не только возможность передачи сообщения, но и функционирование таких механизмов речи, как вероятностное прогнозирование и речевой слух, что немаловажно и при организации работы над аудированием.

Кроме того, аутентичный текст отличается и своей информативностью, особенно если речь идет о текстах лингвострановедческого содержания с точки зрения коммуникативной ценности информации.

На начальном этапе обучения, когда учащиеся только начинают знакомиться с лексикой и грамматикой изучаемого языка, не всякий аутентичный текст может быть эффективно использован в обучении. В связи с этим представляется целесообразной либо адаптация аутентичных текстов, либо составление текстов авторами учебников. Здесь возникают проблемы согласованности аутентичных свойств учебного текста и его доступности, соответствия условиям и задачам обучения. Необходимо акцентировать внимание на национальных традициях построения речевого произведения, чтобы создать учебный текст, максимально приближенный к аутентичному.

Рассмотрим совокупность структурных признаков учебного текста, отвечающего нормам, принятым носителями языка.

Обучение языку неотделимо от знакомства с культурой страны, где говорят на этом языке, с особенностями быта и менталитета их граждан. Без этого невозможно полноценно общаться с иностранцами.

В ходе работы над такими текстами учащиеся получают аутентичную надязыковую информацию (знакомятся с правилами оформления писем, написания адреса на конверте), усваивают традиционные формы поздравлений (Onnellista Uutta vuotta, Onnittelen syntymäpäivän johdosta jne.).

Сегодня школьникам предлагается такая культурологически аутентичная информация, как популярные клички домашних животных, правила этикета и т. д.

Тексты, рассказывающие об истории страны изучаемого языка, о ее столице, ее традициях и праздниках и т. п., расширяют кругозор учащегося и одновременно служат средством обучения языку. Изучение культуры другого народа посредством языка – один из значимых аспектов диалога культур в современном мире. Достижение культурологической аутентичности учебных текстов позволяет эффективнее осуществлять две важнейшие задачи, стоящие

перед учителем иностранного языка: обучение языку и обучение культуре (Верещагин, Костомаров, 1990, с. 68).

При выборе текстов для домашнего чтения важное значение имеет содержательная сторона учебных материалов, предназначенных для чтения. Именно содержание таит в себе потенциальную возможность пробудить у учащихся положительную мотивацию, вызвать потребность в чтении на иностранном языке.

Следует отметить, что прямая соотнесенность текстов для домашнего чтения (в плане содержания и языка) с тематикой основного курса учебника в настоящем виде не обеспечивает должного успеха в достижении поставленных целей. Такие тексты не воспринимаются учащимися как собственно чтение, как чтение для своего удовольствия и рассматриваются ими как своеобразный иллюстративный материал для изучения той или иной темы, тех или иных языковых явлений.

В основе литературно-страноведческого подхода к отбору текстов лежит использование для домашнего чтения текстов художественной литературы страны изучаемого языка, а в допустимых границах весь отбор должен создать системное представление об этой литературе с целью достижения максимально широкого (для данных условий обучения) знакомства с лучшими ее представителями.

Использование научно-популярной и другой нехудожественной литературы для домашнего чтения не представляется эффективным. Нельзя не отметить, что интерес к чтению научно-популярной литературы носит в подростковом возрасте неустойчивый и очень индивидуальный характер. Это объясняется, прежде всего, спецификой жанра, узконаправленностью его воздействия. Научно-популярной литературе свойственно познание отдельных сторон действительности. Восприятие такого рода литературы требует наличия определенного уровня фоновых знаний, специального настроения, в то время как информация, содержащаяся в художественном произведении, не зависит в такой же степени от

подготовленности читателя к восприятию текста. При чтении учебных научно-популярных и других нехудожественных текстов в рамках домашнего чтения подростками подчас руководят формальные мотивы, в силу несформированности познавательного мотива чтения на родном языке. Художественные и нехудожественные тексты, как известно, различаются между собой и внутриязыковыми признаками, а именно особенностями отбора и употребления языковых средств. Нехудожественные тексты представляют систему языка ограниченно, реализуя ее возможности настолько, насколько это соответствует практическим потребностям той или иной темы изложения. В таких текстах преобладает отвлеченная и терминированная лексика, слова, тяготеющие к однозначности.

В основном нехудожественные тексты ограничены набором определенных словесных и синтаксических конструкций, носят более стандартный характер с точки зрения использования в них языкового материала. Представляется, что чтение такого рода литературы в рамках домашнего чтения в плане увеличения словарного запаса будет не столь эффективным в сопоставлении с чтением художественных текстов, отличающихся большим лексическим и грамматическим своеобразием.

Целесообразность использования художественного материала подтверждается еще и тем, что методически более оправдано читать произведения в продолжениях, а не отдельные тексты. Важным доводом в подтверждение данного тезиса является то, что трудности понимания кратких рассказов одноразового задания значительно выше, чем произведений в продолжениях. При чтении серии отрывков одного произведения непонимание отдельных моментов текстового фрагмента может компенсироваться на уроке во время обсуждения прочитанного, что облегчает, в свою очередь, прочтение следующего отрывка.

Следующим аргументом в пользу художественных произведений как основного материала для домашнего чтения является

своеобразие их композиционного построения, которое обладает, с одной стороны, силой эмоционального воздействия на читателя, с другой – способствует лучшему пониманию прочитанного. Одной из основных черт художественного произведения считается фабульность (событийность). В основе его построения всегда какая-то сюжетная коллизия. Читатель ждет разрешения конфликта. Волнение, связанное с интригой, заставляет его сосредоточить внимание на мотивировке поступков героев. И в психологическом, и в методическом плане важную роль играют главные компоненты сюжета художественного произведения: экспозиция, завязка, перипетии, кульминация, развязка, которые способствуют правильной направленности понимания дальнейшего изложения и ведут к антиципации содержания, а следовательно, стимулируют и языковую догадку (Верещагин, Костомаров, 1990, с. 89).

Развитие умений устной речи на основе прочитанных художественных произведений соответствует также возрастным и психологическим особенностям учащихся среднего и старшего подросткового возраста. Если на младшей ступени обучения реальным стимулом естественно-мотивированного общения выступают повседневные события из жизни учащихся, то начиная с VII класса обнаруживается своеобразное противоречие. Устно-речевая коммуникация, посвященная окружающей действительности, имеет определенную стандартизацию. По мере же развития, взросления, вхождения в старший подростковый возраст ученик хочет индивидуализировать то или иное событие, но это требует знания гораздо большего количества лексики, чем то, которым он владеет. К этому добавляется еще один субъективный момент. Если дети младшего школьного возраста охотно делятся с учителем своими заботами, переживаниями, домашними событиями, то подросток уже не так откровенен с окружающими. Подростки более склонны разбирать и оценивать поступки и чувства литературных героев, чем свои собственные. И хотя именно в этот возрастной период у детей отмечается появление особого интереса к своему внутреннему миру,

к своей личности, они охотнее делятся этими размышлениями опосредованно, через характеристику литературного героя.

Ведущим принципом отбора художественных произведений при таком подходе является их общеизвестность в среде носителей языка. Это должны быть такие произведения, которые принадлежат к массовым фоновым знаниям представителей данной культурно-языковой общности. Прежде всего, это произведения высокого художественного достоинства, знакомство с которыми предполагается у каждого образованного человека (Грушевицкая, Садохин, 2000, с. 190).

К страноведчески ценному содержанию относятся также биография писателя, события, лежащие в основе литературного произведения, сама тематика, имеющая всегда культурно-историческую окраску, среда, в которую погружено действие, т. е. те фоновые знания, которые неизменно составляют страноведческий потенциал любого произведения высокого художественного уровня.

Национально-культурный компонент присутствует и в топонимической лексике (географических названиях). Тем самым с помощью средств аутентичного литературного текста учащиеся знакомятся с основными географическими районами страны, со своеобразием черт характера, присущим жителям той или иной провинции, с их нравами и обычаями.

Обсуждение художественного произведения должно включать все четыре вышеназванных аспекта: генетический, оценочный, актуализирующий и фантазийный, что отражает его содержательная структура.

Следует подчеркнуть, что при любом подходе к организации домашнего чтения последнее должно быть не только постоянным и обильным, легким, но и беспереводным, содержащим интересную информацию и оказывающим воспитательное воздействие.

Пригодность текстов или их частей для речевой практики может определяться такими, например, *критериями*:

- 1) яркой и занимательной фабулой текста или отрывка;
- 2) эмоциональностью и образностью изложения;
- 3) актуальностью материала;
- 4) тематической близостью предмета изложения к жизненному опыту и интересам учащихся;
- 5) возможностью столкновения точек зрения и суждений, дающих повод для дискуссий;
- 6) возможностью различных ситуативных трансформаций содержательной стороны текста или отрывка;
- 7) воспитательной ценностью. Отбирать текст необходимо с позиций того, какие нравственные проблемы поднимаются в них, как они решаются, близки ли они старшеклассникам.

Сторонники *литературно-страноведческого подхода* доказывают, почему именно художественная литература наиболее предпочтительна для чтения и дальнейшего обсуждения на уроке.

«Язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» (Сепир, 1993, с. 185). **В основе языковых структур лежат структуры социокультурные.**

Список литературы

- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1990.
- Грушевицкая Т. Г., Садохин В. П.* Основы теории межкультурной коммуникации. М., 2000.
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

***Консистенция дурака, или О формировании
образа интеллектуально неполноценного человека
в финских народных говорах***

В последние годы в лексикологии быстро развивается этнолингвистическое направление исследований, которое на первом этапе рассматривалось как особый раздел языкознания, ориентированный на изучение связей языковых данных и фактов народной культуры. В дальнейшем, однако, этнолингвистика стала характеризоваться как уже вполне сложившаяся самостоятельная дисциплина, которая имеет общий для разных гуманитарных наук объект изучения – народную культуру (Виноградова, Толстая, 1995, с. 35).

Этнолингвистические исследования направлены на выявление закономерностей кодирования этнокультурной информации средствами языка. Человек воспринимает и осознает окружающую действительность органами чувств, создает свою систему представлений о мире, иначе говоря, между языком и миром стоит мышление носителя каждого языка. Вследствие исторического развития этноса и языка складывается т. н. картина мира, которая выступает своего рода отражением национального представления о внеязыковой действительности, системе ценностей. Этнолингвистика же через анализ языка изучает эту картину – как логику осмысления мира, осуществляя тем самым выход на культуру, в том числе ее национальную специфику.

В предложенной работе, основываясь на принципах этнолингвистического анализа, предпринимается попытка описания фрагмента финской языковой картины мира через анализ языкового образа дурака. Материалом для анализа служат полисемантические финские диалектные слова, получившие в ходе своего развития отрицательную интеллектуальную семантику. Материал собран из финских диалектных словарей, картотеки «Словаря финских

говоров», а также из «Толкового словаря современного финского языка».

Лексика, отражающая свойства человеческой личности, формируется в значительной степени за счет вторичной образной номинации. В процессе вторичной номинации сознание носителя языка находит точное сравнение, удачную метафору, выбор которой укладывается в языковую традицию и логику носителя языка. В каждом языке встречаются как оригинальные, характерные лишь для данной культуры мотивы, лежащие в основе метафорической номинации для тех или иных человеческих качеств, так и универсальные идеи, присутствующие во многих культурах. Так, в большинстве европейских языков в качестве метафоры для глупца может быть выбрано название какого-либо животного, чаще это баран или бык; широко применимы т. н. «обувные» метафоры – всевозможные сапоги и ботинки; известны также «деревянные» и «гастрономические» метафоры. В ходе выделения подобных сфер отождествления или предметно-тематических кодов выясняется способ выражения признака и устанавливается уровень внешней мотивации. В свою очередь, на более глубоком уровне – внутренней мотивации – выявляется причина выбора носителем языка той или иной метафоры, т. е. мотив номинации.

Такая система анализа семантики предложена на славянском материале Е. Л. Березович, которая отмечает, что «наибольшую степень обобщенности имеют мотивационные доминанты – предельно абстрактные идеи, объединяющие все элементы какого-либо семантического поля. Мотивационные доминанты опираются на сквозные мотивы. Эти интерпретаторы смысла обладают более развернутым содержанием, радиус их действия охватывает не все пространство поля, а несколько лексико-фразеологических групп (Березович, 2007, с. 33).

В финском языке в числе наиболее продуктивных сквозных мотивов, актуализованных в образной номинации лексико-семан-

тической зоны «Глупость» поля «Интеллект человека» выступает мотив *рыхлости, мягкости, аморфности*.

Обратимся для начала к бытующим в литературном языке лексемам *löysä / löyhä*, которые характеризуют объект как неплотный, рыхлый, расслабленный, незакрепленный, бесформенный (NS, 1983). Диалектные данные дополняют эту информацию такими выражениями и сочетаниями, где слова *löysä / löyhä* называют неплотно связанную вещь, рыхлую почву, жидкое тесто, недавно выпавший, неслежавшийся снег, а также пустую болтовню, лень, человеческую глупость:

Kyl tämmöst löysää leipää on hyvä syövä (Kiikale) – ‘такой мягкий хлеб приятно есть’.

Se on hiukan päästä löysä (Eurajoki) – ‘он немного слаб на голову’.

Suku oli semmosta isän puolelta löysäpäistä, se isähän oli aivan hullu (Himanka) – ‘все семейство по линии отца было каким-то слабоумным, а отец-то совсем дурак’.

Иначе говоря, слово с первичным значением ‘мягкий, рыхлый’, призванное характеризовать конкретные объекты, используется также для называния абстрактного явления – человеческой глупости. Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса – от конкретного к абстрактному, от материального к духовному.

Далее предложен ряд лексем, получивших в ходе своего развития отрицательно интеллектуальную семантику благодаря воплощению мотива мягкости, рыхлости. Обычно это слова, называющие различные неплотные по консистенции вещества – мягкое масло, рыхлая земля, старые, размягченные корнеплоды и т. п. Особого внимания заслуживает большое количество лексем, обозначающих разные виды снега, таковы, к примеру: *auhto / hauhto, hohelo, hohka / hohko, hupa / hupakka / hupakko, hupsakka / hupsakko*,

höhelö / höherö, höhhö, höhkä / höhkö, hölmö, höyhkä / höyhtä, höyhtänä / höyhtö, höykkö, tohelo, tohmero, töhmerö и пр.

Ниже приведены примеры употребления в речи лишь некоторых из них:

Auhto / hauhto – ‘мягкий, непрочный, рыхлый снег или земля / слабоумный человек’.

Lumi on nii hauhtoo ku ei oo suojanna – ‘снег очень рыхлый, не выдержит’.

Kyllä se on semmone aohtopeä, ei se muistam mittää (Kanginkangas) – ‘он такой дурень, ничего не помнит’.

Hohelo – ‘рыхлый, рассыпчатый снег / хрупкий, ломкий лед / мягкий корнеплод / невнимательный человек, чудака, слабоумный’.

Pehmeät hohelot toi nauris, kun se on niin äkistek kasvannu (Hollola) – ‘вялая эта репа, раз так быстро выросла’.

Se hohelo uskoo kaekki, mitä toenev valehtelloo (Konginkangas) – ‘этот простофиля во все верит, что ему наврут’.

Hohka, hohko – ‘рыхлый снег, лед / корнеплод, утративший со временем свежесть и сочность, ставший вялым / о глупом или рассеянном человеке’.

Jää haurastuu hohkaksi – ‘лед становится рыхлым’.

Sum pääs on niinko hohkaantunu nauris (Pöytyä) – ‘твоя голова, как вялая репа’.

Sinä nyv vasta hohko likka olet kun et ymmärrä rikasta miestä ottaa (Kangasala) – ‘ты совсем какая-то недотепа, раз не сообразишь богатого мужа заполучить’.

Hupsakka, hupsakko – ‘рыхлый снег / мягкая подушка, матрас, масло / некрепкий кофе / чудака, дуралей’.

Voe, voe ku tiä kahvi tul nyt semmosta hupsakkata (Petäjävesi) – ‘ой, это не кофе, а какая-то бурда’.

Kylläs tua hupsakan tunnen (Pyhäranta) – ‘знаю я этого дурня’.

Höhelö, höherö, höhhö ‘мягкое вещество – снег, земля / что-л. хрупкое, пористое / человек с придурью’.

Lum o nii höhelyö jot ei kanno – 'снег такой неплотный, легкий, не выдержит'.

Se on ny semmonen höhelö (höppänä) ettei sen puhheist mitään ole (Kokemäki) – 'да он дурак, болтает что попало'.

Höhkä – 'легкий, морозный, недавно выпавший снег, сухой, рассыпчатый снег или земля / слишком поднявшийся хлеб'.

Фонетический вариант *höhkö*, а также прилагательные с этой основой – *höhkäinen*, *höhköinen* обозначают умственно неполноценного человека:

Se saroi tömmästä höhkä lunt (Hinnerjoki) – 'шел легкий, рассыпчатый снег'.

Olekkos sie höhkö kun et ymmärrä männä emännäks tollassee (suureen) taloon (Nastola) – 'что ли ты совсем бестолочь, не сообразишь стать хозяйкой этого большого дома'.

Höyhkä – 'легкий, мягкий, морозный снег / поверхностный, несерьезный человек, не думающий ни о чем / непостоянный, проstack, спятивший, рехнувшийся'.

Lum on niin höyhkäist [että metsässä on vaikea kulkea] (Elimäki) – 'снег такой рыхлый' ['что по лесу трудно идти'].

Se on semmonen höyhkä että höyhöttää millom mitähi (Sotkamo) – 'это такой пустозвон, несет что попало'.

Nuo veljet o sellaisi höyhköpäitä! (Kumi) – 'эти братья такие проstackи!'.

Höyhtä, höyhtö – 'легкий, неслежавшийся снег', *höyhtänä* – 'чудак, дурашливый, фантазер'.

Se on nih höihtä lunta, että pijän se sulaa, kum päivän rupeaa paistamaan (Hollola) – 'снег такой рыхлый, что быстро растает, как только начнет пригревать'.

Emä höyhtänä kuj jätäppä hattu piähäis saunal lauvvoille (Heinävesi) – 'бестолковая хозяйка, оставила шапку на полке в бане'.

Sitä (ukkoa) piettään kansav vähä höyhtönä (Kiitelysvaara) – 'это-го мужика тоже считают немного чудаковатым'.

Со временем слово может утратить свое первичное значение и продолжаться использоваться лишь в образном. Так, для перевода употребимого в литературном языке слова *hölmö* современный финско-русский словарь предлагает значения, связанные только с интеллектуальной неполноценностью – ‘дурак, глупец’. Однако, по данным диалектных словарей, слово *hölmö* также обозначало какое-либо чересчур мягкое вещество или неслежавшийся рыхлый снег:

Oikie ko on kuumat ilmat, niin voikii on iha hölmön, männyn iha velliks (Rautu) – ‘такая стоит жара, масло растаяло, превратилось в размазню’.

Kyl nyt kohta kesä tulloo lum on jo nii hölmöö jot (Valkjärvi) – ‘скоро и лето придет, снег уже совсем, как каша’.

Enhäm minä sit niin niih hölmöks luullu että sijan säkis ostaa (Hollola) – ‘не думал, что он такой дурак, свинью в мешке купит’.

Акт номинации всегда мотивирован пониманием значимости и безошибочного восприятия взятого за основу предмета или явления внеязыковой действительности. Функционирующий в языке мотив ориентирует номинатора на выбор правильного образа. Не менее продуктивным образом, чем снег, является чересчур мягкое масло, в одних случаях это не успевшее уплотниться, только что приготовленное, в других же – растаявшее, летнее масло. Указанными значениями обладают лексемы *hupelo, höppä, höppänä, höppö, höppörö, höperö /höpperö, höpelö, hötö, höttänä, hössäkäs, hössänä, hössäkkä, hössö* и некоторые их производные.

Höppä, höppänä, höppö – ‘легкий снег/ мягкое вещество, напр., только что взбитое масло / что-либо хрупкое /слабоумный человек’. Производные от этой основы также отмечают неадекватную голову, а именно: *höppänyys* – ‘непонимание, плохая память, запутанность мыслей’, *höppäpäinen* – ‘слабоумный’, *höppära, höppärö* обозначают ‘дурного, придурковатого человека’, а глагол *höppänöidä* – ‘дурачиться, придуриваться’.

Survo höpöks nuo keitetyt omenat (Kurkijoki) – ‘вареные яблоки нужно растолочь в смесь’.

Tämä voi on vielä ihah höppöö ei tastou teille (lapsille) vielä maistiaisia (Valtimo) – ‘это масло еще очень мягкое (нельзя еще вам пробовать)’.

Höppö se oli, ei kehannu (viitsinyt) työtä tehdä ollenkhaan (Täräntö) – ‘он-то, дурак, не хотел никакой работы делать’.

Höpelö, höperö, höpperö, höppörö – ‘снег / мягкое, только что взбитое несоленое масло, десерт / придурковатый, глупый человек’.

Naoriit rähmettyy höpelöks keväällä (Maaninka) – ‘репа весной становится вялой’.

On höperyy ku kesäne voi (Jaakkima) – ‘мягкий, как летнее масло’.

Onhaa aika höpelö, kun om pannul lapsen kantamaa noo suurta kirvest (Nastola) – ‘совсем дурак, велел ребенку нести тяжелый топор’.

Höhlä – ‘неплотное, рассыпчатое или жидкое вещество / спятивший, дурак, болтун’. Глагол с той же основой *höhliä* сохраняет лишь значение ‘говорить глупости’, так же, как и прочие производные – *höhlö, höhmö, höhnä, höhnö, höhtö* употребляются только в образных значениях.

Sielä on nyt niin paljo höhölää lunta, jotta se ei kannu rekiä yhtää (Ilmajoki) – ‘там сейчас так много рыхлого снега, что он вообще не держит сани’.

Sit ku hää o hiuk humalassa, ni hää o aivan höhlö (Perteli) – ‘когда он хоть чуть-чуть выпьет, он совсем дурак’.

Hötölö, höterö – ‘мягкое, рыхлое, непрочное вещество, лягушачья икра / (о человеке) невнимательный, суетливый, делающий что-либо небрежно, халтурщик’. *Höteli, hötelä* – ‘глупец, болтун, суетливый’.

Se on ihan pehmyttä hötelyy olt tuo lum koko viikon (Kurkijoki) – ‘всю неделю снег был, как месиво’.

Nii män ko sammako hötelö sormii välist (Kivennapa) – ‘так и прошла, как лягушачья икра сквозь пальцы’.

Niin hötөлө төөссään ja puhheissaan (Vuoksenranta) – ‘он такой балабол да и в работе халтурщик’.

Отдельного внимания заслуживают следующие единицы изучаемой лексико-семантической группы – *hössäkkä, pöherö, pöperö, pöpperö, möhlä*. Все они обладают отрицательной интеллектуальной семантикой, используются в качестве названий снега, однако их особенность заключается в том, что виды обозначаемого ими снега разнятся до прямо противоположных:

pöherö ‘мокрый, липкий снег, оттепельный снег / влажный, но еще не мокрый снег / сухой, рыхлый, рассыпчатый снег / неплотное масло, распадающееся на составляющие / дурак, глупец’;

pöherölumi tarttuu suksen pohjaan (Jalasjärvi) – ‘мокрый снег липнет к лыжам’;

kuiva lumi sei pöheröö, ei pöherössä jaksaa kauan tallustella (Metsäkansa) – ‘рыхлый снег, по такому не сможешь долго тащить-ся’;

se on niin pöherö ettei se huomaa mitään asiaa ku sille puhuu (Forssa) – ‘такой дурак, ничего не соображает, что ему говорят’;

pöperö, pöpperö – ‘мягкий рассыпчатый снег / прилипающий мокрый снег / чересчур сухое тесто для печенья / густое тесто / тупица, рассеянный человек’ (последним значением также обладает лексема *pösserö*);

ei tammosella pöpperöllä (= pehmeällä lumella) viissi mihinkää lähtä (Lappee) – ‘по такому мягкому снегу не пройти никуда’;

on pöpperöö kävellä – tarttuva lumi haittana kävellessä (Kivennapa) – ‘липкий снег мешает идти’;

mie nyt non pöperö no en muista mittiä (Räisälä) – ‘я-то, дурень, ничего не помню’.

От хождения по свежавывавшему или оттепельному, липкому снегу, связанного с неудобством, заторможенным движением, недалеко до образа медленно соображающего человека, донести мысль до которого видится действием, преодолевающим сопро-

тивление. Примечательно, что полисемия данных слов включает еще одно значение – тесто. При этом, как и с характеристикой снега, называемое тесто может быть чересчур жидким или же, наоборот, плотным. Очевидно здесь, на «уменьшенной модели», т. е. на уровне слова, наблюдается давление идеи антинормы, которая реализуется во всем масштабе лексико-семантического поля «Интеллект человека», провоцируя приобретение отрицательно интеллектуальной семантики словами, содержащими сему «полярные проявления признака». Носитель языка маркирует значимые для него крайние проявления признака и переносит в процессе номинирования на абстрактно мыслимые объекты. На данном конкретном примере можно убедиться, что полярные характеристики «легкий, морозный / липкий оттепельный снег» или «жидкое / плотное тесто» заслуживают внимания номинатора, тогда как умеренное проявление считается нормой и остается без специального наименования. Используя терминологию, предложенную Е. Л. Березович, сквозной мотив аморфности, мягкости входит в мотивационную доминанту антинормы.

Выше были предложены к рассмотрению некоторые версии происхождения метафор в адрес глупца. В качестве мотива для метафорического переноса выступает идея рыхлости, мягкости, аморфности, которая послужила основанием для сравнения рыхлого снега, масла, теста, лягушачьей икры, старой репы и пр. с некоторыми особенностями характера и интеллекта человека. Свойственная перечисленным составам податливость, бесформенность, рыхлость, аморфность при смысловом переносе характеризует человека как вялого, слабого, халтурно выполняющего свою работу и интеллектуально неактивного или неполноценного. Также не могла не сыграть свою роль коннотация «негодный» в случае сопоставления со старым корнеплодом, растаявшим маслом, удавшимся тестом.

Важно подчеркнуть также, что оценка человеческого интеллекта дается через посредство обыденных, но значимых для носителя

традиционной финской культуры внеязыковых реалий: снег, качество и структура которого менялись в зависимости от погодных условий и времени года; масло, которое взбивалось и хранилось в домашних условиях; репа, становившаяся от хранения мягкой. «Метафору питают обыденные, а не научные знания. Она создается при опоре на знания носителя языка о предметах, полученных естественным путем» (Берестнев, 2002, с. 25).

Изучаемый ряд метафор глупости, развившихся на основе слов, первично обозначающих какую-либо неплотную консистенцию, может быть продолжен полисемантическими лексемами, известными в тех же значениях, дополнительно включающими характеристики чего-либо пористого или хрупкого. Таковы, к примеру: *hapera / hapero / haperi, hasero, höttelö / hötterö, haplakka / haplakko / huplakko, kohelo / koheli, kohmo / kohmu*. Для перевода прилагательного *hapera* современный финско-русский словарь предлагает значения 'хрупкий, ломкий, непрочный', по данным диалектных словарей, им может быть охарактеризован хрупкий лед, негустое тесто, трухлявая древесина, затвердевшее на морозе крупинками масло, а также странноватое поведение человека и отсутствие ума. Как, на каком основании развилась именно такая полисемия? Ниже предложены примеры, демонстрирующие употребление слова в указанных значениях:

kevväinej jää on nih haperaa (Kangasala) – 'весенний лед такой хрупкий';

o nii hapera ko leppäne seeväs (Vehmaa) – 'ломкий, как ольховый кол';

ei se taikina pysyk kovossa, se on ni haperaa (Hattula) – 'это тесто не держит форму, оно неплотное';

haperaa on kun Tommin järki (Raisio) – 'слабый, как Томмин ум';
oleks ny hapera, kuinga sä keskel arkeepäivää ställäät juhlavaatteet päällä! (Ahlainen) – 'что ли ты слабоумный, раз в будний день бродишь в праздничной одежде!'

В приведенных случаях развитие семантики глупости на основе первичных значений лексемы *hapera* происходит благодаря актуализации одних из наиболее распространенных сквозных мотивов образной номинации *непрочность*. Подобным же образом развивается полисемия производных *hapero, haperi, haperus / haperrus / haperros*, характеризующих какой-либо рассыпчатый продукт; пористый и ломкий весенний лед, который уже не держит; непрочную старую нить; ветхую одежду; что-либо негодное или неудовлетворительное, а также рассеянного, придурковатого или глупого человека. Примером служит прилагательное *hapero*:

se leipä on niin akanaista haperoo (Kiihtelysvaara) – ‘этот хлеб с отрубями очень рассыпчатый’;

vanhasta sukasta lanka on nii haperoo että se katkeilee (Hämeenkyrö) – ‘нитка из старого носка такая слабая, часто рвется’;

se (jk tarvepuu) poulittuu on semmoneh hapero, se särkyy jousej sitä kastele (Längelmäki) – ‘это дерево так обработано, стало очень хрупким, оно потрескается, если его не увлажнять’;

tehäh haperoa työtä (Kangasniemi) – ‘делаю дурную работу’;

se ol vähä hapero äm, ko men vallan toissippäin ko mä neuvosi (Kalanti) – ‘вот глупый, пошел совершенно не так, как я посоветовал’.

Очевидно, таков же путь развития полисемии лексемы *hasero* (возможно, входящей в одно этимологическое гнездо с отмеченными выше *hapera* и *hapero*), называющей весенний, рыхлый лед, который уже не выдержит человека или животного; рассыпчатый продукт; слишком мягкое масло, а также непонятливого или глупого человека, болтающего многое, не относящееся к делу:

ei se jää kanna enneä se on yhtenä haserona (Puolanka) – ‘этот лед уже не выдержит, сплошное месиво’;

kuivoo haserota on tuo leipä (Maaninka) – ‘этот хлеб сухой и крошится’;

koko suku o semmosi vähä hasèroi (Mynämäki) – ‘вся семья не-много с придурью’.

В. Руоппила, анализируя названия умственно неполноценного человека в финском языке, также обращал свое внимание на эту настойчивую связь первичного значения неплотности или хрупкости с наименованиями глупцов. Автор высказывает мнение, что очевидно своим поведением дурак вызывает ассоциации с каким-то отрицательно оцениваемым предметом окружающей действительности. Так, плотно сотканная материя, туго завязанный узел, крепко связанный веник оцениваются позитивно, соответственно, противоположные качества – неплотность и расслабленность видятся основой, пригодной для появления метафоры в адрес неудовлетворительных умственных способностей (Ruoppila, 1955, s. 155).

Способность одного слова выступать характеристикой столь разных объектов может выглядеть нелогичной, особенно в русскоязычных переводах финских диалектных выражений, где одним прилагательным обозначаются свойства реалий от теста или масла до ветхой постройки. Однако с учетом того, что в основе развития отрицательно интеллектуальной семантики у приведенных выше слов лежит идея антинормы, все предложенные здесь случаи воплощают коннотацию «негодный, плохой», которая оказывается стержневой для развития семантики ‘глупый’. Это хорошо прослеживается на примере лексем *kohelo / koheli, kohma / kohmu* и упоминавшейся в начале этого раздела лексемы *hapera*.

В качестве первичных значений приведенные слова также характеризуют какие-либо рыхлые, ломкие и хрупкие объекты (наст, хрупкий весенний лед и т. д.). Однако все они могут указывать и на что-то негодное и неудовлетворительное, например, старые камни в банной печи, пустые, не представляющие ценности зерна, неровности и складки на ткани при шитье. Очевидно, именно в этом направлении происходит сдвиг в семантике. Такая же ‘негод-

ность, неудовлетворительность' характеризует неуклюжего, иногда медлительного и глупого человека.

Ompa minulla semmonen kohelo elämä (huonosta voinnista) (Kajaani) – 'такая уж у меня тяжелая жизнь'.

Son niin kohelo nottei se opettamisesta viisastu (Alavus) – 'этот глупец и от учебы не поумнеет'.

Ei siittä (kiuaskivistä) *saam mimmostakal löylyä sitte enään ko se semmoseks koheliks tulle ko vesi läpitem mennee* (Vampula) – 'от таких камней пару не будет, так как они раскрошились и вода проходит сквозь них'.

Ko itte on kohmo ni luulee että kaikki muut on kohmoja (Vampula) – 'если сам дурак, думает, что все такие же'.

При этом слово *kohmu* и производные *kohomu*, *kohmukko*, *kohmulikko*, *kohmikko*, *kohmeikko*, *kohmelikko*, *kohmisto*, *kohmukko*, *kohnikko* обозначают труднопроходимое болотистое место. В этом контексте уместно отметить у лексемы *hapera* значение 'водянистый, заболоченный луг, в котором вязнут ноги при ходьбе': *Kohomulla on paha ajaa hevosella* (Jalasjärvi) – 'по месиву сложно ехать верхом'. Видимо, здесь для развития семантики глупости в очередной раз актуализируется коннотация «движение, преодолевающее сопротивление», которая србатывает и при образовании значения 'дурак' у слов, первично обозначающих слишком мягкий или, наоборот, липкий снег и, как следствие, – затрудненное движение. Предложенный фрейм мог породить ассоциацию с тугодумом, для обучения которого требуется преодолеть значительное сопротивление.

Список литературы

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М., 2007.

Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте. Калининград, 2002.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд // Малые формы фольклора: Сб. ст. памяти Г. Л. Пермякова. М., 1995.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2008.

Ruoppila V. Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // Virittäjä. 1955.

NS – Nykysuomen sanakirja. Osat 1–3. Helsinki, 1983.

Suomen murteiden sanakirja. Osat 1–7. Helsinki, 1985–2003.

© А. С. Лызлова

Жанр сказки в исследовательской работе В. Я. Евсеева

Виктор Яковлевич Евсеев по праву может считаться одним из основоположников карельской фольклористики. Большое внимание он сосредоточил, прежде всего, на изучении эпических песен. В. Я. Евсеев выступил составителем нескольких сборников данного фольклорного жанра: «Сампо: Сборник карело-финских рун» (Петрозаводск, 1940), «Руны и исторические песни» (Петрозаводск, 1946), «Избранные руны Архипа Перттунена» (Петрозаводск, 1948), «Карельские эпические песни» (М., Л., 1950), «Карело-финский народный эпос»: в 2 кн. (М., 1994). Одним из основных трудов ученого является двухтомная монография «Исторические основы карело-финского эпоса». Первый том этой работы, опубликованный в 1957 году, был рекомендован в качестве кандидатской диссертации. Во время защиты, состоявшейся 20 марта 1958 года, В. Я. Евсееву единогласно была присуждена степень доктора филологических наук.

В то же время многие другие фольклорные жанры становились предметом его исследований, о чем свидетельствует библиография, составленная Н. В. Чикиной и представленная в издании, вы-

пущенном Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН¹ к 100-летию юбилею ученого (Труды В. Я. Евсеева..., 2010, с. 21–35). Так, например, карельская сказка всегда находилась в поле зрения исследователя, о чем свидетельствуют собранные им материалы.

С момента начала своей работы в Карельском научно-исследовательском институте культуры (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН) ученый активно занимался собирательской деятельностью. Первые записи сказок были сделаны В. Я. Евсеевым от руки в 30-е годы XX века. В эти годы фольклорист записывал сказки в Калевальском, Кемском, Лоухском, Медвежьегорском, Пряжинском районах Карелии.

Уже в конце 1930-х годов вместо карандаша и бумаги ученый стал использовать при фиксации технику. Именно в эти годы были созданы грамзаписи фольклорных произведений, в том числе сказок, на рентгеновской пленке.

Таким, например, способом В. Я. Евсеев записал на гибкие пластинки сказки от известной карельской сказительницы Анастасии Фёдоровны Никифоровой. Перед самой войной он совместно с сотрудником Института Н. И. Богдановым записал несколько сказок на гибкие пластинки от Матвея Михайловича Коргуева.

Работу по сбору сказок В. Я. Евсеев продолжил после войны. Записи произведений этого жанра, сделанные им практически по всей Карелии, относятся ко второй половине 40-х годов, к 50-м и 60-м годам XX века.

В большинстве случаев фольклористом производились единичные записи сказок, ведь указанный жанр фиксировался попутно с другими фольклорными произведениями, прежде всего, эпическими песнями. Вместе с тем по несколько сказочных текстов рассказали уже упоминавшиеся ранее А. Ф. Никифорова в 1936 и 1957 годах и М. М. Коргуев в 1940–1941 годах, а также М. И. Михеева в 1966 году, М. Д. Осипова в 1957 году,

¹ Далее ИЯЛИ КарНЦ РАН.

А. Т. Смоликова в 1964 и 1966 годах (Опись..., 2010, с. 37–70).

Вполне понятно, что В. Я. Евсеев сосредоточил свое внимание на записи сказок на карельском языке. Исключение составляют сказки М. М. Коргуева. Кроме того, в описи, составленной В. П. Мироновой, упоминается единичный случай записи им сказки на вепсском языке, произведенной в с. Шокша (Опись..., 2010, с. 56).

В. Я. Евсеев был не только собирателем, но также и исследователем карельских сказок. Четыре его статьи в большей или меньшей степени посвящены различным проблемам этого жанра.

К исследованию сказок фольклорист обратился в конце 1940-х годов. В опубликованной в 1948 году статье «Руны "Калевалы" и русско-карельские фольклорные связи» ученым «были отмечены отдельные факты распространения среди карел русских былинных сюжетов в форме сказки» (Евсеев, 1962, с. 107). Он обратил внимание на то, что многие сюжеты русских былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Дюке Степановиче бытуют в виде прозаических пересказов на карельском языке. По этому поводу В. Я. Евсеев, в частности, пишет следующее: «Мы являемся очевидцами интересных, хотя и довольно поздних случаев рассказывания русских былин на карельском языке в сказочном изложении многими сказителями различных районов Карелии. Первые записи и публикации пересказов русских былин на карельском языке относятся к XIX веку» (Евсеев, 1948, с. 78). Ученый отмечает, что подобные тексты (или былины-сказки, как он их называет) были зафиксированы в основном от неграмотных сказителей-карел, которые могли пользоваться лишь устными источниками. По словам В. Я. Евсеева, в наибольшем количестве вариантов на карельском языке представлено сказочное изложение русской былины об Илье Муромце. Особенно широкое распространение подобные произведения получили среди карел южных районов республики. Ученый предлагает достаточно подробный анализ таких сказок в сопостав-

лении их с русскими былинами. В. Я. Евсеев отмечает, что «большинство вариантов карельских сказок об Илье Муромце дает контаминацию сюжетов об исцелении Ильи и его встрече со Святогором» (Евсеев, 1948, с. 80). Примечательно, что в некоторых сказках «богатырь называется не Ильёй, а Ильмой» (Евсеев, 1948, с. 80), видимо, под влиянием имени кузнеца Илмаринена из карельских эпических песен; прозвище Муромец он имеет во всех карельских сказках. Кроме того, «в отдельных вариантах карельских сказок годами не слезающий с печи герой называется Тухки Муровичем, т. е. как бы Пеплом Муровичем» (Евсеев, 1948, с. 80). В карельском языке слово «tuhku» означает «зола, пепел» (СКЯ, 1990, с. 387).

Наряду с Ильёй Муромцем «популярный среди северного крестьянства богатырь русских былин Дюк также стал героем сказок, рассказываемых на карельском языке <...>. Но в то же время, стремясь превратить эту перелицованную русскую былинку в самобытную карельскую сказку, сказители-карелы отбрасывали опознавательное имя Дюк» (Евсеев, 1948, с. 82). По мнению исследователя, былинный Дюк имеет много общего с героем карельских рун Еуко, имя которого может осложняться суффиксацией и звучать как Еукохайнен (Евсеев, 1948, с. 85).

В 1949 году была опубликована достаточно большая статья В. Я. Евсеева «Карельские варианты пушкинских сказок», представленная, кроме того, отдельным оттиском. В ней ученый обращается к вопросу об источниках сказки «О рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. В. Я. Евсеев утверждает, что «нет оснований считать гриммовскую сказку "Рыбак и его жена" (французский перевод которой имелся в одной из книг личной библиотеки Пушкина) единственным источником сюжета пушкинской сказки о рыбаке и рыбке» (Евсеев, 1949, с. 77), о чем писали некоторые исследователи. По словам ученого, у этой сказки Пушкина имеются и другие возможные народные источники. В качестве иллюстрации он ссылается на белорусские и литовские фольклорные варианты. Как

отмечает В. Я. Евсеев, «необоснованность утверждения о полном отсутствии среди русских допушкинской народной традиции сказки о рыбаке и рыбке совершенно очевидна. Косвенным подтверждением бытования этой сказки на Русском Севере вплоть до начала XIX века, т. е. до детских лет А. С. Пушкина, в какой-то мере является наличие сказки о рыбаке и рыбке в сказочном репертуаре карел, связанных с русским народом узами многовековой дружбы и находившихся под постоянным благотворным воздействием восточно-славянской культуры» (Евсеев, 1949, с. 78). Исследователь подробно анализирует варианты сказки о рыбаке и рыбке, записанные «от сказителей-карел разных районов Карело-Финской ССР» (Евсеев, 1949, с. 78), сопоставляя их с пушкинским текстом. Кроме того, он отмечает связь указанной сказки с распространенной в русской и карельской фольклорных традициях сказкой «По щучьему веленью» (Евсеев, 1949, с. 81–83).

Помимо сказки о рыбаке и рыбке В. Я. Евсеев в этой статье обращается и к рассмотрению сказки о царе Салтане, которая также популярна среди карел (Евсеев, 1949, с. 84–85).

Привлечение для анализа карельских вариантов сказок о рыбаке и рыбке и о царе Салтане позволило фольклористу доказать «факт широкого использования народной сказочной традиции Пушкиным» (Евсеев, 1949, с. 88).

Через десять лет, в 1959 году в виде статьи был опубликован доклад В. Я. Евсеева «К вопросу о взаимодействии карело-финской и русской эпической поэзии», прочитанный им на Всесоюзном совещании по изучению эпоса восточных славян, проходившем в Киеве в июле 1955 года. В начале этой работы ученый еще раз очень коротко останавливается на проблеме бытования русских былин в карельской среде в форме прозаических пересказов. Он ссылается на В. Я. Проппа, который в монографии «Русский героический эпос» «обратил внимание на бытование сюжетов былин в форме сказки среди многих народов СССР» (Евсеев, 1959, с. 31). В. Я. Евсеев высказывает предположение, что «русские бы-

лины об Илье Муромце, Дюке Степановиче, Добрыне в прозаическом и стихотворном виде бытуют у карел, вероятно, всего лишь три-четыре столетия» (Евсеев, 1959, с. 31).

Наконец, в 1962 году была опубликована обширная статья «Карельские сказки и пересказы былин об Илье Муромце», в которой В. Я. Евсеев подытожил все свои ранние наблюдения. Он начинает данное исследование с обзора работ ученых, отмечавших бытование сказок на былинные сюжеты об Илье Муромце среди различных финно-угорских народов: карел, коми, мордвы, удмуртов, марийцев, эстонцев. В. Я. Евсеев дополняет этот перечень упоминанием о существовании подобных сказок у непосредственных соседей карел – вепсов и затем переходит к рассмотрению карельских сказок на былинные сюжеты. В статье представлен подробный анализ репертуара Т. Е. Туруева, от которого было записано наибольшее количество былин как на карельском, так и на русском языках, а также сказки на былинные сюжеты. Достаточно много внимания В. Я. Евсеев уделяет контаминациям сюжетов, имеющимся в карельских былинах-сказках, записанных от различных исполнителей. Свое исследование он завершает рассмотрением некоторых особенностей поэтики подобных текстов. «С одной стороны, для карельских сказочных текстов об Илье Муромце характерны художественные особенности карельских сказок на другие сюжеты, с другой – в них имеются стилистические приемы, свидетельствующие о явном влиянии былинной поэзии» (Евсеев, 1962, 114). Статья заканчивается следующими словами: «Необходимо продолжить выявление новых вариантов карельских сказок на былинные сюжеты по возможности в большем количестве карельских населенных пунктов, чтобы точно установить, насколько широко среди карел бытуют подобного рода фольклорные произведения» (Евсеев, 1962, с. 115). Однако сам фольклорист к этой теме больше не возвращался.

Итак, В. Я. Евсеев занимался исследованием жанра сказки, касаясь вопросов русско-карельских фольклорных связей. Одна из

статей посвящена карельским вариантам пушкинских сказок. И трижды в своих работах он обращался к карельским сказкам на былинные сюжеты. Попутно отметим, что в русском фольклоре также имеются подобные сказочные переложения эпических сюжетов, о чем подробно пишет А. М. Астахова в монографии «Народные сказки о богатырях русского эпоса», опубликованной в 1962 году. Первая глава этого исследования посвящена русским народным сказкам, во второй главе рассмотрены сказки и предания о богатырях русского эпоса в фольклоре других народов СССР, в том числе и карел.

В заключение стоит отметить, что В. Я. Евсеев был не только собирателем и исследователем сказок. Он являлся научным редактором всех сборников карельских сказок, подготовленных в ИЯЛИ КарНЦ РАН и опубликованных в 1959, 1963 и 1967 годах. Кроме того, ученый был составителем сборника «Карельский фольклор» (1948) и хрестоматии «Карельское народное поэтическое творчество» (1981), где представлены подготовленные и переведенные им на русский язык фольклорные произведения, в том числе сказки. Наконец, В. Я. Евсеев являлся научным редактором монографии И. П. Лупановой «Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века» (Петрозаводск, 1959), исследования У. С. Конкка «Карельская сатирическая сказка» (М.; Л., 1965), а также работы Т. И. Сенькиной «Русская сказка Карелии» (Петрозаводск, 1988).

По словам Ю. А. Саватеева, карельский фольклор, особенно эпосоведение, стали призванием В. Я. Евсеева (Фольклорист..., 2010, с. 8). Вместе с тем ученый не оставлял без внимания другие фольклорные жанры, в том числе и сказки, давшие ему интересный материал для сопоставления русской и карельской фольклорных традиций.

Список литературы

Евсеев В. Я. Руны «Калевалы» и русско-карельские фольклор-

ные связи // Известия Карело-Фин. научно -исслед. базы АН СССР. Петрозаводск, 1948. № 3. С. 69–89.

Евсеев В. Я. Карельские варианты пушкинских сказок // Известия Карело-Фин. филиала АН СССР. Петрозаводск, 1949. № 3. С. 69–89.

Евсеев В. Я. К вопросу о взаимодействии карело-финской и русской эпической поэзии // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1959. Вып. 20. С. 30–36.

Евсеев В. Я. Карельские сказки и пересказы былин об Илье Муромце // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 107–115.

Опись фольклорных материалов, собранных В. Я. Евсеевым и хранящихся в Научных архивах Карельского научного центра РАН / Сост. В. П. Миронова // У истоков карельской фольклористики. К 100-летию В. Я. Евсеева. Петрозаводск, 2010. С. 37–70.

Саватеев Ю. А. Фольклорист В. Я. Евсеев: к 100-летию со дня рождения // У истоков карельской фольклористики. К 100-летию В. Я. Евсеева. Петрозаводск, 2010. С. 5–20.

СКЯ – Словарь карельского языка / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Труды В. Я. Евсеева (библиография) / Сост. Н. В. Чикина // У истоков карельской фольклористики. К 100-летию В. Я. Евсеева. Петрозаводск, 2010. С. 21–35.

© В. П. Миронова

Экспедиционные маршруты В. Я. Евсеева

13 июля 2010 года исполнилось 100 лет со дня рождения одного из известных фольклористов Карелии В. Я. Евсеева. Родился Виктор Яковлевич в карельской семье в небольшой деревне Ехкиля, недалеко от Суоярви, находившейся в то время на территории Великого княжества Финляндского. В 1917 году семья Евсеевых пе-

реехала в Петрозаводск, где он начал свое обучение в школе, а затем продолжил его в Ленинградском университете. Среди преподавателей Евсева были известные ученые, в частности финно-угровед Д. В. Бубрих. Университет закончить не удалось, Виктор Яковлевич вернулся в Карелию и стал сотрудником института культуры (Саватеев, 2010, с. 5–6).

История планомерного собирания прибалтийско-финского фольклора в Карелии берет свое начало в 30-е годы XX века. В 1930 году в республике был создан Карельский научно-исследовательский институт, в состав которого, помимо других отделов¹, входила этнографо-лингвистическая секция. Одной из ее первоочередных задач, наряду с изучением этнографии и лингвистики, было исследование устно-поэтических традиций коренных народов, проживающих в республике. Однако для написания глубоких фундаментальных научных трудов был необходим эмпирический материал. Его поиски стали приоритетной задачей первых сотрудников вышеназванного научного учреждения, в числе которых был В. Я. Евсеев.

Вхождение в науку молодого сотрудника началось с активного сбора устного народного творчества карелов. Его рукой исписаны сотни листов писчей бумаги, в некоторых случаях записи велись на обратной стороне вопросников, карт и даже изрезанных вчетверо листовок или плакатов. В большинстве случаев это карандашные записи, сделанные размашистым, трудно читаемым почерком.

Научные интересы В. Я. Евсева на начальном этапе собирательской работы были сосредоточены преимущественно на лингвистике. В период становления этнографо-лингвистической секции велась активная работа над составлением карело-русских сло-

¹ В состав института первоначально входило шесть секций: лесного хозяйства и лесной промышленности; сельского хозяйства; социально-экономическая; историко-революционная; этнографо-лингвистическая и бюро краеведения.

варей. В поисках языкового материала исследователи неоднократно выезжали в экспедиции в места компактного проживания коренного населения. В 1930–1932 годах подобную работу в южных районах республики проводил и В. Я. Евсеев. Занимаясь сбором лингвистических образцов, беседуя с многочисленными информантами, ученый заметил, насколько богата и самобытна устная поэзия карелов. В. Я. Евсеев, глубоко заинтересовавшись фольклором, все последующие годы научной деятельности посвятил собиранию и изучению карельской устно-поэтической традиции.

Несомненно, исследователи традиционной культуры в период становления карельской фольклористики находились в более благоприятных условиях: познание устной поэзии происходило при непосредственном контакте с исполнителями, что давало возможность записать не только фольклорное произведение, но получить все необходимые комментарии к нему. Чаще всего такие ремарки не были зафиксированы на бумаге, их нет в архивах, но они были учтены собирателями и нашли свое отражение в исследованиях. Отдельные наблюдения фиксировались в отчетах и полевых дневниках. К сожалению, отчеты В. Я. Евсеева довольно лаконичны, содержат в основном только количественные подсчеты записанных произведений, фрагментарные пометки об исполнителях. Полевые дневники по каким-то причинам вообще отсутствуют. Возможно, некоторые записи сохранились в личном архиве ученого², изучение материалов которого могло бы стать предметом отдельного исследования.

География экспедиционных выездов В. Я. Евсеева довольно обширна, она охватывает практически все районы Карелии, включая самые отдаленные северные уголки республики, добраться до которых в первой половине XX века было практически невозмож-

² Личный архив В. Я. Евсеева передан родственниками в Национальный архив Республики Карелия.

причитания, сказки, детский фольклор. Ученым зафиксированы только единичные записи эпических и лиро-эпических песен, что может в некоторой степени свидетельствовать о незначительном распространении эпической поэзии в рассматриваемом районе, а также о повсеместном угасании рунопевческой традиции в начале второй половины XX века на территории всей Карелии.

Основное внимание собирателя было направлено на Южную Карелию, В. Я. Евсеев буквально исколесил этот регион. В одном из отчетов мы находим довольно любопытные сведения: в 1935 году в течение 18 дней исследователь объехал на велосипеде около 30 деревень Олонецкого, Пряжинского и Петровского районов, это почти 500 километров по бездорожью. В. Я. Евсеев отправился из Петрозаводска в Коткозеро, затем посетил Олонец, Кукшегору, Тулоксу, Видлицу, Большие Горы, Палалахту, Пульчейлу, Койвусельгу, Палалахту, Колатсельгу, Палалахту, Юргелицу, Куккозеро, Сыссойлу, Миккелицы, Корзу, Эссойлу, Лумболу, Улялегу, Вешкелицу, Чалкозеро, Вохтозеро, Спасскую Губу и вернулся обратно в Петрозаводск. Намеченное передвижение дальше на Поросозеро не осуществилось из-за поломки велосипеда (НА, фонд 1, опись 3, дело № 142).

Впервые В. Я. Евсеев отправился в Южную Карелию в 1932 году вместе с В. Гудковым для записей музыкального фольклора. Совместно ученые вели активные поиски народных музыкальных инструментов и талантливых исполнителей. Самостоятельная поездка была осуществлена В. Я. Евсеевым несколькими годами позже, в 1934 году ученый выезжал в Петровский район (ныне это часть Медвежьегорского и Кондопожского районов). Были исследованы деревни Спасская Губа, Нелгомозеро, Вохтозеро, Эльмитозеро, Лахта и другие. В Эльмитозере собиратель встретил талантливых исполнительниц Марию Фёдоровну и Анастасию Фёдоровну Никифоровых, внучек известного рунопевца Архиппы Муйлаччу, которого еще в XIX веке записывали финские исследователи А. Борениус и О. А. Хайнари. От этих сказительниц им

зафиксированы эпические песни, причитания, сказки, лирические песни, детский фольклор, а также другие произведения устного народного творчества. В делах КНИИ за 1940 год сохранился отчет В. Я. Евсеева о подготовленном сборнике «Сказки и песни А. Ф. Никифоровой» (НА, фонд 1, опись 3, дело № 286, с. 5–7). Книга так и не увидела свет, возможно, ее выходу помешала война. До настоящего времени место хранения рукописи выяснить не удалось.

Вероятно, благодаря тому что в указанном регионе были обнаружены потомки известного рунопевца, район Вохтозеро – Эльмитозеро и, шире, Сямозеро оказался под более пристальным вниманием В. Я. Евсеева, а также и других собирателей. Помимо выше-названных исполнительниц здесь было выявлено много других талантливых сказителей: Е. Г. Терентьева и А. Е. Богданова из дер. Олькойла, И. Фецулина из дер. Лахта и другие.

В 1935–1936 годах продолжились индивидуальные поездки В. Я. Евсеева в Петровский и Пряжинский районы. В основном исследователь собирал эпические песни, этими годами датируется более 80 вариантов рун (НА, фонд 1, опись 3, дело № 287, с. 55). Ученый познакомился с новыми исполнителями – это П. И. Сидоров и П. Т. Прокопьев из Сыссойлы, П. И. Буккиева из Колатсельги, А. П. Диев из Койвусельги и другие. В 1937 году В. Я. Евсеевым был исследован район деревень Вохтозеро, Угмойла, записаны около 10 вариантов песен, а также другие образцы карельского фольклора. Работа собирателя была сопряжена с некоторыми трудностями, в отчете В. Я. Евсеев отмечает, что «много приходилось времени убивать на преодоление недоверия носителей старого (заговорно-обрядового) фольклора к записывающему» (НА, фонд 1, опись 3, дело № 102, с. 19). Как известно, конец 30-х годов XX века был непростым периодом. По стране прокатилась волна репрессий, народ был напуган, а поэтому недоверчив и осторожен больше обычного.

Во время экспедиций случались и самые неожиданные находки. Так, при очередном выезде в Колатсельгу Ведлозерского района (экспедиция 1935 года) В. Я. Евсеев обнаружил у местного жителя Семёна Ивановича Тупицына довольно редкий музыкальный инструмент – смычковое кантеле, о чем немедленно ученый сообщил в письме В. Гудкову. «Семён Тупицын изготовил смычковое кантеле для А. Калачёва, у которого, кстати, есть другое старинное смычковое кантеле, полученное им по наследству и на котором он виртуозно играет. С. Тупицын исполнил мне на смычковом кантеле свыше 10 разных наигрышей» (НА, фонд 1, опись 3, дело № 107, с. 15). В 1936 году В. Я. Евсеев составил список кантелистов, состоящий из 41 человека, из них 26 человек проживали в Пряжинском, 9 – в Ведлозерском, 2 – в Петровском, 3 – в Олонецком районах и 1 – в Петрозаводске (НА, фонд 1, опись 3, дело № 208, с. 6).

За неполное десятилетие В. Я. Евсеевым был накоплен огромный материал, который требовал осмысления и публикаций. В 1940 году вышел сборник эпических песен «Сампо», ученый работал над монографией по карело-финскому эпосу (НА, фонд 1, опись 3, дело № 286, с. 5–7), публиковал свои статьи в периодических изданиях.

В 1940 году в институте стали производить звуковые записи на фонограф, в числе первых к этой работе приступил В. Я. Евсеев. Надо отметить, что у собирателей каждый исполнитель был на особом учете, составлялись списки с их подробными адресами (НА, фонд 1, опись 3, дело № 287, с. 46–47), для сказителей выписывались газеты, у них в домах устанавливались радиоточки, для них устраивали занятия с учителями, им отправляли книги, студенты проводили беседы на литературные и политические темы. Исполнителей приглашали в Петрозаводск, где от них записывались лучшие образцы фольклорных произведений. В качестве культурной программы для них устраивались походы в театр или кино (НА, фонд 1, опись 3, дело № 287, с. 46). Собиратели призывали сказителей к созда-

нию произведений на советские темы, таким образом появились так называемые новины, которые, впрочем, не получили особого распространения и оказались «временным» жанром. На местах в районах организовывались кружки сказителей, подобный был создан в сентябре 1936 года в Ведлозере в составе 10 человек (Летопись..., 1963, с. 152).

Собирательская работа была прервана войной, но возобновилась уже в декабре 1944 года. Для того чтобы заново установить связь со сказителями, по месту их прежнего проживания рассылались письма. Многие из таких писем вернулись на адрес института с пометками: «Адресат выбыл», «Умер (погиб) во время войны», «Поменял место жительства». В поисках новых исполнителей в различные районы республики вновь отправились ученые института культуры. Одним из самых активных собирателей был В. Я. Евсеев. В послевоенные годы фиксация материала производилась на магнитофон, что, в некоторой степени, облегчало работу. Исследователь записывал не только знакомых ему исполнителей, но и несколько расширил территорию исследования. В южной Карелии некоторые населенные пункты впервые были исследованы более тщательно, это село Крошнозеро Пряжинского района, деревни Ключина Гора, Поросозеро, Кудамгуба Суоярвского района. Помимо индивидуальных бесед В. Я. Евсеев записывал на магнитофон репертуар многих народных хоров, к примеру, песни Сегозерского, Петровского, Олонецкого, Ведлозерского хоров, а также других народных песенных коллективов.

Впервые в послевоенные годы В. Я. Евсеевым был зафиксирован песенный фольклор от ингерманландских финнов в поселках Пряжинского района: Матросы (1950 год), Чална (1952 год), Маньга (1960 год). Состоялось также два выезда в места проживания вепсов – в Прионежский район, село Шелтозеро и поселок Шокша, где зафиксированы музыкальный фольклор, самодетельные песни, сказка и предание.

В 1954 году состоялась большая комплексная экспедиция в районы проживания калининских (тверских) карелов, в ходе которой было «охвачено 58 населенных пунктов, кроме того, записи проводились на покосах, на поле, в пути, на автомашинах. В семи районах Калининской области зафиксировано 968 номеров произведений разных жанров народного творчества». Собиратели, в числе которых был и В. Я. Евсеев, отмечали некоторые особенности в работе; в частности, в отчете читаем, что «нередко лица, согласившиеся петь или рассказывать, затем, слыша реплики присутствующих, отказывались под предлогом, что больше ничего не знают» (НА, фонд 1, опись 2, колл. 148, с. 1а).

В. Я. Евсеев использовал любую возможность записать фольклорный материал, причем даже от таких носителей, язык которых ему был совершенно неизвестен. В 1964 году ученым производились записи в Латвии, в Таламском районе в селе Колка и городе Талси. Сохранился материал на эстонском, латышском и ливском языках. В 1969 году в Петрозаводске сделана запись от В. В. Гудкова-Сенкевича на языке манси.

Несколько лет назад родственники В. Я. Евсеева передали в Национальный архив Республики Карелия личный архив ученого. Интерес представляют имеющиеся там звуковые записи, которые на настоящий момент не описаны.

Таким образом, благодаря огромной собирательской работе В. Я. Евсеева, сегодня в научном архиве Карельского научного центра и Национальном архиве Республики Карелия хранится уникальный фольклорный материал, охватывающий все районы республики. Большая его часть записана на территории южной Карелии, что дает возможность фольклористам изучать, к примеру, эпическую поэзию, сказочную и песенную традицию карелов-ливвиков. Материал полезен также для лингвистов, занимающихся составлением словарей, а также для музыковедов и любителей народной традиционной культуры.

Список литературы

Летопись литературной жизни Карелии. 1917–1961 / Сост. М. Ф. Пахомова, Н. С. Полишук. Петрозаводск, 1963.

У истоков карельской фольклористики. К 100-летию В. Я. Евсеева. Биография, библиография, опись архивных материалов / Карельский НЦ РАН. Петрозаводск, 2010.

SKVR – Suomen kansan vanhat runot. 2: Aunuksen, Tverin- ja Novgorodin-Karjalan runot / Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino Oy, 1927.

Список источников

Научный архив, фонд 1, опись 2, колл. № 148.

Научный архив, фонд 1, опись 3, дело № 102.

Научный архив, фонд 1, опись 3, дело № 107.

Научный архив, фонд 1, опись 3, дело № 142.

Научный архив, фонд 1, опись 3, дело № 208.

Научный архив, фонд 1, опись 3, дело № 286.

Научный архив, фонд 1, опись 3, дело № 287.

© И. П. Новак

Чередование ступеней согласных в ливвиковском наречии карельского языка

Явление чередования ступеней согласных характерно для большинства прибалтийско-финских языков, и карельский язык не является исключением.

Рассматриваемое явление в карельском языке является не просто фонологическим, а морфонологическим, т. к. играет значительную роль в системах именного и глагольного словоизменения.

Для карельского языка характерно наличие двух видов чередования: радикального и суффиксального. При радикальном чередовании изменение происходит в основе слова вследствие присоеди-

нения к ней аффикса. Напр., *nuottu: nuota-t* 'невод : неводы', *jogi : jove-s* 'река : в реке'. Суффиксальное же чередование затрагивает сами аффиксы. Данный вид чередования в прибалтийско-финских языках постепенно становится достоянием языковой истории, т. к. в процессе развития многие его виды уравнились в пользу одной из ступеней (Lehtinen, 2007, s. 149). В качестве примера суффиксального чередования можно привести окончания партитива. Напр.: *ei ole suo-du* 'нет болота' : *ei ole koigu-a* 'нет собаки'.

Остановимся на рассмотрении радикального чередования в ливвиковском наречии карельского языка. Сильно ли данная система отличается от собственно-карельской и людиковской?

В ливвиковском наречии принято выделять восемь диалектов: ведлозерский, видлицкий, кондушский, коткозерский, некульский, рыпушкальский, сямозерский и тулмозерский (Зайков, 1999, с. 7). Однако финские исследователи добавляют к ним еще салминский диалект. Обнаруживают ли ливвиковские диалекты какие-либо отличительные особенности в системе чередования, и если да, то чем это обусловлено? Постараемся ответить на этот вопрос, опираясь на работы А. Генетца, Х. Оянсуу, Й. Куйола, Э. Лескинена, Т. Итконена, Д. В. Бубриха, П. М. Зайкова, а также полевой материал и примеры, собранные из сборников образцов речи, «Словаря карельского языка», а также около 30 «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка», хранящихся в фондах научного архива Карельского научного центра РАН.

Итак, для всех диалектов ливвиковского наречия характерно наличие двух видов радикального чередования: количественного, распространяющегося на геминаты, и качественного, затрагивающего одиночные смычно-взрывные согласные и сочетания согласных. На выбор ступени чередования влияет открытость/закрытость слога, т. е. сильная ступень выступает в слоге, оканчивающемся на гласный, а слабая – на согласный, исключения из данного правила объясняются исторически. Следует отметить, что механизм каче-

ственного чередования этим условием не ограничивается, но об этом позже.

Во всех ливвиковских диалектах в количественное чередование вступают геминаты *kk, tt, pp, čč*, редуцирующиеся в слабой ступени до одиночного согласного. Характерной особенностью ливвиковского и людиковского наречий, в отличие от собственно-карельского, является количественное чередование геминат *ss, šš*. Кроме того, в людиковском наречии встречаются также случаи чередования *hh*. Очевидно, что эти удвоенные согласные подверглись альтернации на стадии формирования данных наречий, причиной могла послужить аналогия с остальными видами количественного чередования. Напр., пвс.: *akku : akat 'старуха : старухи', harakku : harakat 'сорока : сороки', nuottu : nuotat 'невод : неводы', tyttö : tytöt 'девочка : девочки', rappi : rapit 'нон : нопы', vičču : vičat 'прут : прутья', brihačču : brihačut 'парень : парни', pussi : pusis 'пакет : в пакете', bošši : bošit 'баран : бараны'*.

В положении же после сонорных согласных *l, r* и носового согласного *n* на большей части ливвиковской территории количественное чередование не представлено. В данной позиции вместо геминаты, характерной для большинства собственно-карельских говоров, выступает одиночный смычно-взрывной согласный или одиночная аффриката *č*. Однако в некоторых ливвиковских, а также людиковских говорах можно найти примеры с геминатой. Х. Оянсуу отмечает, что зачастую на данной территории в рассматриваемой позиции довольно сложно уловить разницу между геминатой и одиночным согласным (Ojansuu, 1918, s. 14). Нивелирование же чередования во всех наречиях карельского языка может быть обусловлено влиянием фонетики русского языка. Напр., влз., вдл., ктк., нкл., рпш., тлз.: *čirku : čirkut 'кузнецик : кузнички', perti : pertit 'изба : избы', čirpi : čirpit 'серп : серпы', tylčy : tylčät 'тупой : тупые'*; влз., вдл., ктк., нкл., слм., смз., тлз.: *čirkku : čirkut, pertti : pertit, čippi : čirpit, tylčy : tylčät*.

Признак наличия в ливвиковском наречии качественного чередования мы видим уже в самом названии этноса: *liugil'äine* 'карел-ливвик': *livvinkieli* 'язык карел-ливвиков'. В отношении качественного чередования в ливвиковском наречии вступают звонкие смычно-взрывные согласные *g, d, b*, находящиеся в интервокальной позиции или в положении после согласных *l, r, n, t*. Однако качественное чередование, в отличие от собственно-карельского наречия, не функционирует далее второго слога слова. Л. Кеттунен называет это очевидным влиянием фонетики вепсского языка (Kettunen, 1940, s. 285). В результате этого же влияния качественное чередование полностью исчезло из людиковского наречия, оставив после себя многочисленные следы.

Слабоступенным соответствием палатального и дентального смычно-взрывных в ливвиковских диалектах выступают согласные, носящие вставочный характер *j, v*, или нуль звука, исторически развившиеся на месте древних слабоступенных спирантов. Итак, в соседстве с лабиальным гласным в слабой ступени выступает согласный *v*. В положении после стяженного дифтонга на *u* или долгих гласных *ui, uu* в большинстве ливвиковских диалектов образуется гемината *vv*, а в некоторых ведлозерских говорах – сочетание *bv*. Напр., пвс.: *sugu* : *suvus* 'род : в роду', *vago* : *vavot* 'борозда : борозды', *nägu-* : *ei nävu* 'виднеться' сильная основа: отриц. форма 3-е л. ед. ч. през., *luge-* : *luven* 'читать' сильная основа: 1-е л. ед. ч. през., *kydu* : *kyvut* 'деверь : девери', *mado* : *mavot* 'змея : змеи', *redu* : *revul* 'грязь : грязью', *vuode-* : *vuvvet* 'год' сильная основа: ном. мн. ч., *uude-* : *uvvet* 'новый' сильная основа: ном. мн. ч., *raudu* : *ravval* 'железо : железом', *haudu* : *havvat* 'яма : ямы'; влз.: *uude-* : *ubvet*, *raudu* : *rabval*, *haudu* : *habvat*.

Алломорф *j* или удвоенный мягкий согласный *d'd'* в некоторых диалектах выступает в позиции после долгого гласного *ii*, *j* появляется также после стяженного дифтонга на *i*. Напр., пвс.: *liigu* : *liijat* 'лишний : лишние', *poigu* : *poijat* 'парень : парни', *aigu* : *aijat* 'время : времена', *muijota* 'киснуть' (<*muigei* 'кислый'), *tiedä-* : *tiijän*

'знать' сильная основа: 1-е л. ед. ч. през., viijes 'пятый' (< viide- 'пять' сильная основа), maido : maijos 'молоко : в молоке', aidu : aijat 'забор : заборы'; влз., смз.: liigu : lid'd'at, tiedä- : tid'd'en, vid'd'es.

В позиции после одиночного гласного *i* в слабой ступени согласный *j* выступает только в некоторых сямозерских и тулмозерских говорах, в остальных же происходит выпадение согласного. В некоторых диалектах алломорф *j* также фонетически обусловлен в положении перед гласным *e*. Напр., пвс.: higi : hies 'ном : в номе'; ктк., рпш.: higi : hiäs; смз., тлз.: higi : hijes; пвс.: mägi : mäil 'гора : на горе'; влз., вдл., ктк., смз., тлз.: mägi : mäes; вдл., смз.: mägi : mäjes.

Ноль звука в слабой ступени выступает во всех остальных позициях, что в большинстве диалектов сопровождается дифтонгизацией образовавшегося долгого гласного или дифтонга, не характерных для фонетической системы данных диалектов. Если в видлицком, тулмозерском диалектах и западных ведлозерских говорах сохраняются долгие гласные *aa*, *ää*, то для сямозерского, ведлозерского и коткозерского диалектов характерно наличие дифтонгов *oa*, *eä*; салминского, рыпушкальского, некульского диалектов и некоторых коткозерских говоров – дифтонгов *ia*, *iä*; кондушского – *ia*, *iä*; некоторых тулмозерских говоров – также долгих *oo*, *öö*. Если в случае выпадения согласного образуется долгий гласный *ee*, то во всех диалектах он переходит в дифтонг *ie*, однако в некоторых говорах сямозерского и тулмозерского диалектов выступает дифтонг *ei*, а в некоторых ведлозерских, тулмозерских и видлицких говорах долгий *ee* сохраняется. Напр., ктк., нкл., рпш., слм., смз.: pada : puat 'горшок : горшки'; влз., ктк., смз., тлз.: pada : poas; влз., вдл., тлз.: pada : paas; кнд.: pada : p̄iat; нкл.: pada : puos; тлз.: pada : poos; пвс.: rege- : riet 'сани' сильная основа: ном. мн. ч.; влз., вдл.: rege- : reet; слм., смз., тлз.: rege- : reit; пвс.: vede- : viet 'вода' сильная основа: ном. мн. ч.; влз., смз., тлз.: vede- : veit; вдл., тлз.: vede- : veet; пвс.: pidä- : pien 'держать' сильная основа: 1-е л. ед. ч. през.; вдл., ктк., рпш., тлз.: pidä- : piän; влз., смз.: pidä- : peän.

Наличие нескольких возможных вариантов при качественном чередовании одиночных смычно-взрывных можно объяснить присутствием в древнем карельском языке различных слабоступенных алломорфов, а также не завершенным процессом дифтонгизации долгих гласных в нем.

Чередования палатального и дентального смычно-взрывных, находящихся в положении после сонорных согласных *l*, *r* и носового *n*, в диалектах ливвиковского наречия представлены довольно однообразно. В результате данного вида чередования в слабой степени происходит ассимиляция согласного с впереди стоящим сонорным или носовым. Однако в положении далее второго слога чередование не происходит. Сочетание согласных *ng* в слабой степени не изменяется, очевидно, данный вид чередования сошел на нет уже в древнем карельском языке, т. к. отсутствует и в собственно-карельском наречии. Напр., пвс.: *sel'gy* : *sel'l'äl* 'спина : на спине', *olgi* : *olles* 'солома : в соломе', *peldo* : *pellot* 'поле : поля', *kurgi* : *kurret* 'журавль : журавли', *särgi* : *särril* 'плотва : у плотвы', *kando* : *kannot* 'пень : пни', *anda-* : *annan* 'давать' сильная основа: *l-e л. ед. ч. през.*; но *humalduo* : *humaldun* 'пьянеть : я пьянею', *kumarduo* : *kumardun* 'кланяться : я кланяюсь', *emändy* : *emändät* 'хозяйка : хозяйки', *ellendä-* : *ellendän* 'понимать' сильная основа: *l-e л. ед. ч. през.*; *hengi* : *hengis* 'дыхание : живой', *langu* : *langat* 'нитка : нитки'.

Исключением являются некоторые формы глаголов и имен, обнаруживающие в слабой степени не удвоенный согласный, а одиночный, редуцированный из геминаты только в положении после долгого гласного или дифтонга. Следует отметить, что при чередовании палатального в рассматриваемой позиции в большинстве диалектов собственно-карельского наречия также происходит выпадение смычно-взрывного. Очевидно, что подобный механизм чередования был присущ и древнему карельскому языку. Напр., пвс.: *kerdu* : *kerran* 'раз : однажды'; кнд.: *kerdo* : *kerran* / *keral*; влз., нкл., рпш., смз.: *kerdu* : *kieran*; пвс.: *kiel'dä-* : *kiel'än* 'запрещать'

сильная основа: 1-е л. ед. ч. през., piirdä- : piirän 'чертить' сильная основа: 1-е л. ед. ч. през., työndä- : työnän 'отправлять' сильная основа: 1-е л. ед. ч. през., kiändä- : kiänän 'поворачивать' сильная основа: 1-е л. ед. ч. през.

Чередование сочетаний глухих смычно-взрывных с согласными *s, h, t*, в ливвиковском наречии, в отличие от собственно-карельского, не представлено. По мнению Л. Кеттунена, эти виды чередования были характерны для древнего карельского языка, т. к. сохранились в большинстве его дочерних языков, но исчезли из ливвиковского наречия, очевидно, под влиянием вепсского языка (Kettunen, 1940, s. 285–287). Однако во всех ливвиковских диалектах можно найти следы наличия древнего чередования в данной позиции. Напр., пвс.: *viiko : viikot 'тряпка : тряпки', puhkie- : puhketah 'распускаться' сильная основа: 3-е л. мн. ч. през, ahtahat : ahtas 'тесные : тесный', lehti : lehtet 'лист : листья', vaski : vaskel 'медь : медью', iškie : išken 'ударять : я ударяю', lastu : lastut 'щетка : щетки', musta- : mustan 'помнить' сильная основа: 1-е л. ед. ч. през., petkelet : petkel 'песты : пест', itkie : itken 'плакать : я плачу'; но ahista 'набивать', ehättiä 'переправлять', kaheksa 'восемь', kahičči 'дважды', yheksä 'девять', kohendus 'ремонт', toase 'опять' (Ojansuu, 1918, s. 26).*

Во всех ливвиковских диалектах лабиальный смычно-взрывной *b* чередуется в слабой ступени с согласным *v*, в позиции же после *t* в слабой ступени происходит ассимиляция, но не далее второго слога слова. Напр., пвс.: *ruveta : rubien 'начинать : я начинаю', siibi : sivet 'крыло : крылья', kylbie : kylven 'купаться : я купаюсь', hambahat : hammas 'зубы : зуб', но vanhemi : vanhembat 'старший : старшие'.*

Отдельно стоит обратить внимание также на поздние заимствования из русского языка, на которые в большей части случаев качественное чередование в ливвиковском, как и в собственно-карельском наречии, не распространяется, т. к. зачастую только сохранение сильноступенного представительства фонемы обеспе-

чивает карелам, владеющим русским языком, идентификацию слова. Напр., пвс.: kniigu : kniigat 'книга : книги', riädy : riädyt / riävyt 'ряд : ряды', laba : labat / lavat 'лопать : лопаты', griba : gribat / grivat 'гриб : грибы'.

В живой речи карелы часто опускают чередование и в исконных карельских словах, что может свидетельствовать о тенденции опрощения исследуемого явления.

Итак, мы видим, что система чередования ступеней согласных в ливвиковском наречии представлена довольно однообразно, за исключением некоторых случаев, причиной чего, скорее всего, являются постоянные контакты между представителями различных его диалектов, располагающихся на компактной территории. Однако в сравнении с собственно-карельским наречием и древним карельским языком данная система в ливвиковском наречии под сильным вепским влиянием претерпела значительные изменения в ходе самостоятельного развития.

Список литературы

Бубрих Д. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.

Зайков П. М. Диалектология карельского языка. Петрозаводск, 1987.

Макаров Г. Н. Образцы карельской речи. Л., 1963.

Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Л., 1969.

Образцы карельской речи. Петрозаводск, 1994.

Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, 1885.

Itkonen T. Aunuksen ääneopin erikoispiirteet ja aunukse-laismurteiden synty // Virittäjä. 1971. № 2.

Karjalan kielen näytteitä. Osa III / Toim. E. Leskinen. Helsinki, 1936.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968–2005.

Kettunen L. Karjalan heimon ja karjalan kielen iästä ja alkuperästä // Virittäjä. 1940. № 44.

Kujola J. Äänneopillinen tutkimus Salmin murteesta. Helsinki, 1910.

Lehtinen T. Kielen vuosituhannet. Helsinki, 2007.

Ojansuu H. Karjala-aunuksen äännehistoria. Helsinki, 1918.

Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki, 1967.

© Т. В. Пашкова

О некоторых названиях болезней в карельском языке (на примере русских заимствований)

Одним из основных способов обогащения лексического состава языка являются заимствования из родственных и неродственных языков. При исследовании народных названий болезней в карельском языке мы обратили внимание на то, что достаточно большое количество названий болезней было заимствовано из германских, балтийских и славянских языков. Конечно, самое большое влияние на развитие рассматриваемого нами пласта лексики оказал русский язык.

Цель данной статьи – проследить, насколько приспособились заимствованные названия болезней к фонетической системе карельского языка? Были ли заимствованы какие-нибудь лексемы без фонетических изменений? Какие названия болезней существуют параллельно: заимствованное слово и собственно-карельское?

1. *Заимствования, которые подстроились под фонетическую систему карельского языка:*

čahotku 'чахотка, туберкулёз лёгких': ск. čahotka, čihotka // ливв. čahottu, čahotku, čahottu (KKS, 2005, s. 174) // люд. čahotk (Virtaranta, 1963, s. 273).

Во всех наречиях карельского языка используется заимствование из русского языка *чахотка*. В. Даль толкует термин «чахотка» как изнурительная смертельная болезнь, обычно с порчею лёгких, и указывает на то, что данная лексема образована от глагола *чахнуть* (Даль, 2005, с. 706). Языковед Бернекер неуверенно предлагает сравнить лексему *чахотка* с немецким словом *hager* 'худой, сухощавый'. Горлеев, в свою очередь, пытается сблизить слово *чахотка* с украинским глаголом *чахнути* (от междометия чах! < греч. *χαω* 'так!') (Преображенский, 1958, с. 55).

driän'i 'нагноение в глазах (конъюнктивит?)': ливв. *silmäz op äjju driän'ii* (KKS, 2005, s. 165) 'в глазу много гноя'.

Этой же лексемой в карельском языке обозначают 'гной (нагноение)': ск. *driän'i hebozella jallašša* (KKS, 2005, s. 165) 'у лошади в ноге гной образовался' // ливв. *kačo driän'i valuu guanaz* (KKS, 2005, s. 165) 'посмотри, с раны гной идет' // люд. *driän'* (Kujola, 1944, s. 35). Слово *driän'i* является русским заимствованием (ср. рус. *дрянь*), значение которого 'нечистота, гной' (СРЯ, 1977, с. 367).

grudn'ičča 'грудница': ск. *гун'd'ähät grudn'ičašta rakehutah kun kivi* (СКЯ, 1994, с. 43) 'груды от грудницы твердеют, как камень'. Название *grudn'ičču* заимствовано из русского языка *грудница*, что является простонародным названием заболевания мастит (от греч. *mastos* 'грудь') (БЭС, 1999, с. 315).

rodimča 'родимчик' («легкий паралич»): ск. *rot'imēč, rod'imča, rod'in'ča* (KKS, 1997, s. 166), *rodimčikka* (Конкка, 2003, с. 389) // ливв. *rodimčikku, rodimču* (СКЯ, 1990, с. 310), *rod'inču* (KKS, 1997, s. 166). Название этого заболевания во все наречия карельского языка было заимствовано из русского *родимчик* – болезненный припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания (у беременных, рожениц и маленьких детей). Название «родимчик» является разговорным (Ожегов, 1973, с. 628). Словарь В. Даля толкует эту болезнь как «падучая младенцев, или, вернее, воспаление мозга» (Даль, 2005, с. 566). Симптомы его проявлялись в том, что ребенок

спал с открытыми глазами, беспричинно пугался во сне, бился, как в припадке. Родимчик (или родимец) считался в Карелии широко распространенной болезнью. В Северной Карелии в XIX веке причиной смерти большинства младенцев являлся именно родимчик. В нем обнаруживаются признаки паралича и эпилепсии. Тверские карелы считали, что причиной этой болезни является испуг (Лавонен, 1994, с. 95).

2. *Займствования без фонетических изменений:*

пощ'ica 'ночница, крикса, будиха': *ск.* kyl'vet'ettih yönitüšta ka, от *пощ'ici*, kyl'vet'ettih (СКГ, 2001, с. 194) 'парили [в бане] от криксы, от *ночницы* парили [веником]'. Название *пощ'ica* заимствовано в тверской говор карельского языка из русского языка – *ночницы* (чаще употребляется во множественном числе). В славянской мифологии *ночницы* – это ночные демоны, нападающие главным образом на детей (иногда только новорожденных) и лишаящие их сна, а также сама вызванная ими болезнь. Термин «ночницы» известен всем славянам, наряду с другими названиями: ср.: в.-слав. 'криксы, плаксы, полуночица'; польск. 'placzki'; б. 'ношно' и т. д. (СД, 2004, с. 436).

roža 'рожистое воспаление': *ск.* roža // *ливв.* roža (KKS, 1997, s. 156) // *люд.* roža (SKES, 1980, IV, s. 891). Лексема *roža*, используемая во всех трех наречиях карельского языка, была заимствована из русского языка *рожа*. В русский язык лексема *рожа* пришла, вероятно, через древневерхненемецкий язык *gōsa* (< лат. *rosa* 'роза'). Причиной использования данного слова со значением *рожистое воспаление* стало однозначно то, что во время этой болезни кожа становится ярко-красной, как цветок роза (Преображенский, 1958, с. 210).

vesnuha 'веснуха': *ск.* nu meil' ol' muan' akk hin l'eč *vesnuhašt* (СКГ, 2001, с. 157) 'так у нас была такая старуха, она лечила от *веснухи*'; *ка* om muoz'ie bol'iloī, kūlitgo *vesnuhua* bol'ie, et kūllun? (ОКР, 1980, с. 305–307) 'есть такая болезнь, как *веснуха*, слышал ли про такую болезнь?'. Эта болезнь была связана с общим физическим недомоганием, особенно весной. Слово *vesnuh* (*vjosnuhu*)

является русским заимствованием ср. рус. *веснуха* ‘вешняя пере-
межная лихорадка’ (Даль, 2005, с. 116). В «Архангельском област-
ном словаре» лексеме *веснуха* дается три объяснения: 1) болезнь,
сопровождающаяся сыпью на лице (например, она веснухой забо-
лела) (Вельский район, дер. Лиходеево); 2) болезнь с сильным ли-
хорадочным состоянием (например, йево лихоратка забрала, он ы
помер, веснухой раньше называли) (Ленский район, дер. Паста); 3)
веснушка, пигментное пятнышко на коже (например, парень крас-
ной, да весь в веснухах) (Лешуковский район, дер. Койнас) (АОС,
1985, с. 7).

Вепсы и карелы считали, что при нарушении правил как огонь,
так и печь могли принести болезни. Так, частое лежание на печи
людей активного возраста в вепсской и карельской крестьянской
среде осуждалось. Это лежание могло стать причиной болезни
веснуха (Винокурова, 1999, с. 163).

3. *Параллельно существующие наименования: заимствованные
и собственно-карельские:*

ankina ‘ангина, воспаление горла’: ск. *a vot s’itä kuin ličittih
ankinua?* (NKK, 1994, s. 79) ‘а вот ангину как раньше лечили?’

Ср.: ск. **kulkkutauti** // ливв. **kulkutaudi, kulkkutaudi** ‘боль в
горле’ (KKS, 1974, s. 425);

ск. **kulkkumuokka** // ливв. **kulkkumuokku** (KKS, 1974, s. 424)
‘ангина, воспаление горла’.

Слово *ankina* заимствовано из русского языка – *ангина* (от лат.
angina ‘удушье’) (БЭС, 1999, с. 49). В верованиях русских заболе-
вание ангина «приносила» жаба. Не случайно в русском языке под
жабой могли пониматься и болезнь глотки, и воспаление горла
(Даль, 2005, с. 235). Под влиянием русских северные вепсы тоже
стали называть ангину *жабой* (*žaba, žab*) (Винокурова, 2006,
с. 189). Модель «жаба → опухоль горла» представлена во многих
языках, ср., к примеру, нем. *Frosch* ‘опухоль горла, воспаление во
рту, нарывы под языком’, *Zungenkröte* ‘зоб, опухоль под языком’,
англ. *Frog-in-the-throat* ‘хрипота’ и др. Важно учитывать фак-

торы, мотивирующие названия таких болезненных выпуклостей: это, во-первых, уже упоминавшийся выше мотив «раздувания» (и связанный с ним мотив тяжелого дыхания: при опухолях горла может появляться одышка); во-вторых, мотив «бугристости» кожного покрова (Березович, 2007, с. 314).

Интересно отметить, что в «Образцах людиковской речи» (Virtaranta, 1963, s. 275) нами были найдены сведения о болезни «жаба», но не в значении 'ангина': *meil sanut't'i šida «žaba»* 'мы называли эту болезнь «жаба»'. Карелы-людики считали, что когда человек был сильно голоден, садился за стол и начинал хватать всю еду, то он из-за своей жадности заболел болезнью, которая называлась жаба. У человека начинало болеть горло, он не мог ни есть, ни пить, потому что сквозь горло кусок не проходил (Virtaranta, 1963, s. 275).

kila 'грыжа': *ск. kila // ливв. kila (KKS, 1974, s. 195) // ср. венс. kil (Зайцева, 1995, с. 43).*

Ср.: *ск. n'apakriisi, n'abariizi, n'abagriizi (KKS, 1983, s. 453) // ливв. n'abagriizi (SMS, 1950, s. 205) 'грыжа';*

ск. n'ärvägriiž'i (СКЯ, 1994, с. 179) 'грыжа';

ск. häkytys (KKS, 1968, s. 383) // ливв. häkytys (SMS, 1950, s. 50) 'грыжа'.

Используемые в собственно-карельском и ливвиковском наречиях названия *kila, kilo* заимствованы из русского языка – *кила* (ср.: *кила* (сс.), *кыла* (сл.), *kila, kilav* (б.) 'грыжа, опухоль'. А. Торп сопоставляет русское *кила* с греч. *χηλη* 'грыжа', дрвнм. *hōla* 'грыжа' (Преображенский, 1958, с. 345).

kriisi 'грыжа': *ск. kriisi, griizi, riizi (KKS, 1974, s. 376), gryža (Конкка, 2003, с. 386) // ливв. griizi, riizi (KKS, 1974, s. 376) // люд. griža (ОЛР, 1978, с. 178) // ср. вод. griisi (SKES, 1962, s. 789), венс. griiž, griiža (Винокурова, 2006).*

Ср.: *ск. n'apakriisi, n'abariizi, n'abagriizi (KKS, 3, s. 453) // ливв. n'abagriizi (SMS, 1950, s. 205) 'грыжа';*

ск. n'ärvägriiž'i (СКЯ, 1994, с. 179) 'грыжа';

ск. **häkytys** (KKS, 1968, s. 383) // ливв. **häkytys** (SMS, 1950, s. 50) 'грыжа'.

В собственно-карельское, ливвиковское и людиковское наречия карельского языка названия данного заболевания пришли из русского языка *грыжа* (от глагола *грызть* < индоевропейский корень *gureu -gh 'глодать, грызть') (SKES, 1962, s. 789; Преображенский, 1958, s. 163–164).

paraličču 'паралич': ск. **prol'ičča** (СКЯ, 1994, с. 219) // ливв. **paral'ičču**, **parol'ičču** (KKS, 1993, s. 158) // люд. **paral'ič** (Kujola, 1944, s. 300) // ср. фин. **paralyasia** (Новый большой рус.-фин. словарь, 2000, с. 817).

Ср.: ск., ливв. **hullavus** (KKS, 1968, s. 327) // люд. **hulvaidus** (SKES, 1978, s. 53) 'паралич';

ливв. **hullavundu** (KKS, 1968, s. 327) 'паралич';

ливв. **hullavos** (KKS, 1968, s. 327) 'паралич'.

Названия **prol'ičča**, **paraličču**, **paroličču**, **paral'ič** заимствованы из русского языка – *паралич*. В старом русском языке лексема *паралич* звучала как *паралижъ*. Не совсем ясно, откуда в конце слова появилось -ч-. Если бы лексема была заимствована из латинского (*paralysis*) или немецкого (*paralyse*) языка, то в русском языке должно звучать *парались (*парализь). Скорее всего, было русифицировано по образцу слов на -ич/ичь (Преображенский, 1958, с. 16).

kupina 'чесотка': ск. **kupina**, **kubina** (KKS, 1974, s. 458) // ливв. **kubineh** (SKES, 1980, II, s. 242), **kubin** (KKS, 1974, s. 458) // люд. **kubina**, **kubineh** (SKES, 1980, II, s. 242), **kupetamaan'e** (COC, 2007, с. 135).

Ср.: ск. **šyyhy** (KKS, 1997, s. 613) 'чесотка';

ск. **syhymin'e**, **šyhymin'e**, **syhmine** // ливв. **syhmine**, **syhymiine** (KKS, 1997, s. 613) // люд. **šyuhmin'e** (SKES, 1980, IV, s. 1151) 'чесотка'.

Названия **kupina**, **kubin(a)**, **kubineh** образованы от глагола **kuvata** (ск., ливв.), который, вероятно, заимствован из диалектов русского языка **kúbajdat'**, **kobájdat'** 'чесаться, зудеть, свербеть' (SSA, 1992, s. 457).

Таким образом, очевидно, что русский язык оказал влияние на развитие такого пласта лексики карельского языка, как названия болезней. Некоторые из русских заимствований сохранились в карельском языке без фонетических изменений (напр., *pošnica, goža, vesnuha*), другие же приспособились к фонетической системе карельского языка (напр., *čahotku, driäni, rodimča*). Но все-таки большинство заимствованных русских лексем используются наряду с собственно-карельскими (напр.: *kupi-na/šyuhu/syuhymine, paraličču/hullavus/hullavundu, kila/n'apa-kriisi/häkytys*).

Список литературы

АОС – Архангельский областной словарь / Сост. Н. А. Артамонова, О. Г. Гецова. М.: Изд-во МГУ, 1985. 160 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

БЭС – Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1999. 1456 с.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.

Винокурова И. Ю. Огонь в мифологии вепсов // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 148–167.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2005. 736 с.

Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск: Карелия, 1995. 191 с.

Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, Juminkeko-säätiö, 2003. С. 386–414.

Лавонен Н. А. Карельская скатерть: ее функции в народном быту и традиционных обрядах // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 82–102.

Новый большой русско-финский словарь: В 2 т. / Под ред. М. Э. Куусинена. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. 844 с.; 2000. Т. 2. 784 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 846 с.

ОКР – Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. 382 с.

ОЛР – *Баранцев А. П.* Образцы людиковской речи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: ГИС, 1958. 1284 с.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. 704 с.

СКГ – Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.

СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

СКЯ 1994 – Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

СОС – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2007. 346 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. 403 с.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. 1968. Osa I. 576 s.; 1974. Osa II. 591 s.; 1983. Osa III. 584 s.; 1993. Osa IV. 610 s.; 1997. Osa V. 634 s.; 2005. Osa VI. 782 s.

Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.

NKK – Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. Osa I. 457 s.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SUS, 1978. Osa I; 1980. Osa II; 1962. Osa III; 1980. Osa IV.

SMS – *Pohjanvalo P.* Salmin murteen sanakirja. Helsinki: SKST, 1950. 426 s.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, 1992. Osa I. 486 s.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Helsinki: SUST 130, 1963. Osa II. 419 s.

Список сокращений

б. – болгарский язык

в.-слав. – восточно-славянский язык

вепс. – вепсский язык

вод. – водский язык

греч. – греческий язык

дрвнм. – древневерхненемецкий язык

лат. – латинский язык

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка

люд. – людиковское наречие карельского языка

польск. – польский язык

рус. – русский язык

ск. – собственно-карельское наречие карельского языка

сл. – словенский язык

сс. – старославянский язык

***Мифологическое и мистическое как один
из аспектов характеристики финнов
в повести В. Ф. Одоевского «Саламандра»***

В 40-е годы XIX века В. Ф. Одоевский пишет одну из своих мистических повестей «Саламандра». Часть действия происходит в Финляндии в 30-е годы XVIII века, и героями повествования являются финны. Эта фантастическая повесть вместе с рядом других подобных произведений Одоевского, по мнению М. А. Турьян, говорит нам об универсальном взгляде писателя «на проблемы духовного бытия человека и представляет собой важнейшую страницу его интеллектуальной биографии» (Турьян, 1991, с. 308).

Когда Одоевский писал «Саламандру», он не планировал местом действий сделать Финляндию. Согласно первому замыслу, по Турьян (Турьян, 1991, с. 309), сюжет должен был разворачиваться в Италии, в XVI веке, потом Одоевский хотел перенести действие в Москву во время правления Петра. Третий вариант – Финляндия, 30-е годы XVIII века. То, где происходит событие, для Одоевского имеет особый смысл, так как это «прямо соотносилось с характером интерпретации мистических мотивов» (Турьян, 1991, с. 309).

«Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия», первая часть повести, как сообщает Сакулин (Сакулин, 1913, с. 76), была задумана автором только после того, как он познакомился с работами Я. К. Грота, профессора русского языка и литературы, который в течение 12 лет трудился в университете города Хельсинки. «Эльса», вторая часть, была написана раньше, в 1838 году, а вышла в свет в 1841 году, тогда она имела название «Саламандра». Только через три года Одоевский соединил два сюжета под общим названием «Саламандра».

Сам князь В. Ф. Одоевский посещал Финляндию, именно он был одним из приглашенных вместе с графом Соллогубом в 1840

году на празднование 200-летия Хельсинкского университета (Kiparsky, 1945, s. 74). Писатель проводит там какое-то время и получает представление о стране, а также изучает публикации Грота, которые выходят в журнале «Современник» с 1839 года (Турьян, 1991, с. 310). Позже Одоевский продолжит свои связи с Финляндией. Недалеко от Выборга в местечке Ронгас он приобретет дачу, на которой будет проводить летом время, а также изучать финский язык (Kiparsky, 1945, s. 77).

В своем труде «О финнах и их народной поэзии» Грот (Грот, 1898) знакомит русских читателей с этим загадочным народом. Первым делом удивляется тому, как противоположно у этих людей внешнее и внутреннее. С виду финны кажутся спокойными и молчаливыми, но так происходит до тех пор, «пока обстоятельства не разбудят дремлющих сил его» (Грот, 1898, с. 102). Этот народ называют упрямым, хотя его представители больше просто терпеливы «в перенесении трудов и нужд» (Грот, 1898, с. 102). Финны живут на севере, поэтому они не избалованы природой, всю жизнь приходится с нею лишь бороться. Они «недоверчивы к иноплеменникам» (Грот, 1898, с. 102), они умеют довольствоваться малым, им нужна лишь справедливость. Финн «равно помнит добро и зло; умеет быть благодарным – но бывает мстителен до люто-сти» (Грот, 1898, с. 103). В боях он не боится опасности, мужествен и решителен. Грот говорит, что низшее сословие в Финляндии «образованнее, нежели во многих других странах» (Грот, 1898, с. 103), так как жениться разрешалось тому, кто причащался, а причащали лишь грамотных, умеющих читать. Молчаливость финнов – это «особенный инстинкт ума» (Грот, 1898, с. 104), сначала они думают, а потом уже говорят что-либо.

Финнам, по Гроту, досталось «в удел поэтическое дарование» (Грот, 1898, с. 107). Это большое количество песен, которые знал обычный люд, благодаря чему можно понять, что «поэзия составляла некогда общее достояние всей нации» (Грот, 1898, с. 107). По этим произведениям мы можем судить о том, как «древние фин-

ны» самообразовывались. По мнению Грота, финн отличается от европейца, он в этом смысле более схож с жителем востока, он не очень подвижен и не развит разносторонне, он довольствуется «деятельностью однообразною, спокойною» (Грот, 1898, с. 109). Финна всегда более интересовало внутреннее, а не внешнее. Тем, может быть, и объясняется «ничтожество их в мире политическом» (Грот, 1898, с. 109), им не нужна была слава побед и завоеваний, зато «самородное образование их» никогда не сталкивалось с образованием завоевателей и осталось «неприкосновенным в корне своем» (Грот, 1898, с. 110).

Главным в том, что заменяло для них славу внешнюю, была «мудрость». Мудрость эта составляла «знание сокровенных сил природы», на которую можно было воздействовать «посредством слова» (Грот, 1898, с. 110). Это и есть так называемое «колдовство», суть которого была в том, чтобы исцелить от болезни или нанести вред «посредством заклятий». В то время во всей Европе ходили слухи о том, что финны – колдовской народ, даже «имя финн долгое время значило то же, что и колдун» (Грот, 1898, с. 110). Поскольку же финский народ уважал мудрость, то колдунов почитали. Природу на севере Грот называет «мрачной», человеку жить в таких условиях трудно, природа – это непобедимый враг для финнов плюс вечная «неприятность соседних народов» (Грот, 1898, с. 112). Человеку было трудно преодолеть это все, поэтому он уходил в себя, «искал способ отпора в своем уме или даже прибегал к тайным, сверхъестественным силам» (Грот, 1898, с. 112).

Именно Гротом была представлена российским читателям созданная Э. Лённротом «Калевала». Лённрот был «пламенным любителем финской поэзии» и собрал песни, которые давно существовали у этого народа и описывали «подвиги богов его» (Грот, 1898, с. 123). Грот сравнивает творение Лённрота с произведениями Гомера, но говорит, что в нем еще сильнее развит «мифический характер», «по самобытности своей оно также точно есть вполне

финское творение, как поэмы Гомеровы – греческое» (Грот, 1898, с. 125). Оба творения были записаны «с живого голоса народа» (Грот, 1898, с. 125).

Грот подробно пересказывает и объясняет само содержание «Калевалы», которое заключается в частично «враждебных» отношениях между двумя народами, «из которых один живет в стране Калевы, а другой – в Похъяле» (Грот, 1898, с. 127). Главным «яблоком раздора» является «сокровище» Сампо, которое представляет собой нечто странное. Грот описывает его как «искусно сделанное орудие», главная суть которого в том, что «оно одарено чрезвычайно благодетельной силою» (Грот, 1898, с. 127). Сампо, а также одного из главных героев Калевалы Вайнямейнена, «мудрого старца и искуснейшего колдуна» (Грот, 1898, с. 127), Одоевский затем использует при создании своей повести.

Первая часть «Саламандры» Одоевского – это исторический роман, где изображено время Петра. Здесь русская культура сталкивается с «первобытной культурой финнов». Финн Якко, который попал в Россию будучи ребенком, смог ужиться в новой среде. Он был отправлен Петром получать образование в Голландию и, вернувшись, стал помощником царя. Эльса, с которой он вместе воспитывался, была против воли своей привезена Якко в Россию уже взрослым человеком, она не смогла привыкнуть к новому месту жительства и вернулась домой (Сакулин, 1913, с. 77).

Вторая часть, как отмечает Сакулин (Сакулин, 1913, с. 79), написана уже «в мистических тонах». Здесь Эльса колдунья, здесь мы встречаемся с «чудесами алхимии», здесь же «странные вопли», которые даже в XIX веке слышатся в доме. Ко всему этому спокойно относится дядюшка, который является мудрым человеком и знает, что «ясного» очень мало в этом мире, но это непонятно его племяннику, который воспитан «в новых научных понятиях». Дядя – «враг рассудочности и практицизма; его возмущает сухая логика XIX века» (Сакулин, 1913, с. 79), которая отдаляет человека от познания жизни внутренней. Племянник молод, «на-

строен рационалистически» и не соглашается с дядей, для него «все эти крики, тени не что иное, как фантазмагория» (Сакулин, 1913, с. 79).

В самом начале произведения мы знакомимся с финской легендой о войне русских со шведами за финскую землю. «Нет на свете земли краше нашей Суомии; у нас и море широкое, и озера глубокие, и сосны вечнозеленые...» (Одоевский, 1988, с. 247). Здесь Одоевский пишет о финском сокровище Сампо, которое раньше все делало: «...и дрова носило, и дома строило, и кору на хлеб молотило, и молоко доило, и струны на кантелу навязывало, и песни пело» (Одоевский, 1988, с. 248). Тогда, по легенде, был рай на земле. «Но когда Вейнемейнен рассердился на нас, Сампо ушло в землю и заплыло камнем, а на земле осталась только кантела» (Одоевский, 1988, с. 248).

Автор использует финские слова, чтобы придать легенде еще больший колорит. «У народа рутцы есть король, а у вейнелесов царь. Оба они великие тietaи» (Одоевский, 1988, с. 248). Рутцы (ruotsalaiset) в данном случае – шведы, а вейнелесы (venäläiset) – русские, тietaй (tietäjä) (как дает перевод финско-русский словарь) – кудесник, волхв, заклинатель, колдун, чародей, маг (Финско-русский словарь, 1995). Думается, что можно к этому ряду добавить еще и мудрец. Бог назван также по-фински – Юмала (Jumala).

Далее следует рассказ о Петре и о том, как он строил Петербург, и это все изображение реальных событий, переданное, как отмечает Турьян (Турьян, 1991, с. 311), на языке финского фольклора. Так, например, море отвечает королю про Петра: «...он землю сушит, волны гонит в мое сердце; тесно мне становится в моих берегах, как тебе, королю, в твоём королевстве» (Одоевский, 1988, с. 250). А завершается легенда риторическими вопросами старого Руси: «Чем-то кончится эта кровавая битва? Кому достанется земля наша? Кому достанется наше сокровище Сампо?» (Одоевский, 1988, с. 251).

Следующий мистический момент произведения связан с тем, как старик Руси передает Эльсе свой дар ясновидения, чтобы узнать о судьбе пропавшего без вести на войне сына. «Почти силою старик подвел ее к огню и посадил на обрубок» (Одоевский, 1988, с. 252). «Эльса билась, чтоб вырваться из рук старика, но тщетно...» (Одоевский, 1988, с. 253). Эльса видит, что приключилось с ее отцом на войне.

В своих «Психологических заметках» (Одоевский, 1982, с. 75) Одоевский много размышляет о разумном и инстинктуальном в человеке. Он считает, что именно в ребенке «заметна инстинктуальная сила», «ребенок редко ошибается», «его ум и сердце еще не испорчены», поэтому «дети скорее взрослых подвергаются магнетическому состоянию».

Когда Якко привозит финку в Петербург, она никак не может привыкнуть к новому укладу жизни, притом ревнует к нему Марью Егоровну, и «в повести вновь вступает в свои права мистика» (Турьян, 1991, с. 312). Эльса подкладывает сопернице под перину сверток, в нем «тряпочки, бумажка, уголек и глинка, все перетянута накрест черной ниткою» (Одоевский, 1988, с. 277), ее уличают, а потом еще, оказавшись у огня шведской печи, в присутствии всей семьи Зверева и Якко, финке «снова открывается таинство» – в огне она видит свою сестру Саламандру «в венке из блестящих огней», которая будет теперь решать за бедную девушку, как поступить (Турьян, 1991, с. 312). Так происходит, может быть, потому, что Эльсе приходилось долго находиться в одиночестве, даже запертой в комнате.

Одоевский считает, что «инстинктуальное чувство может развиваться в человеке и теперь посредством уединения, размышления, повторения одних и тех же предметов, однообразия оных; как, например, жизнь в одной и той же комнате может более или менее развивать это чувство, которого низшее явление есть сомнамбулизм с его разными подразделениями» (Одоевский, 1982, с. 74). Семейство Зверева относит поступки чухонки к роду колдовства, а

врач-немец говорит о приступе «сомнабулизма». Если «предаваться одному инстинктуальному бессознательному чувству», можно сойти с ума (Турьян, 1991, с. 321). Видимо, припадки Эльсы случались именно тогда, когда ее захватывало одно лишь чувство.

Далее Якко выступает как алхимик. Он с графом ставит опыты, чтобы получить с помощью сплава разных металлов золото и разбогатеть. Нельзя ни на минуту отходить от огня. Это забирает у финна все силы. На душе беспокойно. Сидя перед очагом, он думает об Эльсе, и тогда, когда он засыпает, она является «бедному чухонцу» во сне: «...он видел берег Вуоксы, слышал шум иматрских порогов; Эльса была перед ним во всей своей красоте; она склоняла голову на грудь Якко, целовала его; ее кудри обсыпали его лицо...» (Одоевский, 1988, с. 307). Огненная Саламандра поможет ему. Якко ничего не нужно делать, просто спать, а в это время «Саламандра сладострастно плескалась в огненном море, и две пламенные струи обильно истекали из ее девственных персей» (Одоевский, 1988, с. 313). Рядом с женщиной у водопада Якко видит также «золотые слитки» и «драгоценные камни» (Одоевский, 1988, с. 307). Ему кажется, что жизнь станет еще прекрасней, если на лоне финской природы «светлое солнце» будет отражаться в «радужных переливах» камней (Одоевский, 1988, с. 307).

Эльса-Саламандра готова помочь Якко добыть золото, так как для нее это – Сампо, которое искали предки финнов, ведь «о нем одном их дивные сказания; к нему труды и надежды...» (Одоевский, 1988, с. 319). Сампо – это часть родины, часть преданий, часть некоего смысла жизни. «Сампо... не другое что понимали под этим словом мудрые суомийцы... его одного должны искать, его одного и искали люди от начала веков; о нем одном их дивные сказания; к нему их труды и надежды...» (Одоевский, 1988, с. 319). Якко, опьяненный настоящим и мистическим образом девушки, признается ей в любви: «...если бы ты знала, как я люблю тебя! Так люблю, что страшно сказать...» (Одоевский, 1988, с. 318). «Где ты? Неужели угасла твоя таинственная сила?.. Неужели ты не чу-

ешь, что твой Якко страдает, что твой Якко зовет тебя?» (Одоевский, 1988, с. 310). И спустя какое-то время, Якко открывается тайна, он получает золото.

После того как золото было добыто, Саламандра больше не является Якко. Мистическая Эльса подарила ему Сампо, но это только увеличило его страдания, а следующее колдовство теперь случится тогда, когда Якко уже не удовлетворяет свой собственный образ – Якко продолжает путь своего падения. Теперь ему не нужен старик, с которым они вместе хотели получить золото и которого он обманывал до сих пор. И вновь при помощи Саламандры сам Якко превращается в графа. «Старый граф предавался рассеянной московской жизни со всем жаром молодости» (Одоевский, 1988, с. 325). Забыта Эльса, забыта Саламандра, финн вновь влюблен и собирается жениться. Но Эльса не допустит этого. Она возвращается в последний раз. Уговаривает вернуться на Иматру, дает ему последний шанс образумиться, но чухонец не способен слышать родные позывы. Тогда весь дом охватывает пламя, «... и не стало ни алхимика, ни его печи, ни Эльсы!» (Одоевский, 1988, с. 327).

М. А. Турьян (Турьян, 1991, с. 317) говорит, что если Эльса представляет собой «иррациональную мистику», непонятную, неземную, то граф – мистик «рациональный», земной, более логичный. Для графа Саламандра – «это есть только символическое слово, под которым наши мудрые понимают иногда действие огня в нашем теле, а иногда и самый камень, потому что он горит в огне, не сгорая» (Турьян, 1991, с. 318). Старика не открывается истина, но «Якко постигает и иной, высший смысл существа Саламандры-Эльсы» (Турьян, 1991, с. 319). Старого графа Одоевский как будто ставит на более низкую ступень. Духовная сфера человека для Одоевского, которая включает «деятельность психическую, подсознательную», очень важна, без нее невозможно постижение истины. Граф, по Турьян (Турьян, 1991, с. 319), только «рациональный экспериментатор», он человек из цивилизованного мира, где

невозвратно утрачена «способность проникать духовным взором в тайны мироздания», поэтому ему не открывается тайна другого мира, ведь только первобытный человек, который живет среди окружающей его природы, может познать ее, а финнов Одоевский еще в начале повести называет «народом древности, перенесенным в нашу эпоху» (Одоевский, 1988, с. 245). Граф не способен понять «язык древних», «его знания мертвы». Эльса-Саламандра открывает «тайну» своему соотечественнику и любимому человеку.

В «Психологических заметках» (Одоевский, 1982, с. 72) Одоевский отмечает, что «раньше человечество жило произведениями своей инстинктуальной силы» и «древние знали больше нашего». Так сложилось, что «в процессе эволюции в человеке естественно возобладала рациональная основа, и писатель связывает с этим целый ряд неизбежных потерь. В частности, остаются загадочными и необъясненными многие моменты психофизиологической деятельности человека: сны, предчувствия, явления магнетизма и т. д.» (Турьян, 1991, с. 320). Эльса познает мир, как ребенок, она как будто остается в этом состоянии всю жизнь. Ей понятен язык древних, потому что у нее максимально сохранились элементы первобытного сознания. «Эльса-Саламандра, по мысли Одоевского, и есть тот высший тип психической организации, которому может быть доступно постижение истины» (Турьян, 1991, с. 320).

По Одоевскому, «природа севера заставляет жителей его обращаться в самих себя и тем побеждать природу» (Турьян, 1991, с. 320). Южная природа слишком богатая и щедрая, так она «обманывает» своих жителей. Так и Грот (Грот, 1898, с. 113) писал в связи с рассказами Лённрота, что различия заметны уже среди южных и северных финнов. Жизнь южного финна не так благоприятна для поэта, как жизнь северного. На юге поселения находятся недалеко от дорог, где легче вести торговлю, тогда как северного финна окружают лишь леса и озера, и даже чтобы попасть в церковь, северному финну нужно прилагать немало усилий. Так,

обогащая жизнь разными приключениями в пути до города, северному финну есть больше чего поведать, отсюда и появляются «предметы для преданий и песен» (Грот, 1898, с. 113). Северный финн чаще живет в одиночестве, смотрит на темное небо и слагает песни. Южный же живет в деревнях и «проводит почти все свободные часы в забавах с соседями» (Грот, 1898, с. 113). Отсюда и «превосходство северных финнов в поэзии» (Грот, 1898, с. 113).

В завершение добавим, что в «Психологических заметках» Одоевский (Одоевский, 1982, с. 81) предлагает человеку «свои прежние инстинктуальные познания найти рациональным образом; словом, ум возвысить да инстинкта».

Список литературы

Грот Я. К. О финнах и народной поэзии. 1840 // Труды Я. К. Грота. Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898.

Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1988.

Одоевский В. Ф. Психологические заметки // О литературе и искусстве. М., 1982.

Турьян М. А. Странная моя судьба. М., 1991.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913.

Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос, А. Щербаков. Порвоо, 1995.

Kiparsky V. Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945.

© Н. А. Пеллинен

Лексика усиления в карельской колыбельной песне (фоносемантический аспект)

Язык колыбельной песни интересен для исследования не только с точки зрения поэтики и стилистики, но также с позиции грамма-

тики и семантики, через которые возможно постигнуть некоторые особенности мифологического мышления пестуни. С помощью силы слова, выраженной в языке колыбельной определенными суффиксами, падежными окончаниями, формами глагола, синтаксическими структурами и т. д., воспитатель усыпляет ребенка, оберегает от действия злых сил, влияет на его будущее. Вообще при обращении к сущности и языку колыбельной песни ключевым фактором является ее связь с ритуалом. В данной статье предлагается рассмотреть лексику усыпления с точки зрения фоносемантики, т. е. соотношения значения и звуковой составляющей лексики, маркирующей карельскую колыбельную песню. Исследуемые лексические единицы разделены на три тематические группы.

I. Рефрены карельской колыбельной песни в функции усыпления

Для усыпления младенца в карельской колыбельной используются следующие рефрены: *aa* 'а-а', *ani* 'ани', *bai*, *baju/pai*, *pa(i)ju* 'баю' ('бай'), *hussaa* 'хуссаа', *l'u(u)li* 'люли', *tuudi*, *tuuti(e)* 'туути'. Иногда в колыбельной песне выступают также заимствованные из потешек формы, например *turu-turu-tuššii* 'туру-туру-тушшии', последние формы нами специально не рассматриваются.

1) Традиционный для песенного фольклора интернациональный рефрен *aa* 'а-а' создает в колыбельной песне эффект монотонности.

<i>Aa, aa, allin lasta,</i>	<i>A-a, a-a,</i>	птенца морянки,
<i>Pienen linnun poikua...</i>		Птенца маленькой птицы...

Согласно исследованиям музыкальной составляющей карельской колыбельной, для пестуни важны вербальные составляющие песен, исполняемые на четкий и ровно звучащий напев, однако для некоторых текстов важны, главным образом, гласная фонема, а также соотношение гласных и согласных фонем (Власова, Семакова, 1997, с. 82), например:

<i>Aa, aa, agana,</i>	<i>A-a, a-a,</i> пелева,
<i>Aitan luukun tagana</i>	За чуланным замком
<i>Maatah poiijat kodona...</i>	Спят мальчики дома...

2) Рефрен *ani* 'ани' получил начало, вероятно, от упомянутого выше *aa* 'a-a' посредством присоединения деминутивного суффикса *-ni*, вносящего в форму уменьшительно-ласкательное значение:

<i>Ani, ani, linnuistani,</i>	<i>Ани, ани,</i> мою птичку,
<i>Ani, linnun lennätintä...</i>	<i>Ани,</i> птичье крылышко...

3) Очевидна дескриптивная природа рефрена *hussaa* 'хуссаа', являющегося соответствием звука «шшш...» в русском языке, посредством которого просят соблюдать тишину. Следует отметить, что в форме *hussaa* появляется гласный звук «и», облегчающий артикуляцию и, возможно, способствующий ритмической организации текста:

<i>Hui, hussaa, lasta,</i>	Ой, <i>хуссаа,</i> ребенка,
<i>Tuliikki vastah...</i>	Пришел котенок навстречу...

4) При более детальном знакомстве с карельской колыбельной песней у нас сложилось впечатление, что традиционный рефрен *tuudi, tuuti(e)* 'туути' является дескриптивным (действительно, напоминает звук, слышимый при трении раскачивающейся на оспе люльки о жердь, заложенную за матицу). Этот звук разными народами воспринимается по-своему. В пользу предположения о звукоподражательной природе рефрена *tuudi, tuuti(e)* 'туути' говорят следующие тексты:

<i>Tuu-tuu, tuuti, tuuvvittelen,</i>	<i>Туу-туу, туути,</i> убаюкиваю,
<i>Uneh lapsen uinottelen,</i>	В сон (букв.) ребенка усыплю,
<i>Makuuh lapsen muanittelen.</i>	В дрему (букв.) ребенка заманю.
<i>Tuu-tuu, tuu-tu-lu-luu.</i>	<i>Туу-туу, туу-ту-лу-луу.</i>

<i>Tuuti, tuuti, lapšijani.</i>	<i>Туути, туути,</i> мои детушки.
<i>Paapuški paijuttelou,</i>	Бабушка баюкает,
<i>Tuutu, tuutu, tuuttelou.</i>	<i>Тууту, тууту,</i> укачивает.

В этимологическом словаре финского языка приведено множество примеров функционирования слов с основой на *tuuti-* в диалектной лексике. Кроме глагола *tuutie* 'баюкать, качать' в финских диалектах встречаются форма *tuutu* 'колыбель' и сложное слово от нее *tuutulaulu* 'колыбельная песня', а также *tutu* 'сон', *tuutilainen* 'ребенок-зыбочник' и др. (SSA, 2000, s. 342). Слова с основой на *tuuti-* отнесены в этимологическом словаре финского языка к разделу языка пестования (SSA, 2000, s. 342).

Если задуматься над семантикой сочетания фонем *t* и долгого *u*, то становится понятным, за счет чего достигается монотонность в звуковом облике рассматриваемого рефрена колыбельной песни. Глухой согласный *t* сопровождается долгим лабиальным гласным *u*, что создает эффект протяжности и однообразности звучания, вспомним, например, как передается гудок паровоза или волчий вой. Сочетание *tuu* фонетически оптимально для засыпания ребенка.

5) Рефрен *bai, baju/pai, pa(i)ju* 'баю' ('бай') заимствован из русской колыбельной песни:

<i>Baiju, baiju, tyttöstygo,</i>	<i>Баю-баю, девочку,</i>
<i>Da baiju, baiju, pikkaraistu!</i>	<i>Баю-баю, малышку!</i>

Исследователи сближают характерные для русской колыбельной песни рефрены «бай», «люли» со словами заговоров на морфологическом и семантическом уровне (Аникин, 2001, с. 561). Подобные параллели наблюдаются и в отношении карельской колыбельной.

Под воздействием русской традиции в карельскую колыбельную песню в XX веке перекочевали русские рефрены «бай (баю)», «люли» с деминутивным суффиксом -ушк/-юшк в форме множественного числа: *pa(i)juški*, 'баюшки', *l'ul' uški* 'люлюшки':

<i>Raju, raju, raijuški,</i>	<i>Баю, баю, баюшки,</i>
<i>L'ul'i, l'ul'i, l'ul' uški.</i>	<i>Люли, люли, люлюшки.</i>

К рефрену *pai* 'бай', *tuuti* 'туути' иногда примыкает и традиционный для карельского языка деминутивный суффикс *-ni/-ne* (фо-

нетический вариант *-se*), эмоционально обогащая колыбельную песню:

Pai, pai, paipaseh, *Баю, баю, баюшки,*
Tuuti, tuuti, tutuseh... *Туути, туути, туутушки...*

6) Рефрен *l'u(u)li* 'люли' также пришел из русской колыбельной песни.

L'uuli, l'uuli, muamo lastu, *Люли, люли, мама ребенка,*
L'uuli, l'uuli, pikkarastu... *Люли, люли, маленького...*

В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера в отношении форм «люли», «люлю» приведены производные из некоторых индоевропейских языков (укр. *люляти, люлікати*, чеш. *lulat*, нем. *lullen* и пр. со значением «убаюкивать», ср. др.-инд. *lōlati* 'двигается туда-сюда'); данные глаголы рассматриваются как звукоподражательные (ЭСРЯ, 1967, с. 545–546).

II. Глаголы усыпления в карельской колыбельной песне

Действия «баюкать», «качать зыбку/люльку», «усыплять» в текстах карельских колыбельных песен представлены множеством глаголов: *baibattua* 'баюкать', *čuidžuttada, čuidžuttua* 'баюкать, усыплять', *heiluttua* 'качать, раскачивать', *keikuttua, keinuttua* 'качать, покачивать, раскачивать', *laulua* 'петь', *lekahuttua* 'качнуть', *liekuttua, liikuttua* 'качать', *magaittua* 'давать спать', *pa(i)jutella* 'баюкать', *pičkutella* 'пищать', *soittua* 'играть (на муз. инструменте)', *souvatella* (<*soutua* 'грести'), *tuutie, tuutitella, tuututella, tuuvvittua, tuuvvitella* 'баюкать, укачивать', *vakautella* 'успокаивать', *vuaputella* 'качать, покачивать', *väsyttyä* 'утомлять' и т. д.

Значительную часть глагольной лексики карельской колыбельной песни составляют дескриптивные (ономатопоэтические) глаголы, как известно, придающие речи образность и эмоциональность.

С точки зрения семантики в дескриптивных словах вообще объединились звучание и значение (Virolainen, 1953, s. 280). В предисловии к словарю дескриптивных глаголов в карельском языке (2002) В. П. Федотова, анализируя лексическое многообра-

зие указанных глаголов, различает их по принципу интенсивности, энергичности, быстроте, внезапности, качеству и т. п. действия (Федотова, 2002, с. 8).

Считается, что семантика дескриптивного слова во многом обусловлена входящим в его основу гласным звуком; так, фонемы *i* и *e* присутствуют в глаголах, имеющих семантику быстроты и легкости протекания действия, фонемы же *o* и *ö* входят в состав глаголов со значением медленности, даже неуклюжести действия (Virolainen, 1953, s. 280). Для иллюстрации обратимся к следующему тексту:

Tuuti, tuuti, lasta,	Туути, туути, ребенка,
Tuli kikki vastah,	Пришел кот [котенок] навстречу,
Kikki hyppäi kiikun peällä,	Кот [котенок] прыгнул на люльку,
Lekahutti lasta.	Качнул ребенка.

В данном случае глагол *lekahuttua* 'качнуть' содержит в основе *e* и, кроме того, является моментальным. Двумя этими условиями достигается значение динамичности и легкости совершенного действия.

Как известно, в финском языке, как и других прибалтийско-финских языках, дескриптивные глаголы могут быть представлены как формой из одного слова, так и двух глаголов (нейтрального и дескриптивного) (Rytkönen, 1935, s. 90). Во втором случае глаголы могут выступать в одной форме, инфинитивной или личной (*anna hyö syvväh lötötetäh* 'пусть они лопают'); но возможен также вариант, когда один глагол (обычно нейтральный) представлен формой I инфинитива, а второй (дескриптивный) имеет спрягаемую форму (Rytkönen, 1935, s. 90) (*hiän männä propadi* 'он пропал'). Однако для карельских колыбельных песен характерно использование лишь одиночных дескриптивных глаголов:

[Uni] makoa unen makean,	[Сон] спит (букв.) сладким сном,
Sygeizen siuvahutti.	Сорванца [<i>быстро</i>] уложи.

Это обусловлено, очевидно, метрической и синтаксической структурами текстов колыбельных песен.

Дескриптивные глаголы в карельском языке четко делятся на звукоподражательные (звукоизобразительные), копирующие звуки природы или какого-либо процесса (*bičkata* <*bičk* 'бухнуть', *hahattua* <*ha* 'хохотать'), и, более частотные, незвукоподражательные (*kokšahtua* 'быстро прыгнуть, порхнуть', *kučytyä* 'горбиться') (Федотова, 2002, с. 7). В карельских колыбельных песнях присутствуют дескриптивные глаголы обоих типов.

1) Глаголы *ba(i)juttua/pa(i)juttua (pa(i)jutella)* 'баюкать':

<i>Baijutamma</i> lasta,	<i>Убаюкиваем</i> ребенка,
<i>Baju, pikkarasta,</i>	<i>Баю,</i> маленького,
<i>Tule, uni, vastah.</i>	<i>Приходи,</i> сон, навстречу.

Ba(i)juttua <*ba(i)ju* 'баюкать' – звукоизобразительный дескриптивный глагол (Федотова, 2002, с. 13). Семантически тождествен данному глаголу северно-карельский вариант *pa(i)jutella*:

<i>Tuuti, lasta, tuuti vain,</i>	<i>Туути,</i> ребенка, туути,
<i>Paijuttelen</i> pajumah.	<i>Убаюкиваю</i> баюшки.

Вызывает интерес фонетическая омонимичность формы *paijuttua, bajuttua* 'баюкать' и распространенного в говорах собственно-карельского наречия глагола *pajuttua* 'петь'. Тождественность значений 'баюкать' и 'петь' в отношении глагола *pajuttua, bajuttua* в карельском языке вполне возможна, равно как и связь формы с русским глаголом «баять».

2) Глаголы *heiluo* 'качаться', *vuaputella* 'качать, раскачивать':

В следующем примере представлены дескриптивные глаголы *heiluo* 'качаться' и *vuaputella* 'качать, раскачивать', не являющиеся звукоописательными:

<i>Tuuvvin, tuuvvin turvakseni,</i>	<i>Баюкаю,</i> баюкаю себе на опору,
<i>Vuaputtelen</i> varakseni.	<i>Качаю</i> на поддержку в старости.
<i>Tuuvvin lasta tuomariksi,</i>	<i>Баюкаю</i> ребенка в судьи,
<i>Heilu herraksi</i> hyväksi.	<i>Качайся</i> в хорошего господина.

Нужно отметить, что значение многих дескриптивных глаголов с течением времени утрачивается; в семантике таких глаголов

иногда можно разобраться с помощью материала родственных или соседствующих языков (Федотова, 2002, с. 7). Согласно этимологическому словарю финского языка, встречающийся в текстах карельских колыбельных песен глагол *heilua* 'качаться' (ср. также *heiluo*, *heilahtaa* и др.) является дескриптивным. Авторами словаря приводится этимологически родственный вариант из норвежского саамского *hæi'lot*, обладающий значением «покачиваться на волнах, колыхаться» (SSA, 1992, s. 150).

Глаголы *voapottoa*, *voapotella* 'качать' (производные от *vaappua*) предположительно являются также дескриптивными, относящимися к группе глаголов *vapistä* (*tutista*, *täristä*) 'дрожать, трястись' (SSA, 2000, s. 339).

3) Глагол *tuutie* 'баюкать, укачивать' и производные от него.

Глаголы *tuudie*, *tuutie* 'баюкать', 'качать' (и производные от него *tuuvvittua*, *tuuvvitella* и пр.) имеют в основе рефрен *tuudi*, *tuuti* 'туути', вероятно, дескриптивного характера, о чем говорилось выше.

С уходом из семейного быта зыбок и люлек на полозьях детей продолжают усыплять пением, и в наши дни в качестве общего термина для обозначения колыбельной песни выступает существительное «*tuutilaulu*», «*tuuvvituslaulu*» (Горшкова, 2002, с. 143). Вообще в карельской фольклористике глагол *tuuvvittua* считают общим для выражения действия «баюкать», «качать», «колыхать» и пр.

<i>Mie tuuvvittelen, tutjuttelen,</i>	Я баюкаю, укачиваю,
<i>Paijuttelen, patjuttelen...</i>	Убаюкиваю, усыпляю...

<i>Tuuvvitan pojaista,</i>	Я баюкаю сыночка,
<i>Naini toini tyttölasta,</i>	Женщина другая – дочку,
<i>Meän pojalla puolisosks...</i>	Парню нашему в супруги...

III. Дескриптивная «птичья» лексика в контексте усыпления ребенка

Семантическая соотнесенность образа ребенка с птицей обу-

славливает наличие в текстах карельских колыбельных песен дескриптивной лексики, изображающей в звуках птичье пение.

*Piis, piis, pikkulintu,
Missä sulla pesä?
Virvikossa, varvikossa,
Kukkakuusen alla.*

*Пи-пи, маленькая птица,
Где у тебя гнездо?
В вербнике, в зарослях,
Под цветущей елью.*

*Tii, tii, tijasen,
Vača, kuča, varpusen...*

*Тень-тень, синичка,
Чик-чирик, воробей...*

*Miepä laulan lapsellani,
Soitan hoikkasormellani,
Pičkuttelen pienelläni.*

*Я пою своему ребенку,
Играю для тонкого пальца,
Пищу моему маленькому.*

Очевидно, глагол *pičkutella* 'пищать' является звукоподражательным. В данном случае глагол использован не в прямом значении (как действие, семантика которого прослеживается в звуковом облике слова), а в переносном, так как является метафорическим изображением действия «*laulua*» 'петь'.

Вообще соотнесение ребенка с птицей имеет глубокие мифологические корни. При знакомстве с рукописными коллекциями Научного архива КарНЦ РАН удалось обнаружить поверья о том, что душа умершего ребенка становится маленькой птицей, чем объясняются запреты убивать птиц, а также разорять их гнезда.

Итак, рефрены карельской колыбельной песни, среди которых есть как традиционные для карельского фольклора формы, так и заимствования из русской традиции, фонетически приспособлены для усыпления младенца. Мотивированность дескриптивной лексики ее звуковым обликом способствовала активному включению данного пласта языка в тексты рассматриваемого жанра. Использование дескриптивных глаголов в карельских колыбельных песнях способствует обогащению текстов синонимами, выражающими разную степень внезапности, качества, энергичности действия. Звукоподражательная лексика, семантически связанная с миром

птиц, основана на ассоциации образа ребенка с птицей и привносит в колыбельную песню особую нежность. Несомненно, рефрены и дескриптивная лексика – один из маркеров языка пестования, обуславливающий его экспрессивность.

Список литературы

Аникин В. П. Русское народное творчество. М.: Высшая школа, 2001. 726 с.

Власова О. Б., Семакова И. Б. Карельские колыбельные-ейги // История и культура тверских карел: перспективы развития: Матер. междунар. конф. Тверь, 1997. С. 82–83.

Горшкова О. Э. Карельское устное народное творчество. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 156 с. (На фин. яз.).

Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке: Словарь. Петрозаводск: Периодика, 2002. 166 с.

ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. М. Фасмера. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1967. Т. 2. 671 с. (с доп.).

Rytkönen A. Deskriptiivisistä sanoista // *Virittäjä*. 1935. S. 90–120.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / Päätoimittaja E. Itkonen. Helsinki, 1992. Osa 1; 2000. Osa 3.

Virolainen Sinikka. Tyylilhavaintoja kannakselaisesta kansankielestä // *Virittäjä*. 1953. S. 274–294.

© А. П. Родионова

Семантика времени: грамматический аспект

Категории времени и пространства занимают одно из центральных мест не только в лингвистике, но и в других науках и являются одним из типов базовых отношений, воспринимаемых человеком и отображаемых формами языка. Пространство и время не отделимы друг от друга и образуют пространственно-временной континуум.

Единство пространства и времени находит свое отражение в работах философов, физиков, литературоведов, искусствоведов (Потаненко, 1981, с. 5). Такая неразрывность локального и темпорального значения объясняется тем, что долгое время пространственные и временные отношения характеризовались в тесной связи, пока временные отношения не выделились и не приобрели самостоятельного значения.

Под категорией *времени* в языке понимается специфическое грамматическое отображение локализации действия на временной оси. Точкой отсчета является момент речи, по которому говорящие локализируют действие в плане настоящего, прошлого и будущего времени (Зайков, 2000, с. 100).

Время протекания действия достаточно четко обозначается глагольными формами: имперфектом, перфектом, плюсквамперфектом и презенсом изъявительного наклонения (Зайков, 2000, с. 100), которые уже сами по себе несут временную информацию: имп. *tultih kot'ih* (Paanajärvi) '*пришли* домой' (KKS, 2005, s. 283–284), перф. *olen tulluh tänne* (Säämäj.) '*пришел* сюда' (KKS, 2005, s. 258), плюскваммп. *yhtenä yönä oli tullun kontie* (Vuokkiniemi) '*однажды ночью приехал медведь*', *hevol tulloo* (Vitele) '*приедет* на лошади' (KKS, 2005, s. 283–284) и т. д.

Идея времени может выражаться различными средствами языка (грамматическими, лексическими, комбинированными) и находит свое отражение в нескольких семантических категориях. К языковым средствам, служащим для выражения пространственных и временных отношений в предложении, относят падежные словоформы (морфологический способ выражения пространства и времени), послеложные конструкции (синтаксический способ) и наречия (лексический способ). Любопытно, что в «Прибалтийско-финском лингвистическом атласе» (ALFE, 2004) наречия времени представлены как *временные конкретизаторы*. Так, например, к временным конкретизаторам отнесены такие понятия, как *поздно, рано, только что, недавно, давеча*; выразителями ближайшего времени на-

званы понятия *сегодня, вчера, завтра, послезавтра, позавчера* (ALFE, 2004, s. 229–237, 238–241, 242–246, 260). Наречия времени, имеющие значение *только что*, представлены, например, в карельском языке следующими формами: с.-к. *vašta, vašta nüit, vasta vai, vašta vain*, ливв. *vaste, vaste vai, vaste vaiku*, люд. *vasta, vaste vaa, vie vaste* 'только что' (ALFE, 2004, s. 236).

Форматив *myöhä* понятия *поздно* выступает в прибалтийско-финских языках или как наречие, или как застывшая падежная форма адвербиально употребленного имени: с.-к. *müöhä, müöhäh, müöh, müöhäzeh*, ливв. *müöhä, müöhö*, люд. *müöhä, müöhää* 'поздно' (ALFE, 2004, s. 241).

Наречия с основой на *aika-* (по сути, застывшие падежные формы или наречно употребленные имена) употребляются в значении *рано, в ранний момент времени*: с.-к. *aivoin, aikaseh, aigazeh, aigazeh*, ливв. *aijjoi, aijoi, aigou, aigazeh, aigažeh*, люд. *aivoin, aigoin, aiguoin, aiguoī, aiguoš, aigažei* (ALFE, 2004, s. 246).

Темпоральное употребление формата *harvoin* 'редко' употребительно также и в карельском языке:

1) в иллативной: с.-к.: *harvah, harvaa, harvazee, harvazeh, harvauassah*, ливв. *harvah, harvahkoh, harvaizeh, harvazeh, harvattavah*, люд. *harvah, harvai~harvaizei, harvazeh, harvažeh*;

2) инструктивной: с.-к.: *harvoin*, ливв.: *harvuon*, люд. *harvuoin*;

3) инессивной: люд. *harvaz*;

4) наречия, включающие суффикс *-sti*: с.-к. *harvašti*, люд.: *harvažeesti, harvašči*, а также суффикс *-ldi*: с.-к.: *harvaldi* (ALFE, 2004, s. 252–253).

К выразителям ближайшего времени отнесены понятия *сегодня, вчера, завтра, послезавтра, позавчера* (ALFE, 2004, s. 260–278). Временное отношение, такое как *позавчера, послезавтра*, выражается при помощи предлогов и послелогов: ливв.: *huomenen jälgeh, huomenen d'älgeh, huomenen jälles, huomene d'alles*, с.-к.: *humenen jälesti, humenen jäl'geh, huomene d'älgie, huomenen jäl'gee, huomene taguana, huomene taguanda*, люд.: *huomenen taga, humenen tagua*,

huomenen tagana (ALFE, 2004, s. 277–278). В прибалтийско-финских языках временные отношения, описывающие действие, которое происходило два дня назад или которое произойдет через 2 дня, выражаются сложными словами или словосочетаниями, в которых к понятию *вчера, сегодня, завтра* присоединяется послелог, предлог или числительное *toinen* 'второй, другой', напр., фин. *ylihuomenna* 'послезавтра', *toissapäivänä* 'позавчера' люд. *endužeglää* 'позавчера' (ALFE, 2004, s. 260–261, 268). Понятие *сегодня* выражается при помощи словосочетания *tämä* '' + *päivä* '' и имеет в карельском языке форму в ливв. и люд. *tänäpäi*, ливв. *tänäpäin*, люд. *tänäpäinä*, ливв. и люд. *tänäpäüä*, с.-к. *tänäpeenä*, ливв. *tänäpeenni*, люд. *tänämbää* (*tänämbäi*), с.-к. *tämpinä*, *t'ämpien*, *t'ämpöänä*, *tämpin*, ливв. *tämpian*, ливв. и люд. *tämäpäi* (ALFE, 2004, s. 270). Основой для понятия *завтра* в прибалтийско-финских языках является форма *huomen* 'утро', напр., с.-к. и люд. *homena*, *huomen* (ALFE, 2004, s. 272).

Для нас же особый интерес представляет, прежде всего, морфосинтаксический способ выражения времени, который воплощается в падежных формах и синтаксических конструкциях темпорального значения.

Следует отметить, что послеложных конструкций, обозначающих пространство, в разы больше, нежели временных. Пространственные послелоговые конструкции самые многочисленные во всех языках, не только в прибалтийско-финских. Само по себе понятие *пространство* более конкретное, реальное, нежели *время*. Даже ребенок легче усваивает понятие пространства, чем времени (Исмаилов, 1988, с. 4). Послеложные конструкции *со значением времени* в диалектах карельского языка достаточно употребительны, они конкретизируют действие глагола, обозначая время его протекания.

К этой группе можно отнести, например, послеложные конструкции со следующими послелоговыми: *aigua*, *aigah*, *aajakse*

'во время'. Данная серия послелогов, выступающая в формах паритива *aigua*, иллатива *aigah* и транслатива *aijakse*, имеет значение временных отношений; она обязана своим происхождением существительному со значением времени: ср. ливв. *aigu* 'время', фин. *aika*, вепс. *aig*. Корни данной лексемы, давшей начало серии послелогов, возможно, восходят к прагерманскому периоду (SSA, 2000, s. 56). Для карельских говоров ливвиковского и людиковского наречий это достаточно употребительный послелог:

aigua 'во время' (когда, в какое время):

ливв. Talven *aiguagi* tanssit piettih (Holmu) 'И зимой (досл. во время зимы) танцы проводили'; Voinan *aigua* kai oli mennüöt (Mikkel) 'Во время войны все было разрушено';

люд. üön *aiga* edgo voi suaha kaland? 'Ночью ты не можешь рыбачить?' (Kujola, 1944, s. 507);

aigah 'во время' (когда):

ливв. Finskoin voinan *aigah* kačo luajittih 'Во время финской (зимней) войны сделали' (Korza, № 698); Pedrum piän *aigah* otetah 'Во время Петрова дня собирают' (Rubčoilan külä, № 712);

люд. Kouz minä Pelduoizis elin minun *aigah* oli Pelduoine sguri külä 'Когда я жила в Пелдоже, в те времена она была большая деревня' (Баранцев, 1978, с. 20);

aijakse 'на время' (на какое время, на какой временной отрезок, насколько):

ливв. Kudžoimättähäh muilu pannah viendön *aijakse* 'Мыло в муравейник кладут на время летних святок' (Majaiselgü, № 719); Bunukat tullah meile kezän *aijakse* (Nuožarvi) 'Внуки к нам на лето приезжают'.

Нередко достаточно сложно определить связь той или иной лексемы с послелогом, который существенно изменил свой внешний облик. К таковым относится послелог *aloh* 'в течение', который встречается в некоторых диалектах карельского языка. Думается, что его можно включить в группу древней, широко известной

в родственных языках в том или ином виде основы *ala-*, обозначающей 'нижний, находящийся внизу' (SSA, 1992, s. 66):

ливв. Iän *aloh midä ed roa ga!* (Säämäjärvi.) 'В течение жизни чего только не сделаешь!' (KKS, 1968, s. 44); Päivän *aloh äjjän eht'ii raadaa* (Vitele) 'В течение дня много успею сделать' (KKS, 1968, s. 44);

с.-к.: Päivän *aloh äjjän guatau* (Jyskyjärvi) 'В течение дня надо много сделать', Talven *aloh* (Rukajärvi) 'В течение зимы' (KKS, 1968, s. 44).

Послелог *enne* (чаще выступает как предлог) 'до' (в какое время, когда) образован от *ensi* 'первый', который, в свою очередь, восходит к более древней основе **ente-*, являющейся производной от местоименной основы **e-* и суффикса *-nte-* (**ente* < (**e-* + *nte-*)) (SSA, 1992, s. 105):

ливв. Sid vieristänn *enne* 'Еще до крещения' (Stroitšankonti, NKK, 1994, с. 330); Külüü *enne* vie pidäs sovat pestä 'До бани нужно еще белье постирать' (дипл.);

с.-к.: Ol'i vähä Iivanan päivästä *enne* (Porajärvi) 'случилось это незадолго до Иванова дня' (KKS, 1968, s. 119) и т. д.

Зачастую и послеложные конструкции с основным пространственным значением обладают и временным. Это можно наблюдать на примере нижеперечисленных конструкций.

Инессивная форма послелoga *ies* (*iessä, edes*) 'перед' выступает в послеложных конструкциях с основным пространственным значением, это можно проследить во всех основных наречиях карельского языка:

ливв.: räčin *ies* (*зде?*) *keitettih* (Säämäjärvi) '*neped* печью (в печи) варили' (NKK, 1994, с. 280); с.-к.: nenän *iessä* (*зде?*) '*neped* носом' (Зайков, Ругоева, 1999, с. 20, 36); люд.: püörüü *zirkalon edes* (*зде?*) 'Долго *neped* зеркалом кружится' (Virtaranta, 1964, s. 77).

Адессивная форма *iel* (*iellä, edel*) чаще выступает в послеложных конструкциях с темпоральным значением:

ливв.: *Vihman iel* (когда?) *käzii ülen äijäl kivištäü* (Vieljärvi) 'Перед дождем сильно болят руки'; с.-к.: *šurman iellä* (когда?) (Paatene) 'перед смертью' (KKS, 1968, s. 422); люд.: *vihman edel* (когда?) 'перед дождем' (Kujola, 1944, s. 44).

Послелог *ymbäri* (*ympäri*), обладая основным пространственным значением, в конструкциях выступает и в значении времени:

ливв.: *Kiriköin ymbäri* (где?) *koit oldih* (Kiiškoinniemi) 'Вокруг церкви стояли дома'; *Pyhälaskuloin ymbäri* (когда?) *pani lundu* (Säämäj.) 'Во время мясопуста выпал снег' (KKS, 2005, s. 753); с.-к.: *niemen ympäri* (где?) (*Uhtua*) 'около мыса'; *magain tšuassut ymbäri* (сколько?) 'спал в течение нескольких часов' (KKS, 2005, s. 753); люд.: *kolodass ümbäri* (где?) 'вокруг колоды' (Kujola, 1944, s. 506).

Синкретизм в обозначении пространства и времени присущ и падежной системе. Как известно, еще в прафинно-угорском языке из 5–6 имевшихся падежей (мнения ученых-финно-угроведов о количестве падежей в языке-основе отличались) (Основы..., 1974, с. 234–235) локатив, латив и аблатив обладали явным местным значением. Поэтому неудивительно, что грамматические формы с основным пространственным значением обозначают и время. Так, например, в карельском языке все внутренне-местные падежи (инессив, элатив и иллатив) и внешне-местный падеж адессив обладают и временным значением. Причем основные значения пространственных падежей совпадают с основным временным:

Инессив. Основным значением инессива является обозначение места, находящегося *внутри* чего-либо.

ливв. *Andilas istuu suures čupus* (где?) 'Невеста сидит в красном углу' (*Essoilan külä*); с.-к.: *Lahnua on miän järvissä on oikein* (*Oulanka*) (где?) 'Лещ в нашем озере водится' (NKK, 1994, с. 33); люд. *paštettih kodis* (где?) (*Kuujärvi*) 'дома (в доме) пекли' (NKK, 1994, с. 442).

Кроме этого, инессив обозначает также и время, в течение которого совершается то или иное действие:

ливв.: Käüzin minä vuuves kerdua kaksi (когда?) (Essoilan külä, № 699) 'Ходил пару раз в год'; с.-к.: Vuuvvessa on nellä Iivanan päivyä (когда?) 'В году четыре Ивановых дня'; люд. üöss em magannu 'всю ночь не спал' (Kujola, 1944, s. 507).

Элатив передает значение исходности. ливв.: Sit Norjaspäi tuldih kaksi nuordu miestä (откуда?) 'Потом из Норвегии прибыли двое молодых мужчин' (Essoilan külä), с.-к.: Mečästä suau hos midä (откуда?) 'Из леса можно принести хоть чего'; люд.: Kived otetaa räčšpie (откуда?) (Tiudia) 'Камни достают из печи' (NKK, 1994, с. 351).

Для элатива характерно также указание на время начала действия (когда? = с какого момента времени?):

ливв.: Ongele mendih ildupäiväs (когда? = с какого момента времени?) 'На рыбалку пошли с вечера'; с.-к.: Huomeneksesta alkau kouluaiка (когда? = с какого момента времени?) 'С завтрашнего дня начинается учеба в школе'.

Иллатив указывает на вхождение во внутрь чего-либо:

ливв.: Riäpöi tulou randah 'Ряпушка подходит к берегу' (Essoilan külä, № 696); с.-к.: Verkkoja panet järveh (Oulanka) 'Сети закинешь в озеро' (NKK, 1994, с. 32); люд.: Šiid e panet räčči (Tiudia) 'Потом и положишь в печь' (NKK, 1994, с. 355).

Иллатив может обозначать время, до которого совершается какое-либо действие:

ливв.: Viego piässen toizeh päiväh vai täl kuollen? (когда? = до какого момента времени?) (Essoilan külä, № 702/1) 'Доживу ли до завтра или сегодня умру?'

В собственно-карельском наречии иллатив употребляется чаще всего с послелогом *suati* 'до': с.-к.: Tähä päiväh suati potakku ei liikutettu 'До этого дня картошку не трогали' (когда? = до какого момента времени?).

Интересно, что в серии *внешне-местных* падежей временным и пространственным значениями одновременно обладает лишь *адессив*. Как известно, в карельском языке принято выделять 3 внешне-местных падежа – адессив, аблатив и аллатив, однако в диалектной речи карел-ливвиков эти падежи слились в одну форму с единым окончанием *-i*; в собственно-карельском наречии окончание адессива *-lla* совпадает с окончанием аллатива (Диалектологический атлас..., 1997, к. 123), а в людиковском выделяются все три формы внешне-местного значения:

ливв.: *Istummo kivel (где? на чем?)* (Essoilan külä, № 702/1) 'Сидим на камне';

с.-к.: *Järvien rannoilla elettiä (где? на чем?)* (Kontokki) 'На берегах озера жили' (NKK, 1994, s. 111);

люд.: *Keiteta päčin hiilel (где? на чем?)* (Tiudia) 'Варят на углях в печи' (NKK, 1994, s. 349).

Адессив также обозначает время суток, года, когда происходило действие:

ливв.: *Läkkä tüünel illal järviä müö soudelemah (когда? в какое время?)* (Essoilan külä, № 705) 'Пойдем тихим вечером на озеро, покатаемся на лодке';

с.-к.: *šükšüllä i kešällä (когда? в какое время?)* (Oulanka) 'осенью и весной' (NKK, 1994, s. 32);

люд.: *Talvel müö huuhtoimme randas (когда? в какое время?)* (Tiudia) 'Зимой мы полоскали на берегу' (NKK, 1994, s. 350).

Время и пространство зачастую рассматриваются как единое целое, поэтому и в грамматике языка можно наблюдать так называемый дуализм основных значений падежей и послеложных конструкций. Вышеперечисленные примеры подчеркивают эту идею. Порой бывает достаточно сложно определить, какое значение – пространственное или временное – было первичным, какое – вторичным. Помимо синкретизма времени и пространства в нашей статье было важно также выделить многообразие способов выражения темпоральности различными средствами языка. Большое

количество примеров выражения темпоральности при помощи послеложных конструкций и падежных окончаний указывает на то, что семантика времени может выражаться не только при помощи глагольных форм, но и средствами грамматики.

Список литературы

Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.

Диалектологический атлас карельского языка / Под ред. Д. В. Бубриха, А. А. Белякова, А. В. Пунжиной. Хельсинки, 1997.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 293 с.

Зайков П., Ругоева Л. Карельско-русский словарь (северно-карельские диалекты). Karjalais-venäläini sanakirja (pohjois-karjalaiset murteet). Petroskoi: Periodika, 1999. 216 с.

Исмаилов К. А. Семантический анализ пространственных прилагательных в английском языке (с привлечением каракалпакского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 28 с.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 425 с.

Потаенко Н. А. Категория времени и ее выражение в лексико-семантической системе языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 25 с.

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki: SKS, 2004. Osa 1. 464 s.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. 1968. Osa I. 576 s.; 1974. Osa II. 591 s.; 1983. Osa III. 584 s.; 1993. Osa IV. 610 s.; 1997. Osa V. 634 s.; 2005. Osa VI. 782 s.

Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.

Näytteitä karjalan kielestä. I (Образцы карельской речи). Joensuu; Петрозаводск, 1994. 455 с.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, 1992. Osa I. 486 s.; 1995. Osa II. 470 s.; 2000. Osa III. 503 s.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Helsinki: SUS 131, 1964. Osa III. 402 s.

© С. В. Рудакова

Карельские личные имена в процессе вторичной номинации

В современной лингвистике язык рассматривается в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его духовным миром. Адекватное исследование языка возможно только при обращении к человеку – творцу языка.

Интерес к исследованию функционирования личных имен в составе устойчивых выражений объясняется тем, что в них отражается накопленный веками жизненный и общественный опыт народа. А имя собственное как компонент фразеологической единицы позволяет выявить образ человека и глубже познать специфику национального сознания.

Материалом для исследования послужили меткие выражения с именем собственным и лексические производные от карельских личных имен, всего около 500 единиц. В основном это фразеологизмы, пословицы и поговорки, однако есть и небольшое количество загадок (24 загадки), а также названия растений (5 фитонимов). Примеры отбирались из таких изданий, как «Фразеологический словарь карельского языка» (2000), сборник поговорок «Karjalaisia sananpolvia» (1971), сборник «Карельские народные загадки» (1982), «Образцы карельской речи» (1994) и словарь карельского языка «Karjalan kielen sanakirja» (1968).

Культурно-исторические традиции, бытовой опыт, верования и мифические представления народа находят свое отражение в языке. Имена собственные, являясь неотъемлемой частью реальности,

занимают значительное место в составе номинативных средств любого языка.

Имя собственное, обозначающее слово или словосочетание, называет конкретное, вполне определенное явление или предмет, выделяя этот предмет или явление из ряда однотипных. Другими словами, имя собственное идентифицирует предмет, в отличие от имени нарицательного, которое обозначает название целого класса предметов и явлений, обладающих определенным общим набором признаков.

Однако включаясь в состав диалектных фразеологических единиц, имя собственное утрачивает признак индивидуального номинирования, четкую денотативную соотнесенность, и в соответствии с этнокультурными установками данного языкового социума становится символом этнически маркированного понятия (Брысына, с. 1).

Мотивированность использования того или иного имени собственного в составе фразеологических оборотов определяется несколькими факторами. Основным из них является исторический фактор.

Необходимо заметить, что фразеологические обороты в карельском языке чаще всего выражают не реально-исторические данные, а житейские представления карелов, особенности их мировосприятия. Среди анализируемых образных выражений был обнаружен лишь один оборот, в котором имеется ссылка на историческую личность: *Pyhä Miikul on miilostivoi, ga Miikul suarid ei ole tuga miilostivoid* (Сямозеро) 'Святой Николай милостивый, а цари Николаи не так милостивы' (KS, 1971, s. 408). В примере мы видим сопоставление по имени, сравниваются святой Николай и цари Николаи.

В каждом языковом сообществе выделяется круг лиц, получивших известность в рамках этого сообщества. Такая известность определенного лица неразрывно связана с определенным объемом информации о нем. Эти сведения и образуют семантику наимено-

вания, устойчиво связываются с конкретным антропонимом и позволяют употреблять его в речи без особых пояснений. Часто носитель имени собственного, как определенное историческое лицо, в силу схожести специфических черт или возникновения устойчивых ассоциаций обретает статус апеллятива и становится символом определенного понятия.

Имя собственное сохраняется в образных выражениях, сообщая нам информацию о событиях прошлого. Например, когда-то на скалистый остров, находящийся в Северном Приладожье, свозили разбойников, где они находились под охраной. Один из разбойников тайно взял лодку стражников и совершил побег. Этого разбойника звали Лаури. Лаури украл единственную лодку, охранники же остались на острове. Это происшествие запечатлелось в устойчивом выражении: *Ei Laur' venehtä vie, Laur' vai lirualoo* (Имплахти) 'Лаури лодку не увезет, Лаури лишь ? зубы заговаривает' (KS, 1971, s. 234), которое употребляется при разговоре о ловком мошеннике.

Карелы всегда считались гостеприимным народом, однако к некоторым на ночлег лучше было не проситься. Имена не очень учтивых и невежливых хозяев можно встретить в поговорках:

Kiitos Soti, ku laskit N'iemizeh yökse (Салми) 'Спасибо, Изом, что пустил на ночь к Ниеминеным' (KS, 1971, s. 165) (прим.: Путник просился на ночлег, но его отправили в другой дом).

Mikki viel musikka, Mikin akka ristikansa. Mikki kui bukki, Mikin akka kui lökki (Суоярви) 'Микки (Миша) мужик, жена Микки человек. Микки, как козел, жена Микки, как бестолковая' (KS, 1971, s. 284) (прим.: Михаил пустил гостя в дом, но был негостеприимен).

Во многом на утрату антропонимом его индивидуализирующих свойств влияет частота употребления имени. В карельских деревнях были широко распространены такие имена, как *Iivan, Mikko, Miikul, Pekka, Juakko, Anni, Man'a, In'a, Natti, Outi, Paroi, Duarju* и другие. В карельском языке мы находим ряд устойчивых выраже-

ний, где данные имена употребляются во множественном числе и используются парой. Пара выбирается по созвучию, например:

an'n'it – man'n'it (Толмачи, Койкара) 'Ани – Мани' (ФС, 2000, с. 15, 120);

iroit-paroit (Койкара) 'Ирины – Парасковыи' (ФС, 2000, с. 54);

pekat-krikut (Кестеньга) 'Петры – Григории' (ФС, 2000, с. 161).

Данные сочетания используются для выражения собирательно-го образа, а именно обозначают «женщин» или «мужчин». В данных конструкциях явно просматривается утеря статуса апеллятива.

Зачастую приписывание того или иного свойства имени собственному происходит произвольно. Нередко произвольная номинация, при которой отсутствует видимая связь между первичным и вторичным денотатами, приводит к широкой вариативности фразеологических единиц в диалекте, например:

Kouhko ei ole liha, Homan Drohpi ei briha (Суйстамо) 'Лёгкие не мясо, Хоман Дрофи (? Дорофей Фомин) не парень' (KS, 1971, s. 191); *Lukan Brokko ei ole briha, kouhko ei ole liha* (Суйстамо) 'Лука Брокко (? Прокофий Лукин) не парень, лёгкие не мясо' (KS, 1971, s. 253).

Kielas Mikki: Kielas Mikki kaikii kielastelou (Коткозеро) 'Настоящий лжец, всех обманывает' (ФС, 2000, с. 75, 127); *Kielaz Mokki: Onhäi kielaz Mokki, ei ole ni padah pandavaa hänen paginois* (Видлица) 'Он враль, нельзя ему верить (досл. нечего и в горшок положить из его разговоров)' (ФС, 2000, с. 75, 128); *Oi, sinä kielas Mokki, ainos rahvasta mut'it* (Койкара) 'Ой, ты враль, всегда людей морочишь' (ФС, 2000, с. 75, 128).

Kuivu Iivan on kukkaros 'Сухой Иван в кошельке, денег нет' (ФС, 2000, с. 51); *Mit'ka on kukkaros: Mit'ka on kukkaros, eikä ostazin* (Койкара) 'Денег нет, а то купила бы' (ФС, 2000, с. 128).

Именам личным, входящим в состав того или иного фразеологизма, приписывают положительные или отрицательные характеристики. Постепенно использование имени собственного в бытовой речи уже не связывают с конкретной личностью. Имя носит

обобщающий характер. «...При этом оказывается возможным наименование обретшим семантическую емкость антропонимом другого человека, имеющего свое собственное имя, но по тем или иным доминирующим свойствам и качествам сходного с антропонимическим прототипом» (Брысина, с. 3). Например, имя Пекки Спиридонова, местного юродивого, стало нарицательным.

Piirtoin Pekka 'глупый, слабоумный': *Elä uravoï, ethäin ole Piirtoin Pekko* (Суйстамо) 'Не буянь, ты же не глупый' (КС, 1971, с. 387).

Puzun Vasja 'сказочник': *Ennen kažil lopeh suarnad ku Puzun Vasjal* (Сямозеро) 'Раньше у коты сказки закончатся, чем у этого сказочника' (КС, 1971, с. 139). Пузуев Василий был подрядчиком на стройке, а также мастером рассказывать сказки и небылицы (см. примечание, КС, 1971, с. 139).

Jekoin akku 'дрянная баба, досл. жена Ефима': *Jekoin akku! Aivin on koirattamaz, aivin huigoamaz* (Сямозеро) 'Дрянная баба, всегда собачится, всегда срамит' (ФС, 2000, с. 59).

Иногда для большей убедительности антропоним сочетается с топонимом, например:

Vehkusellän Juakoi 'обманщик, шулер, досл. Яков из Вехкусельги': *Kaline da Vehkusellän Juakoi pidäz panna yhteh ruuheh kaglakkah da karttid heittä piänrohjih* (Сямозеро) 'Этих шулеров (досл. Калину да Якова из Вехкусельги) нужно бы в один гроб положить в обнимку и карты к изголовью' (КС, 1971, с. 130).

Еще одну группу фразеологических единиц, включающих в свой состав антропонимы, составляют наименования народно-традиционных и религиозных событий и праздников, а также наименования растений и приметы, связанные с народным календарем.

За каждым именем стоят определенные верования, житейские наблюдения, легенды, не говоря уже о приметах, ведь они содержат в себе указания на сложившийся веками тип поведения.

Например, на день святого Николая (Никола Вешний – 22 мая) с земли уже сходит снег и начинает расти трава, это наблюдение нашло свое отражение в следующих оборотах:

Miikkula tuoubi heiniä riel (Суйстамо) 'Никола привезет травы на санях' (KS, 1971, s. 283).

Miikkula heinyhurstizen kera kävelöy (Тулмозеро) 'Никола с протыней из травы ходит' (KS, 1971, s. 283).

Miikula kui tulis, sit tuliz heinyvirššin kera (Тулмозеро) 'Никола если бы пришел, то пришел бы с корзиной травы' (KS, 1971, s. 283).

По распространенной традиции названия праздников в честь святых сокращаются непосредственно до имени святых, что мы и видим из предыдущего примера (*Miikulanpäivu* сокращается до имени *Miikul*). Таким образом, происходит «метонимическая» «апеллятивизация» антропонимов» (Мороз, 2007, с. 60).

Имена начинают функционировать в языке в отрыве от имен святых и приобретают функцию хрононима, обозначая точки и отрезки времени. Имена используются в грамматических формах, не типичных для имени собственного. Например, имя собственное используется в терминативе [*Miikulassah älä kylve kezoidu* 'До Николы не купайся' (ОКР, 1994, с. 318) или эссиве (*Oudottiena kun lunda poikki ties juoksuttaa, ni vilu kevät tuloo* (Суйстамо) 'Если на Евдокию снег через дорогу несет, то холодная весна придет' (KS, 1971, s. 44)].

Также имена собственные сочетаются с атрибутивными уточнениями. Использование атрибутивных уточнений выполняет разграничительную функцию, способствует различению праздников в честь одного святого или в честь одноименных святых. Сравним два выражения:

Keväd-Jyrginny karvad yhteh laskietah (Сямозеро) 'На весеннего Юрия (Егория) шерсть считают' (KS, 1971, s. 152).

Vajuattavaine kaksi nedälii rastavanpyhiä on suys -Jyrgi. 'Чезез неполных две недели после начала Рождественского поста празднуют Осеннего Юрия (Егория)' (Конкка, Огнева, 2010, с. 200).

В данном случае речь идет о народных названиях двух церковных православных праздников, дней памяти святого великомученика Георгия Победоносца. Первый – Егория Вешнего – отмечали 6 мая. Он был установлен церковью еще в эпоху раннего христианства в память святого Георгия, которому, по преданию, в этот день отсекали голову. Второй – 9 декабря – Егорий Осенний (Зимний) – установлен русской православной церковью. В этот день в 1051 г. великим киевским князем Ярославом Мудрым, получившим при крещении имя Георгий, и митрополитом Илларионом было совершено таинство освящения храма святого Георгия в Киеве.

Параллельно происходит и обратный процесс. Хрононимы приобретают ряд признаков, характерных для описания живых существ. Например, использование хрононима в качестве субъекта:

И'Г'и vilun kiven vedeh heittäy 'Илья холодный камень в воду опустум' (Remsujeva, 2003, s. 2).

Tulou И'Г'и, tuou vihmat 'Придет Илья, принесет дожди' (Remsujeva, 2003, s. 2).

Miikkul tuluo nuagloin ker, Jyrgi kurikan ker (Салми) 'Никола приходит с гвоздями, Юрий (Егор) с дубиной' (KS, 1971, s. 283).

Иногда в связи с соотношением календарной даты с тем или иным природным явлением или особенностями поведения человека в определенный период хрононим-агионим, или имя святого, используемое при обозначении праздника, приобретает качества, которые существенно отличаются от представления о святых. Например, выражение *kuin Iivan da Viizoi* употребляется при разговоре о скупых людях. На такую интерпретацию имени святого Иоанна Предтечи повлиял приходящийся на этот праздник однодневный пост (также однодневный пост приходится и на праздник Воздвижения Креста Господня).

Использование имен святых мы находим и в названиях растений. Одна из наиболее частотных моделей использования имени – это именованье его по календарному празднику, приблизительно совпадающему со временем цветения растения (Колосова, 2005, с. 264). Так, в некоторых диалектах карельского языка названия зверобоя, зацветающего около дня святых Кузьмы и Демьяна (14.07, другое название этого праздника летние Кузьминки), связывают с именем Кузьмы:

Зверобой (Hypericum):

kusmanpraiseheinä, kuzmanpraiseheinä (Реболы) 'трава Кузьмы от нарывов';

kuz'manhattu 'шляпа Кузьмы': *Ruskettu ollah hormuheinängi piduličat da kuz'manhattun särmikkähät lehtet.* 'Покраснели и продолговатые листья иван-чая, и ребристые листья зверобоя' (KKS, 1974, s. 475).

Лютик едкий (Ranunculus acer):

iivananheinä (Иломантси) 'трава Ивана'; *Juhannusaattona rapnaap vastaan iivananheiniie* (Суоярви) 'В канун Ивана Купалы в веник кладут лютики'; *Iivananheiny kazvau piendaril, n'iittuloile* (Сямозеро) 'Лютики растут на краях пашины, на лугах'; *Iivanankukka, iivanankukku* (Ведлозеро) 'цветок Ивана'; *Iivananpropa* 'цветок Ивана': *Iivanamboboa iivanampäiveä vaste otettih vastoih, vastal kylbiettih kylyz; sid lykättih vedeh: kel uppoi, se sil vuvvel kuoli, kel ei uropnuh, se eži (uskom.)* (Сямозеро). 'Перед днем Ивана Купалы лютики собирали в веники, веником парились в бане, затем бросали в воду: у кого тонул, тот в этот год умирал, у кого не утонул, тот жил' (поверье) (KKS, 1968, s. 426).

Иногда соотнесение имени святого (названия праздника) с соответствующим действием или атрибутом происходит на основании хрононима-агионима и созвучных ему лексем (Мороз, 2007, с. 61):

Tule pyhä Lukki lakkapiiä kapustua kasvattamah (Иломантси) 'Приходи святой Лука капусту выращивать' (KS, 1971, s. 408).

Pija išköö, Päntti käsköö (Импилаhti) 'Илья бьет, Пантелеймон приказывает' (KS, 1971, s. 97).

Pyhä Il'lu kil'l'uu, a Spuassu silmiä išköu (Сязозеро) 'Святой Илья кричит, а Спас подмигивает' (KS, 1971, s. 408).

Другими словами, мы можем вести речь о фонетическом факторе, влияющем на преобразование имени собственного в составе фразеологизмов. В карельском языке очень часто для усиления выразительности речи используется аллитерация, повторение однородных согласных и гласных, придающее фразе интонационную и художественную выразительность. Выбор того или иного антропонима происходит по принципу созвучия. Например:

Kuni Kali kauhua etsi, sini Olli oluot joi (Салми) 'Пока Калина ковш искал, Олли все пиво выпил' (KS, 1971, s. 130).

Ozka orrel, Vazka yuarnal, Semoi sellin pertil seisoo (Суйстамо) 'Оська на воронце, Васька на вешалке, Семён спиной в избе стоит' (KS, 1971, s. 342; КЗ, 1982, с. 113, загадка).

Osa Ollil, pala Puavol, ei Heikkiikää ilman heitetä (Импилаhti) 'Часть для Олли, кусок Павлу, да и Хейкки так не оставляют' (KS, 1971, s. 340, говорят, когда что-то делают).

Mari kačšiovi Mačših, a Mačši kačšio teččäh (Салми) 'Мария смотрит на Матвея, а Матвей смотрит в лес' (KS, 1971, s. 265).

Подводя итоги, необходимо еще раз отметить, что имя собственное входит и закрепляется в образных выражениях под влиянием исторических, этнокультурных и языковых особенностей носителей антропонимической системы. Участвуя в актах вторичной номинации, имена собственные приобретают новый смысл. Утрачивая связь с конкретным лицом, имя наполняется новыми семантическими характеристиками.

При этом состав имени и характер его использования определяются психологией народа, своеобразием восприятия окружающего мира, различными ассоциациями, возникающими у носителей языка в связи с ролью в жизни народа тех или иных соци-

ально-общественных и природных явлений и окружающих предметов.

Список литературы

КЗ – Карельские народные загадки: Сб. загадок / Под ред. Э. С. Киуру, В. Д. Рягоева. Петрозаводск, 1982. 210 с.

Колосова В. Б. Антропонимы в славянской фитонимике // Антропологический форум. 2005. № 9. С. 263–276.

Конкка А., Огнева О. Праздники и будни. Карельский народный календарь. Петрозаводск, 2010. 214 с.

Мороз А. Б. Народный календарь и квазиагиография // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 59–65.

ОКР = Образцы карельской речи / Под ред. В. Д. Рягоева, М. Есканена. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1994. 458 с.

Родионова И. В. Дериваты библейских антропонимов // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 121–144.

ФС – Фразеологический словарь карельского языка: Справочное изд. / Сост. В. П. Федотова. Петрозаводск, 2000. 260 с.

Брысина Е. В. Антропонимы в составе диалектных фразеологических единиц: [Электронный ресурс] / Shtirov. – URL: <http://vspu.ru/kafedra-obschego-i-slaviano-russkogo-yazykoznanija/laboratoriya-regionalnaya-lingvistika/publikacii-chlenov-laboratorii/brysina-e-v-antropimy-v-sostave-dialektnyh-frazeologicheskikh-edinic/view>, свободный. Яз. рус. (Дата обращения 17.09.2010). С. 1–10.

KKS – Karjalan kielen sanakirja / Toim. P. Virtaranta, R. Koponen. Helsinki, 1968–2005. Osat I–VI.

KS – Karjalaisia sananpolvia / Toim. L. Miettinen, P. Leino. Helsinki, 1971. 640 s.

Remsujeva M. Il'ŋ'u vilun kiven vedeh heittäy // Oma mua. 2003. № 33. S. 2.

Современное состояние исполнительства на йоухикко и родственных инструментах

Йоухикко – традиционный карело-финский хордофон, относящийся по классификации Хорнбостеля и Закса к ящичным лирам (321.22). Родственными йоухикко являются шведская талхарпа и эстонский хийуканнель.

Наиболее устойчивой версией исторического происхождения музыкального инструмента – предшественника йоухикко и талхарпы является гипотеза о его постепенном продвижении по следующему пути: Англия – Шетлендские острова – Норвегия – Швеция – Эстония – Финляндия – Карелия со средних веков до начала XX века. Впервые эта гипотеза была высказана шведским ученым Отто Андерссоном в его кандидатской диссертации, посвященной смычковой лире, вышедшей в 1923 году.

Традиционно инструменты изготавливали из цельного куска дерева. Строительным материалом могли стать ель, сосна, ольха, осина и береза. По сообщению традиционного исполнителя Юхо Вилланена из Савонранта (1846–1927), йоухикко всегда делали из осины, т. к. это дерево «громче звучит». Это утверждение может служить доказательством того, что «громкость» древесины, то есть ее резонирующие свойства, являлись для мастера определяющим фактором при выборе породы дерева.

Йоухикко имеет прямоугольный долбленный корпус, который делится на резонаторную часть и отверстие для руки. Равномерные струны натянуты через подставку от струнодержателя к колкам параллельно корпусу инструмента. Конструктивные отличия талхарпы и хийуканнеля от йоухикко заключаются в более широком корпусе и отверстии для руки, а также большем количестве струн.

Крупнейший ученый, благодаря которому до нас дошел репертуар и сведения об исполнителях, – Армас Отто Вяйсянен, им был проделан наибольший объем работы по собиранию и фиксации традиции. Исследования традиционного исполнительства на йоухикко в Финляндии начались с работы А. О. Вяйсянена «Мелодии для кантеле и йоухикко» (Хельсинки, 1928). Наиболее значительными по результатам исследовательской работы были его путешествия по Финской Карелии (1916, 1917, 1919 годы) и путешествие в Олонецкую губернию в 1919 году, в места компактного проживания карелов. Именно благодаря деятельности А. О. Вяйсянена сохранилось, большей частью в виде записей на фонографе, две с половиной сотни мелодий для кантеле и йоухикко. Работа, так своевременно проделанная А. О. Вяйсяненом, позволила узнать и сохранить музыку, которая начала исчезать на рубеже XIX–XX веков.

В сборник «Мелодии для кантеле и йоухикко» А. О. Вяйсянен поместил мелодии для йоухикко, записанные им от Юхо Вилланена (Савонранта, дер. Вуокала), Юхо Вайттинена (Имплахти, Хунттила), Фёдора Прачку (Имплахти, дер. Койриноя) и Пеки Ламберга (Сортавала), и расположил их по жанровому принципу – рунические, песенные и танцевальные.

Позже интерес к йоухикко обнаружился и среди отечественных карельских исследователей и культурных деятелей. Известно, что в 1932 году при этнографо-лингвистической секции КНИИ открылся новый сектор – музыкальной культуры, который возглавил Виктор Пантелеймонович Гудков (1899–1942) – поэт, музыкант, фольклорист и исследователь, композитор и основатель ансамбля «Кантеле».

Имеющийся материал, характеризующий деятельность сектора музыкальной культуры при КНИИ в лице его руководителя, касается вопросов, связанных с поиском и дальнейшим усовершенствованием кантеле. Тем не менее становится понятным, что кроме кантеле в сферу исследовательского интереса В. П. Гудкова вошли

и другие карело-финские традиционные музыкальные инструменты, в частности йоухикко. Из письма сотрудника КНИИ В. Евсеева В. П. Гудкову: «Тов. Семён Тупицын исполнил мне на смычковом кантеле свыше 10 разных наигрышей и его, безусловно, необходимо пригласить на некоторое время в Петрозаводск в качестве "инструктора", а то ведь ты без него все равно не научишься».

Другое, более позднее документальное сведение о присутствии в Государственном ансамбле песни и танца «Кантеле» традиционных карело-финских хордофонов содержится в письме Максима Гаврилова (1919–1997), артиста, а позже директора ансамбля «Кантеле», заслуженного артиста РСФСР, в редакцию Государственного издательства торговой литературы «Госторгиздат»: «По существу вашего письма сообщаем, что в настоящее время йоухиканнель, или йоухикко, бытует в оркестре ансамбля "Кантеле", где был усовершенствован в 1946 году творческой группой артистов ансамбля (под руководством главного дирижера ансамбля В. О. Салопа) и изготовлен в этом же году в Московской музыкально-экспериментальной мастерской. Положение при игре – старинное, количество струн – 4, на грифе имеются лады, строй альтовый (*до*, *соль* – малой октавы; *ре*, *ля* – первой октавы). Выполняет функцию оркестрового альтя. В торговой сети музыкальный инструмент йоухи-каннель применения не имеет».

В современное время обучаться игре на смычковой лире можно в нескольких образовательных учреждениях. В Финляндии это кафедры народной музыки Института Ала-Конни и Академии Сибелиуса, в Эстонии – Академия культуры в Вильянди. С 1984 года стало возможным учиться изготовлению смычковой лиры в Колледже ремесла и дизайна в Икаалинен, и сейчас уже около ста изготовителей смычковой лиры получили там свою профессиональную квалификацию.

В Швеции интерес к традиционным музыкальным инструментам возобновился в начале 1970-х годов, когда Стурбьерн Бергелт – шведский музыкант и исследователь – приступил к исследова-

нию смычковой лиры. Он изучал музыку для шведско-эстонской талхарпы посредством изготовления инструмента, игры на нем, пения и танцев, стремясь к достижению традиционного стиля исполнительства на талхарпе.

В Эстонии обучение игре на хийуканнеле началось в 1990-х годах в Академии культуры в Вильянди, и с тех пор число исполнителей на традиционных музыкальных инструментах постоянно растет. Этому способствуют и регулярно проводимые в Эстонии семинары, на которые приезжают исполнители на смычковых лирах из Финляндии, Эстонии, Карелии и Швеции.

Первый компакт-диск «Hiien Hivuksista», посвященный музыке для йоухикко, вышел в Финляндии в 2003 году. Десять исполнителей на йоухикко участвовали в его записи, как в качестве солистов, так и в составе ансамблей. Следует добавить, что в Финляндии, Швеции, Эстонии и России за последние 20 лет появилось почти 200 записей, на которых можно услышать музыку для смычковой лиры, отражающую разные направления в исполнительстве.

В конце 1990-х годов многие исполнители на йоухикко начали использовать бурдонирующую струну для исполнения мелодии. Играть подобным образом стало возможным на инструментах, сделанных по образцу шведской талхарпы, у которой широкое отверстие для руки. Некоторые исполнители увеличили узкое отверстие для руки на йоухикко, что также дало возможность играть на бурдонирующей струне. Описанный прием породил в Финляндии «смешанный стиль», при котором рука исполнителя расположена между второй и третьей струнами. Звуки бурдонирующей струны извлекаются тыльной стороной пальцев, а первой струны – внутренней стороной пальцев. Современный финский исполнитель на йоухикко Пекко Кяппи – приверженец новейших способов исполнения и «смешанного стиля» – использует как «старинную» технику игры, так и современную, а также и более авангардистские

эффекты, такие как глissандо, вибрато и др. Этот способ также распространился среди исполнителей на хийуканнеле в Эстонии.

В Карелии, в Петрозаводске, имеется возможность обучения игре на йоухикко – для детей школьного возраста ведется преподавание в учреждениях дополнительного образования (музыкальных школах и домах творчества), а взрослые имеют возможность заниматься в самодеятельных ансамблях и студиях (например, в фолк-студии Artforge). Люди, получающие профессиональное музыкальное образование, могут освоить игру на йоухикко в Петрозаводской государственной консерватории на кафедре музыки финно-угорских народов, где с момента ее создания в учебном плане содержится обязательное ознакомление с традиционными музыкальными инструментами финно-угорских народов, в том числе и с йоухикко.

Имеются и отдельные проекты, целью которых становится возрождение исполнительства на традиционных музыкальных инструментах Карелии. Так, в 2010 году подобный межрегиональный творческий проект «Мастерская будущего финно-угорской молодежи» организовала молодежная общественная организация «Nuori Karjala».

Современное усовершенствование йоухикко не коснулось конструкции, а направлено лишь на облегчение процесса настройки (применение скрипичных машинок) и усиление громкости (путем применения различных видов микрофонов). Угасающая в начале XX века, но зафиксированная собирателями традиция исполнительства на йоухикко не исчезла, а продолжает активно существовать и в наше время в новых видах и формах, прежде всего, благодаря деятельности финских, российских, эстонских и шведских энтузиастов – исполнителей и мастеров.

Список литературы

Письмо В. Я. Евсеева В. П. Гудкову (предположительно лето 1932 года) // Архив государственного ансамбля песни и танца «Кантеле».

Andersson O. Stråkarpan, En studie i nordisk instrumenthistoria. Stockholm, 1923.

Nieminen R. Jouhikko. Ikaalinen. Kansanmusiikki-instituutin julkaisuja. 2007. 160 с.

Научное издание

**Бубриховские чтения:
Вопросы исторического развития и современное состояние
языков и культуры прибалтийско-финских народов**

Сборник научных статей

Редактор *О. В. Обарчук*
Компьютерная верстка *М. А. Тарасюк*

Подписано в печать 25.12.2011. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 100 экз. Изд. № 165

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ISBN 978-5-8021-1296-0

9 785802 112960

